

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**НЕОБРАТИМОСТЬ
БЫТИЯ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	6
Ч А С Т Ь 1	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	18
ГЛАВА 7	20
ГЛАВА 8	23
ГЛАВА 9	27
Ч А С Т Ь 2	29
ГЛАВА 1	29
ГЛАВА 2	34
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	41
Ч А С Т Ь 3	42
ГЛАВА 1	42
ГЛАВА 2	46

ГЛАВА 3.....	47
ГЛАВА 4.....	51
ГЛАВА 5.....	54
ГЛАВА 6.....	57
ГЛАВА 7.....	60
ГЛАВА 8.....	65
ГЛАВА 9.....	68
ГЛАВА 10.....	70
ГЛАВА 11.....	72
Ч А С Т Ь 4	73
ГЛАВА 1.....	73
ГЛАВА 2.....	74
ГЛАВА 3.....	75
ГЛАВА 4.....	76
ГЛАВА 5.....	79
ГЛАВА 6.....	80
ГЛАВА 7.....	82
ГЛАВА 8.....	82
ГЛАВА 9.....	83
ГЛАВА 10.....	85
ГЛАВА 11.....	86
ГЛАВА 12.....	87

ГЛАВА 13	88
ГЛАВА 14	89
ГЛАВА 15	90
ГЛАВА 16	91
Ч А С Т Ь 5	92
ГЛАВА 1	93
ГЛАВА 2	94
ГЛАВА 3	95
ГЛАВА 4	97
ГЛАВА 5	98
ГЛАВА 6	99
ГЛАВА 7	101
ГЛАВА 8	104
Ч А С Т Ь 6	111
ГЛАВА 1	111
ГЛАВА 2	113
ГЛАВА 3	116
ГЛАВА 4	117
ГЛАВА 5	119
ГЛАВА 6	122
ГЛАВА 7	124
ГЛАВА 8	124

ГЛАВА 9.....	125
ГЛАВА 10.....	126
ГЛАВА 11.....	129
ГЛАВА 12.....	131
ГЛАВА 13.....	133

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"Будущее всякий может создать, но только мудрый способен создать прошлое".

В. Набоков

С.А.

Зелинский

**Необратимость
бытия**

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский
Необратимость бытия

С. А. Зелинский.
Необратимость бытия. Роман.— CANADA.:
Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. — 158 с.

ISBN 9781312287464

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

роман

НЕОБРАТИМОСТЬ БЫТИЯ

"Будущее всякий может создать, но только мудрый способен создать прошлое".

В. Набоков

Ч А С Т Ь 1

ГЛАВА 1

Сколько себя помню, мне все время казалось, что вот-вот что-то изменится, и люди перестанут, наконец, играть в какую-то непонятную игру (по каким-то загадочным правилам); и тогда я способен буду разгадать их поступки да желания. А как только случится такое, - все вокруг станет "ближе и роднее". А сами люди - доступнее. Для понимания. А значит и для общения. И мне уже не придется разгадывать те жизненные ребусы, на решение которых - как мне казалось - уходила вся моя жизнь. Юная. Ибо было мне тогда - тринадцать. Звали меня - Алекс Райх. И все проблемы, которые меня окружали, -- казались достаточно серьезными (и, что вероятнее, - неразрешимыми), чтобы позволить не обращать на них никакого внимания.

Однако, вероятно, я был все же занят чем-то другим. А когда через какое-то время (став чуть постарше) постарался припомнить хотя бы суть большинства мучивших тогда вопросов - то лишь заулыбался, вспоминая.

Но все это было уже позже. А в те годы, -- ожидание что все, что меня окружает, как-то разом может измениться (а то и исчезнуть) - казалось мне, как минимум, лишенным какого-то логического смысла. И, вероятно, уже потому - как бы заранее мною отвергалось. Напрочь, и бесповоротно.

И, в принципе, в чем-то был я прав. Потому как слишком часто (в последнее время) у меня зарождалась мысль - что наши ощущения почти напрямую зависят от того настроения, которое мы испытываем на определенный момент жизни. Да к тому же еще какое-то влияние оказывает психическая энергия... В которую я отчего-то верил...

Тогда я учился в школе. Правда, да самой школы каждое утро приходилось проходить километров по семь. И столько же обратно. Но подобное у меня никогда не вызывало сожаления. Уже тогда я понимал что иного пути -- возможности когда-нибудь уехать (в город?... в другую жизнь?..) у меня не было. И часто, забираясь на крышу нашего дома (на краю станицы), -- я всматривался в почерневший закат, пытаясь, вероятно, высмотреть для себя что-то... новое?..

Иной раз это мне удавалось. Потому как лишь только с одной стороны - горбились невзрачные сельские домики (с такими же нелепыми заборами); а вот уже с другой... с другой, -- там, где заканчивались последние участки колхозной пашни,-- там, где уже виднелся лес, и поблескивала - отражая на своей глади лучи солнца - река, и даже еще дальше - там, где уже возвышались горы... там... там была другая жизнь. Жизнь, в которой я был каждую ночь. И в которой я еще не был ни разу.

Моим спасением от окружающей действительности были книги. Собрание сочинений Пруста, Роллана, Стендаля, Толстого, Достоевского, Шекспира, Золя, Мопассана, Бальзака... Поэзия Гете, Шиллера, Лермонтова, Пушкина, Байрона... Мир книг был настоящей отдушиной в (казавшимся мне серым и мрачным) окружающем мире. Это было поистине чуть ли не единственной место, где меня всегда ждали. Это было то место - куда я мог прийти без спроса и в любое время.

Сейчас, по прошествии многих лет, я могу лишь удивляться, откуда в нашей семье были подобные издания. Ведь нечасто их встретишь и в наши дни. А тогда, в начале 60-х годов... (И только недавно я узнал семейный секрет; оказывается, всю ту литературу,-- и помимо нее там было и кое-что из семейных драгоценностей, благополучно, впрочем, выменянных в особенно суровые годы на продукты,-- сохранил [чудом уцелевший в революцию] мой дед - Генрих Францевич Райх, теперь уже давно умерший, а когда-то - как мне рассказывали - блестящий офицер; офицер царской армии; генерал...).

Когда мне исполнилось лет восемь-десять - я оказался свидетелем того, как мимо нашего дома - с музыкой и песнями - проезжал кавалерийский отряд. Сейчас понимаю, что мне в то время

чуть ли не чудом довелось стать свидетелем, последнего, в своем роде, зрелища. Конармия - вытесняемая бронетанковыми войсками - в те годы, по идее, должна была считаться не иначе как анахронизмом. Но для меня, мальчишки, улыбающиеся красноармейцы, гарцующие на разномастных лошадях, -- казались именно той силой, которая была непобедима... (Любопытный отклик получило увиденное событие в мальчишеских сердцах. Закрывшись в предбаннике старой - и уже не действующей - бани, мы готовились дать что-то навроде клятвы защищать родину до последней капли крови, и если бы не подвыпивший пастух, разбуженный нашими не в меру восторженными голосами и пустившийся с испугу на утек - а за ним и мы, - быть может нам бы и удалось доделать начатое...).

Впрочем, был ли я тогда со всеми?.. Ведь уже тогда, чувствуя какое-то непонятное отличие от других ребят, - я стремился больше оставаться один.

Быть может оттого, -- что у меня уже тогда была своя Мечта?! Мечта попасть в какую-то далекую страну; где по улицам разъезжают мушкетеры (а не - да простит меня тогдашняя советская действительность - не красноармейцы); попасть туда, где в тавернах гуляют гвардейцы кардинала Ришелье; туда, где воюет со своей мельницей Дон Кихот; и где неподалеку гуляет его верный помощник - Санчо Панса; я мечтал оказаться рядом с Великим Белым Охотником; и его другом - Чингачгуком; с ними без опаски можно было спуститься на каноэ с водопада; а если повезет - добраться до "Таинственного Острова"; который удивительным образом не окажется необитаемым, потому как встретятся нам там Робинзон Крузо да Пятница...

Удивительно, но в те годы (и подобная вера "продержалась" чуть ли не до окончания школы) я на самом деле был убежден, что где-то (пусть даже там, куда никто не знает дорогу), существует страна, в которой живут все, описываемые писателями, герои романов. Быть может: я не хотел принимать (слишком реальную) действительность?.. С ее верой (вернее -- неверием) в то, что выстраивалось у меня в голове в такие занимательные цепочки приключений. Фантазии... Фантазии мои, фантазии авторов книг... Но ведь я бы ни за что не принял подобной "правды"... И тогда уже все чаще мне приходилось скрываться бегством от тех, кто жаждал поведать мне об "разоблачении". Мне приходилось прятаться в свой мир. В мир, в котором я находил поддержку и понимание. В мир...

Уже тогда я считал, что лучше жить в плену иллюзий, чем принимать слишком грубую, но такую "реальную" жизнь.

В воспоминаниях детства, вероятно, еще можно отыскать немало забавных случаев. Но все они почти что "ни что" - перед моим первым ощущением сопричастности к чему-то таинственному и загадочному (и уже оттого прекрасному). А находил я такое ощущение - в своих снах. И уже именно там было все так, как это, вероятно, и должно было бы быть. И оно действительно было... Впрочем... было ли?...

ГЛАВА 2

Если еще на миг задержаться в той цветастой палитре детства (перед глазами - ассоциация на слово "детство": распутившееся абрикосовое дерево, разросшиеся - яблоневого; ветви соприкасаются, видны сочные, окрашенные румянцем яблоки; маленькие - и невероятно сладкие, - грушки-дички... Тогда еще молодая мать - босая, сейчас уже не помню, в какой одежде, но, вероятно, что-то среднее между строгостью и комфортом передвижений, с распущенными, длинными и светлыми волосами, играющая со мной в "догонялки" -- так, что догонять должен я - и убегаящая по в меру извилистой, спускающейся вниз (наш дом был на пригорке), к речке... Там уже поджидал отец, с закатанными по колено брюками стоящий в воде (вероятно, все же на каком-то камне - возвышении, речка-то все же в меру глубокая) и он, никогда не выпускающий изо рта трубку - улыбался, демонстрируя сачок-невод с извлеченной на свет подпрыгивающей рыбой...

Когда мне стало чуть за двадцать,-- (вероятно, период некоего "переосмысления" жизни),-- я с удивлением заметил, что почти не помню себя раньше... Словно родился я только сейчас...

Не знаю, испугался ли тогда?.. Скорее,-- просто не придавал этому такого уж значения... Считаю, быть может, что все *так* и должно быть... Но удивительно: сейчас, с момента детства прошло еще больше времени,-- а все бывшие события встали у меня перед глазами... словно замедленный ход времени - стал выгоден для кого-то... а потому,-- этот невидимый "кто-то", -- принялся прокручивать (шаг за шагом) все, что

происходило со мной когда-то... Но насколько ему это удастся?..
Времени ведь,-- прошло достаточно...

ГЛАВА 3

Чему обязан я появлением столь (желательных? нежелательных? ну уж, по крайней мере, не очень долгожданных) воспоминаний... Быть может, вся проблема в том, что на каком-то жизненном этапе как раз и наступает тот период, когда мы, вроде как, и не можем больше молчать (и это притом - что и говорить-то не особенно хочется...).

Сколько себя помню, моя жизнь складывалась из удивительных (удивительных, прежде всего, по своей сути, ибо, вроде как, и быть-то так не должно) противоречий... Противоречий между истинным положением вещей (т.е., того, что на самом деле чувствовал я в душе) и того, какова складывалась шаблонная (и, вероятно, обязательная) парадигма поведения на людях... И как раз тут, смею вас уверить - что то, как было на самом деле - знал лишь только я...

Просто уже с детства я уяснил для себя одно правило, следовать которому приходилось всю жизнь: то, каким я ощущал себя, как говорится, по истинной сути

(душевный уклад, и раздирающие внутренние противоречия - конечно, если им приходилось вступать в компромисс с уже тогда обязательным для меня, внешним проявлением эмоций, и руководимого ими - поведения) было совсем иным, нежели казался я внешне.

Но была это по-настоящему вынужденная мера, потому как, стоило мне хоть на миг становиться самим собой (а таким я оставался - отчасти в собственных мыслях, и в еще большей степени - в снах, которые, как известно, не подчиняются цензуре, налагаемой на наше поведение при бодрствовании), и приходилось мне ощущать все признаки таких "страшных" последствий своего истинного "Я" - страх, тревогу, неуверенность, беспокойство... что на какое-то время это помогало избавиться мне от столь - мучительного в иные времена - желания быть самим собой.

И никакая это вовсе не загадка... Просто мне следовало раз и навсегда уяснить для себя, что жить стоит не так, как того хотел я, а лишь исключительно руководствуясь - уже выработанной одинажды - моделью поведения. Вопрос: плохо это или хорошо?! - наверное и

должен был остаться только вопросом... Хотя, наверное - плохо... Но, если учесть, что в этом мире нельзя было иначе.... А, раз так - то как можно было судить оправданную меру... Меру вынужденной необходимости...

ГЛАВА 4

В один из дней, когда лучи восходящего (точнее - уже давно вошедшего) солнца проникали даже сквозь ставни, я вскочил со слишком мягкой (чтобы позволить себе просыпаться рано) кровати, и мимоходом отметив что родители на работе, вышел на крыльцо.

Сегодня для меня должен был наступить "особый" день. Вернувшийся еще неделю назад (из того... другого мира...) Коля - Глухарь - (старший брат моего, тогда единственного друга, -- ведь друг мог быть только один; остальные - товарищи, приятели, знакомые, -- Василия), наконец-то вчера признался, где он был все это время. Так значит, "та земля" реально существует! И это "не сон выдуманных фантазий" - как пытались убеждать меня не в меру обеспокоенные "поведением мальчика" многочисленные родственники. Значит, -- все существует и на самом деле...

Я взглянул на часы. С Николаем мы договорились на полдень. Оставалось еще больше часа. Быть может удивительно, но когда я, в возрасте почти убеленного сединами мужчины предпринял более чем серьезные попытки проанализировать пройденную жизнь и, памятуя Фрейда, основное внимание стал уделять детству, -- я нашел, что моя привычка "никогда не опаздывать", (а то и приходиться на четверть часа ранее),-- была уже тогда. По крайней мере, когда я вышел на встречу с Николаем Глухарем (сколько было тогда?.. десять?.. двенадцать?..), я знал, что, даже идя самым медленным шагом, приду на место задолго до встречи. Но ничего не мог с собой поделаться.

Должно было пройти более полутора десятков лет, прежде чем я наконец-то, разобрался в причинах. Оказалось все просто. И в большей мере объяснялось "устройством" нервной системы и моей психикой, а мой приход задолго до оговоренного времени встречи - не иначе как возможность, - осмотревшись уже на новом месте, -- просто-напросто: "настроить себя" - *на предстоящее*.

Спросите: неужели нельзя было *настраиваться* по пути,-- и, - не тратить напрасно времени? Отвечу - нет. Но это я вам отвечу сейчас.

Ну, вероятно, мог ответить и чуть-чуть ранее. Но никак не в те времена. Ибо тогда, я помню, даже переживал - в период, когда мой разум уже был способен подвергать некоему анализу - начинавшему, помнится, в те годы анализировать все и вся - мое же поведение, и передо мной стало так много вопросов (касающихся только исключительно того, в чем было хоть какое-то *различие* со сверстниками), что только моя невероятная "усидчивость" - помогала со всем справиться.

А, значит, наложить (своеобразное) вето на какие-либо (иной раз случившееся) укоры; договорившись (сам с собой) -- оставить все "как есть".

Вы спросите: что же изменилось? Как приходил раньше задолго до назначенного времени, так и продолжал приходиться потом. Но уж нет. Это на самом деле было необычайно важно. Ибо любое подобное "осознание" себя - на самом деле - все более и более: приближало меня - к этому самому пониманию... А значит... значит,-- я мог оставаться "самим собой". Таким,-- каким и был: в душе. А это - многое значит...

К слову, о встрече с Николаем. Скажу, что, завидев меня, и, должно быть, придерживаясь каких-то своих целей,-- он тотчас же принялся разубеждать в существовании чего еще, помимо - нашей станицы. Это было для меня немного странно. И, конечно же, обидно. Да и я, впрочем, емунисколько и не поверил. А даже наоборот,-- еще больше убедился в обратном. И чем больше я замечал в словах старшего товарища - (с нашей разницей чуть ли не в десять лет) - противоречий и недоговоренностей,-- тем более я,-- убеждался, что иной мир существует. И тот мир - наверняка полностью соответствует моим представлениям о нем. Но вот только Николая туда не допустили. И я этому даже обрадовался. Все же это был мой мир. И другим там не место.

ГЛАВА 5

Когда мне исполнилось двенадцать, я уже почти полностью жил с ощущением (и, должно быть, позиционированием) себя как вполне зрелой, а вернее, самостоятельной личности. Человека, вполне знающего: "что он хочет". Человека, имеющего свою тайну. И тайной такой - (впервые возникшей именно в детстве и как-то незаметно превратившейся в некую модель поведения) - было осознание наличия

в себе черт, которые (бесспорно) делали меня самым жалким из людей; таким - ничтожеством.

Именно таким бы я был в глазах людей. Если бы... если бы еще тогда, в детстве, не понял, что в этой жизни "нужно играть". А так как я на самом деле ощущал в себе множество различных, согласующихся (а то и не согласующихся) друг с другом *комплексов*, то "играть" мне приходилось, что называется, по высшему разряду. Но, должно быть, именно поэтому - никто (никогда) и не заподозрил во мне: "игрока". Как никто не подозревал и самой игры. Тем более, что, вероятно, кое-какие способности были заложены природой; и я делал все настолько искренне,-- что, должно быть, верил в это уже и сам. А что может быть лучше?..

Уже тогда, в детстве, мое интеллектуальное развитие в какой-то мере противопоставлялось бесшабашности сверстников; а потому без каких-либо особых усилий - я подстраивался под их настроение, мысли и желания... а значит - мог уклониться от ненужных игр, споров, драк... так же как и остальных опасностей - подстерегавших подростка на пути "взросления"...

Однако, мое, не в меру тщедушное худощавое телосложение, все равно (хочешь - не хочешь) служило причиной нападков дворовых мальчишек. Впрочем, и школьных заводил (хулиганов!) тоже. И долго - быть может, слишком долго - в полной мере обезопасить себя не удавалось. Пока я - перепробовав множество различных способов - наконец-то не пришел к выводу, что мне просто необходимо заниматься спортом. Спорт должен был стать той защитной грамотой, которая ограждала бы меня от любых приставаний. А значит, давала бы мне возможность быть самим собой.

Сейчас даже смешно вспоминать, сколько мне пришлось набить шишек, прежде чем я наконец-то получил заветную "корочку" мастера спорта (по боксу); и как только я сделал это - тут же прекратил любые тренировки. Теперь это мне было не нужно.

Но это было уже в двадцать. А тогда, двенадцатилетним мальчишкой, я, насупив брови, безуспешно отмахивался (не умеючи и потому спешно; но один-два удара все же успевал сделать, прежде чем затихал под градом наносящихся со все сторон,-- били меня всегда по двое, трое, четверо, выстраиваясь в своеобразную очередь,-- ударов) от сверстников. То есть, сейчас подозреваю, какой-то "характер" был уже и тогда. И быть может он, в какой-то мере и помог мне выжить. Так

же, впрочем, как и играть - в свою "игру" (ведь в игре - любую черту - можно гиперболизировать).

С проблемой же одиночества (так или иначе: исходящей из моего осознания себя "не таким, как другие") я столкнулся (если не считать совсем юного, школьного, возраста, когда отсутствие общения со сверстниками еще не воспринимается столь болезненно, а какое-либо "непонимание" *тебя* - безболезненно на что-нибудь "списывается"), когда мой возраст уже перешел своеобразные этапы: детство - отрочество - юность; переступив черту, за которой начинается... молодость. Однако, и в двадцать лет это еще осознаешь (просто потому, что надеешься на изменения) не так как в двадцать пять. Когда же возраст приближается к тридцати - понимаешь, что уже, вроде, и изменить ничего не удастся.

Сколько себя помню, мне всегда удавалось - при случае - уйти в свой мир. И этим миром была литература. Авторы сменялись по мере взросления, и все чаще и чаще именно интеллектуальные, психологические, сюрреалистические романы занимали лидирующие места на моей книжной полке, выстраиваясь ровными рядами, и принося долгожданное спасение уходом от реальности.

Что до второй моей страсти - спорта, то именно бокс помог мне, если не избавиться от множества существующих во мне комплексов, то необычайно великолепно их завуалировать; тем самым, позволяя играть в игру "по моим правилам". И никто из окружающих (за исключением, быть может, родителей, брата да сестры - и то потому как, живя со мной, могли наблюдать, и при совсем не сложном сопоставлении и анализе - сделать соответствующие выводы) не знал, где я истинный. Хотя, уже вскоре, мне самому пришлось делать выбор (формируя посредством выбранного "имиджа" мнение окружающих); и тогда я без зазрения совести выбрал тот образ, в котором нахожусь до сих пор. И редко кто догадывается, что скрывается за тем "компанейским" парнем, которого я из себя разыгрывал.

А как иначе. Это же способ выживания. Решительность -- противопоставляется неуверенности. Храбрость - страху. Не сходящая с лица улыбка и жизнерадостность - самому настоящему пессимизму. А интеллект... впрочем, интеллект это почти единственное, что я решил оставить. Более того, - с возрастом я инстинктивно (выходило само собой, но я все же как-то нашел этому объяснение) избавлялся (просто-напросто удаляясь) от глупых, малообразованных и интеллектуально аморфных людей. И ничего не мог с собой поделаться.

Впрочем - я почти считаю, что так и должно быть. И почему я должен делать людям снисхождение, общаясь с ними? Тем более, еще Достоевский (одно время невероятно любимый мной) предостерегал, выражая опасность в том, что среда, то есть общество -- формирует человека. А раз так, то косвенным образом это могло свидетельствовать и о... Ну, да ладно. Будем считать, что это моя маленькая слабость. Тем более, что помимо нее - больше ничего, как вроде, и не было.

ГЛАВА 6

В один из дней, - а день начинался (предчувствие) "так себе" - я проснулся раньше обычного. Родители еще спали. Брат с сестрой тоже. За окном светало.

Выйдя на крыльцо и осмотревшись, мне внезапно пришла идея сделать этот день отправным в моих странствиях. (Скажу сразу, что в последнее время я подспудно ожидал, когда же моя мысль о начале поиска своей сказочной страны начнет материализовываться? И сегодня, словно кто-то невидимый, или, скорее, незапоминаемый, ибо дело было во сне, а кто может похвастаться, что даже сразу после пробуждения вспомнит в мельчайших деталях свой сон. В лучшем случае у нас в памяти остается нечто неопределенное. То есть, некая констатация факта. А проходит всего несколько часов, и мы зачастую уже не сможем поручиться, что это все было именно так).

Итак, я решил, что все должно произойти. Хотя, быть может, это стоило делать чуть раньше. Скоро все должны проснуться. Но вся сила моего упрямого характера, - а стоило мне подумать о каком-либо желании: и почти уже не было сил (желания) воспротивиться, дабы не делать оно, - неумолимо гнала меня вперед.

Я быстро прошел к летней кухне, где в укромном месте - не с вечера, а намного раньше, ведь я знал, что когда-то наступит этот час - была припасена одежда, специально предназначенная для похода. Там же был и запас еды - что-то типа сухого пайка - на первое время. Быстро совершив все необходимые манипуляции, я достал припасенную заранее записку, и приколов ее к рукомоинику (там уж найдут наверняка и сразу), окинул прощальным взглядом родительский дом, и стараясь оставаться незамеченным (уже могли проснуться соседи за забором), пробрался через огород, пока, наконец, не оказался на тропинке между возвышавшихся вокруг кукурузных

початков (уже с полтора моих роста) и смело зашагал навстречу своему будущему. Было мне пятнадцать. И я твердо знал, что хочу.

.....

Прошло почти десять лет прежде, чем я узнал (и то совершенно случайно), что произошло после.

Первым заметил мое письмо брат - Артем. Он был на пять лет младше, но, пробежав глазами по тексту, тут же - с трудом сдерживая слезы - пробрался к еще спящей сестре, Алене, и разбудив ее, уже вместе с ней дал волю - первая начала голосить она (четырнадцать - самая пора сентиментальности) - чувствам. Ошарашенный отец (Алексей Леонидович) еще сидел на кровати, когда мама (Алла Павловна) - всегда отличавшаяся слишком мужским (в достойном значении этого слова) характером, и, насколько я знал, являющаяся в этом некой копией своего отца - Павла (да, должно быть, и деда - тоже Павла - Павла Романовича Кружилина, о котором я знал, что еще до Октябрьской революции он был убежденным революционером), уже выскочила из сеней в погоню. Но было поздно. Насколько я знал, безошибочно угадав мое направление, она успела добежать до речки,-- (река была некоей границей, за которой заканчивались наши местные владения, и начинались бескрайние просторы остального мира), - прежде чем окончательно поняла, что меня уже не догнать.

.....

Скажу сразу, что тогда я вернулся. Правда, только на следующий день. Самым прогнозируемым (дедом, по моему) образом сбившись с пути, и после вынужденной ночевки в лесу, под утро будучи найденным лесником; и им же доставленным (при моем молчаливом согласии) родителям. Но удивительно (и тогда, и сейчас, когда я уже сам в достаточно почтенном возрасте), что и отец, и мать выказали тогда невероятное понимание, не сказав мне ни слова. Так что мой "побег" словно остался незамеченным. И самое любопытное, что и потом, когда проходили годы, а через мою жизнь проходили сменяемыми, где одиночками, а где и колоннами сотни, десятки сотен людей, я замечал, что в ситуации, когда с другими было позволительно выразить любые эмоции, в отношении меня такого никогда не происходило. Быть может, казался я излишне серьезен? Быть может, люди слишком чувствовали что-то непонятное по отношению ко мне? Но мне никогда - даже в периоды моих серьезных просчетов, когда я и сам понимал свою вину, и готов был "более чем понять", если бы кто

принялся меня ругать - никто не сказал ни слова. Ни одного обвинения никогда не раздалось в мой адрес. Ко мне всегда все относились как-то иначе; и сколько раз я действительно замечал, что за проступки намного меньшие, (чем совершал я), другие подвергались самому настоящему наказанию; тогда как в отношении меня - такого не случалось.

Что это было?.. Не это ли еще тогда, в детстве, заложило во мне ростки того "избранничества", которое я ощущал на протяжении всей жизни?.. Не знаю. Хотя, должно быть, - все это и было именно так.

ГЛАВА 7

Первые признаки того, что, позднее, - (погрузившись в специальные издания, заказанные из библиотеки: а должно было пройти почти десять лет, прежде чем я предпочел книги не брать на прокат, а покупать, сформировав довольно приличную библиотеку из более чем десяти тысячи томов), - я узнал, носит название "депрессия"; равно как и появившиеся еще позднее, но, к счастью, до сих пор не до конца материализовавшиеся - симптомы навязчивых состояний, -- я ощутил лет в шестнадцать. Тогда, заканчивая школу и мучительно просчитывая предполагаемые варианты своего будущего (разноплановость имеющихся талантов вполне ясно указывала на то, что я могу с равным успехом стать и юристом, и историком, и химиком, и биологом, и писателем, и журналистом, и экономистом, и бухгалтером, да и кем-то, должно быть, еще - оценки по всем предметам в школе никогда не снижались ниже пятерки), я впервые поймал себя на мысли, что, на самом деле, желал бы просто запереться в комнате и вообще никуда не ходить. Например, -- занимавшись самообразованием. Главное,-- чтобы только сидеть дома. А вслед за подобным - тогда, в шестнадцать, для меня еще странным, и только потом, ближе к тридцати, более или менее объяснимым - желанием я, наверное впервые, ощутил такую внутреннюю опустошенность, что даже, наверное, первое время - пока опустошенность не сменил целый букет других симптомов, как то: тревожность, страх, подавленность... - не успел и толком испугаться. Так это было все ново. И, главное, я не знал причину возникновения (любопытно, что с самых ранних лет я отчего-то был уверен в том, что в любой случившейся ситуации следует докопаться до причины возникновения. И - надо заметить -

---

подобный анализ почти всегда давал свои - пусть не всегда положительные (случалось, -- в момент поиска открывались некоторые, не замеченные ранее, подробности, которые лишь усугубляли ситуацию, и после этого проблема, в лучшем случае, оставалась так как есть, а в худшем еще больше усиливалась) результаты.

Я прятался в квартире (к тому времени мы переехали в город, сменив деревенский дом - оставшийся, впрочем, за нами, но уже в роли сначала дачи, а потом, когда купили ту - в качестве просто "домика в деревне" - на обычное, благоустроенное четырехкомнатное жилье), с трудом дождавшись, пока родители уйдут на работу (мама теперь работала в городской школе, а папа - где-то при институте; кстати, отъезд в первую очередь был связан с его поступлением в аспирантуру), а Артем с Аленой - в школу; тогда я тоже выходил, при случае впрочем, всегда задерживаясь (сейчас-сейчас, вы идите, не ждите меня, я обувь, вспомнил, не почистил; или -- черт побери, пуговица на брюках оторвалась; да нет-нет, я успею, я быстро...); если мне то удавалось,-- я осторожно прокрадывался к балкону (не стоят ли, не ждут ли меня у подъезда) и, убеждаясь, что "все в порядке", мысленно просчитывал, сколько времени потребуется родителям, чтобы дойти до остановки и дождаться транспорта, и тогда, приплюсовав еще какое-то время, за которое они бы еще могли вернуться,-- радостно скидывал ботинки, и еще с добрых четверть часа - а то и час - пребывал в эйфории (как ловко я все проделал - теперь в школу идти не надо!); кстати, что до школы, то еще с детства обладая некими психологическими способностями, я почти без затруднений просчитывал психологию поведения людей, и был всегда уверен, что выкручусь из любых - (прогнозируемых мною) - ситуаций; которые, надо заметить, иной раз и не возникали, но все равно просчитывались мной до мельчайших подробностей; пока неожиданно - и действительно, всегда внезапно - не наступило то депрессивное состояние, от которого я тогда не знал, как и избавиться; и лишь мучительно катался по полу, обхватив голову и, сжимал себя, пытаюсь уменьшиться в размерах; что, в принципе, при моем, и в шестнадцать, и сейчас, довольно среднем росте и худощавом телосложении (конституция такая, а к физическим упражнениям я с детства испытывал некое отвращение; что не помешало -- как я уже упоминал, стать мастером спорта по боксу) мне всегда удавалось.

И все же - что интересно - еще с тех лет, я все же нашел некий способ, который мне позволял относительно успешно (что, впрочем, не избавляло от случившихся с пугающей цикличностью рецидивов депрессивных состояний) выходить из положения.

Я открыл для себя, что мне нужно просто-напросто (трудно, необычайно трудно, практически невозможно, но, к сожалению - просто необходимо: и это до сих пор является одним из успешных средств борьбы со всеми похожими состояниями) выходить "к людям". Причем, еще лучше, когда соблюдаются некие условия, как то: людей должно быть умеренно много; некоторые из них должны быть вам знакомы; но не настолько близко, чтобы после обмена приветствиями, навязывать вам свое общество.

К тому же, желательно, чтобы хотя бы одна половина из всех встреченных вами людей была жизнерадостна; а другая - не показывала свою грусть. Ну, и что еще важно - чтобы было все это "появление на людях" -- было не надолго; пару-тройку часов более чем достаточно. Иначе потом возникшая усталость от общения может не менее "успешно" перерасти в какую-нибудь причину, послужившую лишь обострением того, от чего столь безуспешно хотели избавиться.

При общении с людьми - этом "вынужденном" общении - я менялся; преображаясь в некоего - ну, если не веселого, то, по крайней мере, не грустного или, лучше сказать, старавшегося подавить в себе подступающую грусть, -- человека; одевая на себе что-то вроде невидимой "маски"; так что абсолютно никто (быть может, только самый проницательный человек, но - нужно ли это ему?!) не догадывался, что -- на самом деле -- происходит у меня в душе.

И вот, с этой самой "маской" я жил (да и живу). Плохо это или хорошо - другой вопрос. Для меня - необходимо! И это притом, что подобная "маска" совсем не гарантирует полного избавления от душевной боли. Она лишь (на время) помогает отдалить тот миг, когда становится совсем плохо; так плохо, что иной раз даже не хочется жить.

Но случалось - (редко, но случалось) - когда окутавшая меня проблема, как бы, исчезала сама по себе. И тогда - (вероятно, подобное становилось возможным от того, что я каким-то незаметным для себя образом переключал внимание на что-то другое; а "проблема" -- "забывала" о своем существовании) -- бывшее, "ровное" состояние возвращалось ко мне; и мне, должно быть, снова хотелось жить. По

крайней мере, если я до сих пор жил, - то, вполне возможно, что это и было так.

ГЛАВА 8

И все же, первую "двойственность" (раздвоение?) своего положения, я в большей мере осознал, уже учась в институте.

Мое поступление в институт предваряла довольно успешная подготовительная работа, в результате которой я (задолго до поступления) знал, что "поступление" пройдет успешно. Что, в общем-то, и произошло. Более того. Два курса (второй и четвертый) мне удалось пройти автоматом; а, готовясь к дипломной работе, -- я уже знал, что на этом обучение не закончится. В этом были уверены и мои преподаватели, сначала давшие мне более чем блестящую характеристику для поступления в аспирантуру, а потом - по окончании оной, и защиты (мне было тогда 23 года) кандидатской диссертации - предложившие стать их коллегой. Однако, незадолго до этого я уже получил схожее приглашение от руководства одного из ВУЗов Ленинграда (представьте себе эмоции, переполнявшие молодого человека, перед которым открываются границы не только южной столицы России, но и северной); и уже как бы то не было,-- мой путь был предопределен... Свыше?.. Ну, пожалуй, и нет. Несмотря на возникшее одно время у меня увлечение религией (даже подумывал о поступлении в Духовную семинарию), на каком-то жизненном этапе пришло удивительное (удивительное, в первую очередь, для меня) переосмысление всего, что касалось теософии. Хотя, подспудно я догадывался, что послужило тому причиной. Переосмысление религиозных догматов произошло как раз в период моего серьезного увлечения философией. Правда, несмотря ни на что, тема моей кандидатской диссертации еще носила некий пограничный с теософией характер; и отсюда можно было заключить, что верить-то - уже не верил; но до конца не разуверился еще. И только докторская (в 33) наконец-то расставила все точки над "i".

Но это, впрочем, было несколько позже. А тогда, в двадцать, я ощущал себя другим человеком. Человеком, который верил, что перед ним открываются (еще ощущаемые,-- но по сути: неосуществимые) желания и возможности. И, по большому счету, теперь, по прошествии стольких лет, я, иной раз, и завидую - той своей наивности.

И все же, именно тогда, в двадцать, я стал задумываться о том, что вряд ли мое бессознательное столь долго будет довольствоваться отведенным ему местом. Конечно, пока мое сознание (тоже, кстати, весьма недовольное увиденной перспективой) еще всячески противилось возможной экспансии бессознательного. Но, насколько его хватит? В том, что надолго, - я был не уверен.

И подобное ощущение опасности (пока еще где-то там, в перспективе) вызывало страх уже сейчас. И выражаться этот страх стал самым неприглядным образом.

Что представлял этот страх? Чем он был для меня? Чем он был для меня,

-- если не всем? Ибо страх этот -- а в те годы, вероятно, как раз произошло его зарождение -- приходил внезапно; и так же внезапно -- покидал меня; так, что я никогда не знал, когда это стучится; вновь.

Забегая вперед, скажу, что подобный страх сослужил мне и добрую службу. Благодаря наличию в себе этого страха, -- я достаточно тесно сошелся с одним человеком; ставшим позже, пожалуй, моим единственным другом; другом, воплотившим в себе все значение, заключаемое мной в слове "дружба"; и Лев Розенберг (так его звали) - оставался для меня таким вплоть до своей трагической смерти. (Вполне, признаться, ожидаемой мной; ожидаемой настолько, насколько я и старался предотвратить ее; и лишь только однажды посчитал, что ситуация выровнялась; и почти на год (в 1998 году) уехал в лекционное турне по европейским институтам; было мне тогда тридцать пять, и оставалось всего несколько лет до того, прежде чем я окончательно переберусь жить на запад; но вот именно тогда - и дошло до меня известие о самоубийстве Льва Всеволодовича Розенберга).

Лев был старше меня на семь лет, но уже тогда, в свои двадцать семь, казался мне вполне состоявшимся человеком, талантливым ученым (специалистом по романо-германской филологии) и писателем, писавшим под псевдонимом, и многие только после его смерти узнали его настоящую фамилию, а тогда даже знакомые, не говоря уже о коллегах-филологах не знали о том, что он пишет в художественном, а не так, как был известен - в научном жанре, и, пожалуй, только я знал (за исключением, конечно, его близких родственников) о психических проблемах, которые преследовали его всю жизнь, и виной которым, конечно же, была его внезапная - в сорок два - смерть. Вообще, мой друг всегда преклонялся перед тайной, и любая возможная таинственность всегда окружала его.

Сейчас мне трудно уже судить, но мне кажется, что его смерть была ему предначертана судьбой. Однако, если я нашел способ, который, если не помогал до конца мне избавиться от всех тех депрессивных состояний, что следовали за мной на протяжении всей жизни, (так что зачастую только самые близкие мне люди могли догадаться, что на самом деле происходит у меня в душе), то у Льва Всеволодовича всегда было все на виду. И когда он чувствовал, что просто не может больше справляться со своим сознанием (или, вернее, с разгулявшимся бессознательным), он на несколько недель просто выпадал из жизни; и я думаю, кое-кто (например, его коллеги по работе - он преподавал в одном, сейчас уже не буду говорить каком, из ВУЗов города; города - в котором я уже к тому времени жил) догадывался о том. И, казалось мне, ситуация всегда была у него под контролем. За исключением того случая, когда он сам, вероятно, устал бороться с жизнью.

Со Львом я познакомился в двадцать (один?.. два?..). Но необычайно тесно сблизились мы только через год. Когда случайно столкнулись на одном из проходивших в городе матчей по боксу (тогда я еще ходил на боксерские матчи?! И, должно быть, велико было наше обоюдное удивление, потому как никто и не предполагал в другом наличие "потаенной страсти" к кулачным боям. И, видимо, это стало тем обстоятельством, после которого возникла незримая нить, объединяющая нас. А на самом деле, должно быть, нужен был лишь случай. И вышло так, словно мы внезапно обнаружили наличие (между нами) сразу нескольких точек соприкосновения. Среди которых, вероятно, первые роли занимали: любовь к наукам и, как, оказалось, к спорту. Причем в боксе каждый из нас ценил интеллект боксера; так называемый, "умный" бокс; хотя и, насколько сейчас вспоминаю, мы никогда специально не стремились посетить все, проходившие в городе, матчи. На первом месте - у каждого - было увлечение наукой. Но если случайно узнавали, о каком крупном турнире,-- то, не сговариваясь: (созваниваясь лишь в последний момент) оказывались там.

И все же, главная наша страсть была, конечно же, литература. Это было то, о чем можно было говорить всегда. Где имел место спор. Радостное подтверждение обоюдных догадок. Или недоумение; от неправильно истолкованных событий в жизни того или иного писателя; ибо в литературе нам было интересно все: от анализа

художественных произведений писателей, до их автобиографий, мемуаров, писем...

Мы проводили время в библиотеках; просиживали в читальных залах; а я, кроме того, еще и, благодаря Леве, имел возможность избирательно посещать лекции по тому или иному направлению литературы в ВУЗе где он работал. А потом, сразу после досрочного получения диплома в своем ВУЗе, я экстерном сдал все, что от меня требовалось для получения еще и диплома филолога. А после получения ученой степени по философии, закончил еще и аспирантуру по филологии, вполне удачно защитившись.

Но все эти дипломы да звания -- были лишь неким "документальным" подтверждением имеющихся у нас с Левоу знаний. Знаний, получению которых "отдавались" мы с настойчивостью самой любвеобильной путаны. А потому как-то не стремились "отвлекаться" на какую-либо жизнь, проходившую мимо. Да даже - и не совсем "мимо". Результатом чему, -- было наличие у каждого из нас по несколько браков, разводов, детей. И все равно мы никогда не оставляли того, что нас объединяло. Все остальное считали мы (вполне, может быть, ошибочно) - временно. Преходяще. Тогда как дружба - вечна.

И сейчас уже не помню, когда в нашу (размеренную по сути) жизнь ворвался (буря, ураган, цунами...) еще один человек. Который почти сразу - подчинил нас себе. И уже летела в тартарары эта наша "размеренность". Перекраивались часы лекций, встреч, свободного - былого свободного - времени. Все подчинялось какой-то неумемной жажде общения с ней. С Виолеттой.

Была она младше каждого из нас. И это была та страсть, когда нисколько не замечаешь - что есть кто-то еще. Даже у твоей женщины. Потому как не можешь совладать с собой - в желании владеть ею. И была Виолетта наша обоюдная страсть. И хоть любили мы ее каждый по отдельности. По своему. Любила она нас, быть может, даже не разделяя особо. Воспринимая как нечто целое. Единое. Хоть и приходящее к ней (случалось) поодиночке. И, удивительно, ни у меня, ни у Льва (случай, удивительный сам по себе; каждый из нас считал себя неким собственником, заслуживающим того, чтобы женщина, любившая его, уже не принадлежала никому) -- не возникало даже мысли о ревности. А кроме того, что каждый понимал, что Виолетта нужна ему, -- знали мы, что она никогда и не будет принадлежать (всецело) никому из нас. Хотя бы потому, -- что живет с мужем. С

любимым мужем. И однажды удивились, узнав, что муж ее знает о нас. Но это действительно была та женщина,-- которой можно было простить все. И ради которой - мужчины готовы были принять любые, предлагаемые ею, условия.

Как-то нам стало любопытно -- каков ее муж? И однажды она познакомила нас. Мы даже почти подружились с ним. Пока не поняли, что большей частью желаем видеть в нем - ее.

Он был режиссер. Нашего возраста (старше меня, но младше Левы). Постоянно жил в Москве (что для нас оказалось необычайно удобно: приезжавшая в Санкт-Петербург Виолетта -- принадлежала только нам. Причем, избегая рождения споров - в каждый приезд: останавливалась у кого-нибудь одного). Ее мужа звали Герман. Герман Соломонович Кац. На фоне нашего среднего роста (у меня еще была - худоба, а у Льва - коренастость) Герман, со своим почти двухметровым ростом и центнером веса - казался настоящим гигантом. Но в особо выигрышном положении оказывалась Виолетта. Ей принадлежало сразу трое мужчин. Внешне -- разных, а внутренне -- необычайно похожих (с Германом мы познакомились, когда он приехал в Питер, взяв отпуск после защиты диссертации по искусствоведению, и направляясь, на самом деле - на юг).

Так вот, с тех давних лет, и началась дружба между мной и Левой. И даже отношения с любимой (для нас обоих) женщиной - разрешались удивительным образом. Каждый оставался доволен. И даже - попробую предположить - не думал, что может быть: как-то иначе.

(Стоит заметить, что отношения с Виолеттой - я прекратил сразу же после смерти Левы. Оказалось, без него - я совсем не мог воспринимать и ее. Деталь, надо заметить, важная!).

ГЛАВА 9

Но иногда я не знал, как мне справиться с тем, что сидело (еще недавно, казалось, достаточно глубоко) внутри меня, и которое теперь все настойчивее грозило выйти наружу. Мне постоянно приходилось предпринимать какие-то невероятные усилия, чтобы удержать его там. И я ощущал, что с каждым днем - мне все трудней и трудней это удастся.

В иные мгновения я уже готов был смириться, опустить руки; и тогда вся сила дремавших доселе (потаенных) желаний грозила высвободиться из-под стражи "уставшего" сознания; и мне по-настоящему становилось страшно (даже не за себя больше, -- а за тех кто вынужден находиться рядом); и вдвойне пытался задействовать (пока имеющийся у меня) потенциал усилий. Что, в общем-то, пока удавалось. Но я нисколько не мог поручиться, что так будет и дальше.

Что это было? Из-за чего происходило (было возможно) подобное? Помню, я долго пытался найти объяснение. И, по большому счету, смог - лишь ознакомившись с психоанализом. Теорией Фрейда о бессознательном, которая неожиданно (в середине 80-х) получила право "на существование" и в России.

Быть может, в какой-то мере я должен был быть благодарен этой науке. Помогающей мне - не сойти с ума. Замучить себя - несуществующими подозрениями. Ведь и до сих пор - осознание чувства вины - преследует меня. И обвиняю в смерти друга - не иначе как себя. Понимая, что, по сути, сам приблизил - его смерть. Но приблизил чем? Поведением? Словами, -- какими-нибудь неосознанно пророненными? Или поступками, предполагаемыми мыслями, чем?.. Вроде как, и хочется "разложить по полочкам", докопавшись в причине происходящего? Но как будто что-то мешает...

А может, мешает то, что я и сам - не хочу успокоиться? Расценивая успокоение - как предательство?! Целенаправленное забывание - своего прошлого... Ведь, в какой-то мере, "успокоение" действительно граничит с "забывание". А вот хочу ли я забыть?.. И не придется ли (в этом случае) вступить в компромисс с совестью?..

Пожалуй, - и придется. Наверное, - да. А этого я допустить - не могу. И так же, как это бывает при смерти близкого человека, - мы готовы нести крест: на себе. Обвиняя и коря, - в случившемся, - именно себя. Да так, впрочем, и должно быть. Так и должен был поступать (в моем представлении) честный человек.

Тогда, в мои тридцать (да, пожалуй, и раньше, и сейчас) я носил маску (вымышленный образ), с которой, - (и это было - более чем необходимость) - чувствовал себя намного уверенней. Да у меня, собственно, и не было иного выхода. Я нашел определенный способ бегства от реальности. И мог, например, выглядеть даже оптимистом. А, умри сейчас, -- в памяти большинства таким и останусь. И это при том, что в душе я был настоящим иппохондриком. И, случалось,

---

окруженный депрессивными мыслями -- я прятался от всех. Например, дома (закрывшись на засовы, опустив шторы, отключив телефон, и боясь -- даже незначительного проявления того, что зовется общением). В полной власти подобного состояния я находился от нескольких дней (никогда это не заканчивалось быстро) до полумесяца, месяца, нескольких месяцев... (грозило растянуться на годы, -- но уже боялся я сам: как бы вообще не нарушилась связь с внешним миром; и - выходил из подобного состояния...); но если бы остался я в нем,-- то это бы свидетельствовало о полном крахе того, что именуется нормальной жизнью; ибо за этим, почти непременно, последовала бы потеря адекватной оценки своего состояния; а значит, и совсем стало бы неизвестно: способен ли я буду вернуться обратно?..

Но пока я всегда возвращался. А, возвращаясь, -- самым настойчивым образом наверстывал упущенное. Потому как - уходила за этот период: жизнь вперед. И я - догонял ее.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1

"Здравствуй, Алекс! Не знаю, за каким занятием я тебя застал?.. Хочется верить, что не очень оторвал от твоих трудов (праведных?), и ты найдешь время, чтобы услышать, таким вот странным образом, мой голос.

У нас сегодня вторник. Как будто только начало недели, но я уже устал - необычайно. Скорее всего, это следствие того, что уже так долго поедает меня изнутри; и отчего-то мне кажется, что это продолжится недолго. По крайней мере, с каждым новым "кризисом", я уверен,-- что вот-вот наступит долгожданное разрешение всего этого бесчинства, творимого над моей психикой и, быть может, действительно скоро - все и закончится. Не знаю?! Так ли это на самом деле, только в иные моменты мне действительно кажется, что я "уже не могу".

А как все начиналось?.. Ведь это действительно было хорошо задумано, чтобы я таким вот образом сменил обстановку. И первое время я на самом деле воспрял духом. В институте, когда меня пригласили читать курс лекций, отношение ко мне более чем замечательное. Однако я это склонен скорее соотносить к традиционному в России провинциальному "поклонничеству" перед "заезжими знаменитостями". И все же не хотелось, чтоб это было именно так.

Мне очень не хватает тебя. И в иные моменты, просто хочется все бросить и примчаться к тебе в Ленинград, просто чтобы обнять... Но ведь потом вновь придется уезжать в этот "захолустный городишко". Хотя, если разобраться, это и не совсем так. Как-никак, Киев ведь тоже столица. Правда, и местного значения. Не знаю, почему я согласился приехать сюда? Но, тем не менее, у меня на год заключен контракт, и думаю, я не смогу быть настолько решителен, чтобы его расторгнуть. Но все же интересно - смог бы?

Напиши о себе. По моим подсчетам, ты уже вплотную подходишь к защите диссертации. И (есть такое подозрение) на этом не остановишься. Что ж. Если тебе интересно мое мнение, - я полностью "за". Правда, мне бы очень хотелось, чтобы следующим твоим шагом была не докторская по столь любимой тобой философии, а кандидатская по филологии. Ведь ты знаешь мою (более, чем блестящую) оценку твоего таланта филолога. Однако, на мой взгляд, тебе не следует глубоко вдаваться в языкознание. Сосредоточься на литературоведении. Там - извини - твои познания намного глубже. Впрочем, я неволен тебе что-то навязывать. Сделай так, как чувствуешь, что будет лучше.

Надеюсь, на ноябрьские праздники (еще полтора месяца?!) смогу все же выбраться к тебе. Так что, считай, что предупреждаю заранее - ничего (на них) не планируй. Я думаю, удастся, - и мы проведем их вместе.

Ну, все. Заканчиваю. Жду от тебя письма.

Лев Розенберг

P.S,

Написал тебе - и как вроде бы стало легче.

P.P.S.

Обман - а приятно. Ведь понимаю - что я все так же один".

15 сентября 1986 г

"Здравствуй, Лев!

Мне на самом деле не нравится твоё настроение. Начнем с того, что ты должен помнить нашу последнюю встречу (перед отъездом), когда я, собственно, тебя от этой поездки отговаривал. (Отговаривал, сам, в какой-то мере, являясь инициатором!). Но все же это было против моей воли. На самом деле, как бы это ни было горестно для меня - (ведь ты великолепно знаешь мои чувства к тебе) -- эта "поездка" для тебя необходима. (Хотя, если честно, сейчас, когда я остался один - мне и приходится себя в этом убеждать). И все же - как бы это не было - давай рассматривать ее как некий твой шанс - найти: "самого себя". Ведь - если помнишь, и я, конечно же, тебе об этом говорил, - все это как раз и следует рассматривать именно так. Попробуй сосредоточиться на своем новом месте работы. Быть может (должно!), наступит некоторое улучшение в твоём состоянии. Там, смена обстановки, и все прочее...

Лева! Я благодарен тебе за высказанное мнение по поводу моих диссертаций. Скажу, что я и сам склоняюсь именно к такому повороту. Правда, здесь мне нужен твой совет. В выборе темы. Ты знаешь, я бы с удовольствием писал бы по Кафке, или -- Набокову. Но думаю, что это будет нелегко, учитывая подцензурную судьбу этих писателей в Советском Союзе. Быть может, остановиться на Борхесе? Или, взять...? (Теряюсь в догадках). Напиши. Уверен, что сможешь направить мои мысли в нужное направление.

На этом прощаюсь. Твой друг Алекс.

P.S. Что касается ноябрьских праздников - то я только "за". Вопрос только: кто к кому приедет. Но, думаю, что тебе хочется еще и вдохнуть воздух нашего города. Если же ностальгия еще не достигла точки кипения (как будет в ноябре?), то могу приехать и я. Наверное, решим позднее, да?"

25 сентября 86г.

Сейчас, когда прошло уже более полуторадесятилетий с момента описываемых событий, все, что было тогда, - я словно переживаю вновь.

Что заставило меня начать перебирать архив?.. Ностальгия по временам, которые больше не повторятся?..

Это уже история... А историю делают люди...

У меня хранятся записи лет с двадцати, когда я впервые начал вести дневник, и уже, вероятно, тогда -- у меня возникла первая мысль запечатлеть уходящее прошлое на бумаге.

В принципе, сейчас, я должен быть благодарен себе; вернее, тому Алексу, у которого по-настоящему взрослая (самостоятельная) жизнь в те времена только начиналась.

К тому времени я закончил диссертационную работу, и ожидал назначения даты защиты. Лева же, уехал (на год) на Украину. Где должен был наладить работу факультета филологии одного из открывшихся там институтов. История поездки весьма тривиальна: бывший его однокашник по ЛГУ, уехавший сразу после окончания филфака на Родину, и с которым все эти годы Лев поддерживал отношения (ученый мир тесен), неожиданно получил приглашение возглавить вновь открывающийся ВУЗ. Ну и, (что само собой разумеется -- почему бы и нет?), -- стал формировать "команду" из уже известных ему людей.

Правда, поначалу (вовсю) упирившийся Лев согласился приехать только на год. Но, может быть, его приятель посчитал, что, -- где год, - там и два; или решил "довольствоваться малым". Но, как бы то ни было, Лев Розенберг был там, а я - здесь, в Ленинграде. И именно на те годы -- выпала наша, пожалуй, самая отчаянная переписка; когда почти каждую неделю отправлялось новое письмо; и как раз к тому же периоду, -- относятся самые, пожалуй, одиозные записи в дневнике (и в моем, и в Левином - его архив после внезапной смерти, заставшей врасплох его родственников - у него осталась только мать; отец с сестрой почти за год до его смерти погибли в автокатастрофе, -- перешел ко мне: сестра его матери, забрав ту к себе, предложила мне забрать архив Левы: мол, им он ни к чему: только лишний раз будоражить память), так что теперь, я порой занимаюсь тем, что просто перебираю эти два архива, вспоминая -- давно ушедшие события...

И именно благодаря дневникам Левы, он для меня еще больше открылся Правда, там почти не было того, чего бы я не знал, но... На самом деле, только после его смерти я смог понять, насколько тяжело было ему находиться почти в постоянной конфронтации со своим "я", заглушая его - и в этом мы были с ним схожи - и вынося на люди себя

"совсем другого": замкнуто-сосредоточенного, и "оживлявшегося" -- только при самой, любопытной для него, беседе. Но если бы он в полной мере поддался тому, что происходило в его душе - то вряд ли кто увидел даже улыбку, -- на лице его...

"...Я не думаю, что мое нынешнее состояние является чем-то новым, - то есть тем, что никто до меня не испытывал?.. Конечно же, - это не так. Оно даже не новое и для меня. С ним я живу последние... (сейчас мне тридцать четыре. Значит...) -- последние двадцать лет. Но вот только отчего-то кажется, что скоро все закончится. Конечно, оно не закончится само. И, вероятно, результатом будут какие-нибудь мои действия. Но вправе ли я что-нибудь предпринимать *такое*? Хотя, с другой стороны, разве у меня есть выход?.." - я на минуту отложил от себя дневник моего друга. А ведь, пожалуй, в те же годы что-то похожее писал я сам.

"... Сейчас ночь. Ночь, пожалуй, самое лучшее для меня время. Именно ночью я остаюсь по-настоящему наедине с собой. Правда, мне никто не мешает и днем. Разве что я вынужден проводить лекции. Но это не было бы для меня в тягость - да что там, ведь это не так! - если бы я не любил время суток, когда у меня нет ни перед кем никаких обязанностей... когда я знаю что никому не нужен я... и никто не нужен мне... Но, вероятно, именно тогда, когда я остаюсь наедине с собой, откуда-то из подсознания выплывает наружу все то мое истинное, настоящее, что я иной раз с таким трудом заглушаю (запихиваю в себя обратно) днем, и что, вероятно, считает, что имеет право на существование ночью.

Что это? Как долго будет это все продолжаться?.. Хотя, если честно, -- не думаю -- что оно и закончится когда..."

Я сравнил эти две записи. Весьма схожие моменты наблюдались и раньше. Да и вообще весь дневник (и мой, и Левин) буквально испещрен такими схожими откровениями.

Подобное наблюдается и в письмах.

"Здравствуй, Алекс! Получил от тебя письмо - и - не поверишь - радовался, как мальчишка. Мой друг, ты не представляешь, как мне тяжело без тебя. Эта рутинка меня начинает заедать. И я боюсь этого! Неужели нужно было уезжать, чтобы осознать это. А равно и то - как ты мне дорог. В иные моменты хочется бросить все, и примчаться к тебе. (Не много ли лирики?!).

И все же - если ненадолго отвлечься от чувств, переполнявших меня по отношению к тебе (что это - каламбур или тавтология?!) и попытаться найти в этих условиях что-нибудь хорошее - то, вероятно, это будут люди, которые сейчас меня окружают. Аркадий (мой однокашник, а ныне - ректор, если помнишь, на его уговоры о приезде когда-то - как это уже кажется давно, хотя, если разобраться, и прошло-то всего ничего), на самом деле, невероятно замечательный человек. На днях стал Членкорром... Никто не сомневается - что будет и академиком. Жаль, что вам не довелось друг с другом познакомиться. Уверен - ты бы остался доволен. Представь себе такую двухметровую махину, далеко за центнер весом, но при этом невероятно добрый, с почти детским выражением лица (мясистого, толстогубого, так что когда говорит - а поговорить он любит - создается впечатление что причмокивает, с пельменеобразными ушами, и таким же смешным носом), огромной гривой волос и слегка приседающей (или, лучше сказать, подсаживающейся - под его весом-то!) походкой.

Что до остальных коллег, то близко я почти ни с кем не сошелся. Хотя - что, наверное, к ним и располагает - нет в них того столичного высокомерия, которым, порой, "славятся" некоторые наши с тобой общие знакомые из числа ленинградских (ностальгия... ностальгия...) коллег.

Извини, не могу много писать. Уже слишком поздно, а мне еще надо пробежаться по докладу (завтра выступаю - заседание кафедры)... Жму тебе руку. Обнимаю. Прости, быть может, за некоторую сумбурность - на самом деле - устал.

Прощаюсь. Буду ждать письма.

Лев Розенберг

01 декабря 1986 года

ГЛАВА 2

Примерно с середины семидесятых (как давно это было?..) я уже уверенно (слово-то какое?! на самом деле, вероятно, не все было так просто) носил свою "маску", и думаю, спроси тогда обо мне,-- в подавляющем большинстве отозвались как о милом и добродушном человеке. Ну, быть может, еще - как о сильной (был ли я на самом деле

таким?) личности. Наверняка -- веселом (знали бы, "в плену" каких мрачных мыслей я находился?! Особенно по утрам!) и жизнерадостном (сколько раз раздумывал: что лучше -- шагнуть с крыши? заплыть далеко в море, чтобы не хватило сил вернуться? внезапно выскочить перед несущимся грузовиком? или воспользоваться "суицидальным разнообразием" метро, электричек, поездов... А еще можно было -- выпить яд; разрезать вены; ткнуть себя ножом в горло...). И только ночью... только ночью я мог быть самим собой... Страхился ли я наступления ночи?.. Пожалуй, нет... Хотя и спешил (сон еще никогда не приходил "по заказу") дождавшись рассвета, выскочить из дома, выбирая как можно длиннее путь до работы (выходил-то я - за долго!), чтобы... проанализировать - происходящее... Но только на работе, погрузившись в (зачастую, искусственно создаваемые) дела, на время я - забывался... Вернее - там, (на людях, на работе, другими словами - в обществе), я становился, просто-напросто, другой. И только благодаря этому, вероятно, и дожил я до своих лет...

Хотя... вряд ли тогда - осознавал я это в полной мере...

ГЛАВА 3

Не знаю, как это случилось, но на одном из моих жизненных (переходных, по сути) этапах (все произошло так внезапно, что, порой, в сомнении качаю головой: было ли?..) в мою жизнь ворвались сразу несколько женщин. Вернее, стоило мне только задуматься о возможности этого,-- как тотчас же: все и случилось. И, тогда уже, еще большим откровением для меня было то,-- что я на самом деле - впустил их. Всех. И почти - одновременно. (Притом, что в полной мере по настоящему осознал - только когда все произошло). И уже как бы то не было, - рядом со мной оказались: Вера, Надя и Олеся.

Они были все разные. Разные, начиная от возраста (почти все с разницей в десять лет) и заканчивая внешностью. И, пожалуй, они заслуживают того, - (тем более что потом, ничего похожего я себе уже не позволял), - чтобы об этом эпизоде жизни -- рассказать подробнее.

Это случилось, когда прошел уже год - год траура - после внезапной смерти моего друга. Словно в сомнамбулическом бреду я

жил все это время. И, вероятно, почувствовал, что если что-нибудь (внезапно! Иначе бы сознание - или подсознание?! - не пропустило бы!) не изменится, то меня вполне ждет перспектива Левы.

Мне тогда было тридцать шесть лет. Я только вернулся из-за границы, и европейский лоск самым удивительным образом дополнял мои внутренние качества (которые я, большей частью, конечно же, выдумал; но они были такими, какими их хотели видеть окружающие). И уже почти тогда же,-- (с удивительной дистанцией в день-два),-- в мою жизнь ворвались (именно - ворвались) эти три женщины.

Самой юной из них была Вероника. Высокая, под метр восемьдесят, (стандарт 90-60-90 еще был не распространен,-- но у нее были схожие параметры), с прямой осанкой, всегда гордо поднятой головой, длинными русыми волосами, и невероятно (до боли, до отчаяния, до удивления) красивая,-- была студенткой второго курса филологического факультета как раз того института (университета), где преподавал и я.

Познакомились мы с ней довольно случайно. Я по каким-то вопросам зашел к проректору, и, уже открыв дверь, заметил что у него люди, собрался было выйти (ой, простите, я подожду), но тот, рассмеявшись (он вообще исключительно веселый человек) чуть ли не настоял чтобы я вошел. И я увидел ее! Вернее, в первую очередь, я увидел ее глаза! Большие, с длинными ресницами, и в них тогда же (, нет, нет,-- ни себя, ни вас я не обманываю!) словно что-то изменилось (любовь?!). Мы "до неприличия" долго (минуту? две? вечность?) смотрели (никто был не вправе отвести глаз первым) друг на друга. И уже должен был вмешаться Масловец (проректор), в шутку поинтересовавшись: неужели ему наконец-то удалось увидеть любовь с первого взгляда? И почти разом мы посмотрели на него. Но потом вновь друг на друга. И я совсем не помню, о чем мы с ним после говорили (она, почти тотчас же, после того, как Масловец - знакомьтесь, это Вероника, наша лучшая студентка и первая красавица, а это Алекс, Алексей Сергеевич, без пяти минут наш профессор - нас представил друг другу - вышла - грациозно, медленно, плавно), потому как, конечно же, я уже ждал только того, чтобы побыстрее закончить разговор (сам я к нему пришел, или он меня вызвал?!), и догнать Веронику (вот я уже в коридоре, и у меня не было времени пытаться придумывать причину, ибо она... ждала меня (?!), и все остальное помню (вернее, совсем даже я не помню) словно в тумане, и сам не знаю как, но почти сразу же мы и не пытались думать,

---

как будем дальше друг без друга, ибо, наверное, почти сразу же (бывает такое?) решили быть вместе, и никогда не расставаться. И, вероятно, никогда бы эта "идиллия" и не закончилась, если бы.. если бы -- не встретил я.. Надю.

Надежда была небольшого роста, с внушительных размеров - (сразу бросающейся в глаза!) - грудью, носила "каре" из черных волос, имела сексуальный рот, и, в общем, пожалуй, самым главным штрихом ее портрета было то, что Надя относилась к той (редкой, по сути) категории женщин, посмотрев на которых - хочется только одного! Секса! Словно какие-то подсознательные клеммы защелкиваются в мозгу мужчины - и он знает: эта женщина - даст ему все, что он пожелает. Позволит претворить любые фантазии. О при этом - получит от этого: еще большее удовольствие, чем, быть может, даже он!

Так и произошло. Надежда тотчас же "откликнулась" на желание "поэкспериментировать". И я в какой-то мере даже "недооценил" ее. Потому что - ей совсем не нужно было ожидать какого-то там "желания". Она сама - состояла из него. Она сама - была "желание". Рождая всплеск фантазии. И проявляя чудеса - креативности. Позволяя, разыгрывать... впрочем, позволяя с собой делать вообще все - что: захочется. Мужчине. И от этого - явно получая еще большее удовольствие.

Было Надежде лет 27-28,-- и с ней действительно возможно было делать "это" -- несколько раз за ночь; а потом еще по паре - утром и днем. И, пожалуй, скажу правду, если замечу, что никогда и ни с кем,-- подобного у меня не было. И это при том, что и по возрасту-то,-- совсем нельзя было отнести меня к периоду юношеской гиперсексуальности.

Надежда удивительным образом дополняла мои отношения с Вероникой. Ибо Вероника была явной противоположностью Нади. Нет, конечно, теоретически она была согласна на близость, но, во-первых, она была еще невинна, а во-вторых... впрочем, и первого - вполне хватало...

Да я и сам не хотел -- форсировать события - с Верой. Точнее - мог себе позволить. Имея -- Надю...

А вот что касается Олеси...

Олеся была удивительной женщиной. На сколько сейчас помню, по возрасту она, чуть ли, не на десять лет была меня старше. Но в ее

сорок пять -- при любых условиях трудно было дать больше тридцати. А что еще вероятней - выглядела она, - лет на двадцать пять. Не больше. И это притом, что и ум, и жизненный опыт, -- были уже: зрелой женщины. Самым чудесным образом дополняя ее красоту. И, должно быть, этот (тройственный) ансамбль - и служил ей волшебным ключиком в отношениях с мужчинами. Помогая (безошибочно!) находить подход к каждому. Быть для одних - "матерью". Для других - "дочкой". Для третьих - "равноправным партнером". А для кого-то - "бесшабашной девицей", "сумасбродной женщиной", "строгой учительницей", "любвеобильной медсестрой", "на все готовой проституткой", "невинной недотрогой"... и, пожалуй, не хватит места для перечисления тех образов, в которые с легкостью входила Олеся. Безошибочно угадывая, какому мужчине - какой - ее хотелось видеть.

И отчасти подобные "способности" были в ней заложены от природы. Но это лишь отчасти. Потому как была Олеся Игоревна кандидатом психологических наук; а еще раньше - закончила медицинский ВУЗ; с тех пор работала сексологом, так что, пожалуй, -- у нее и не было права: на ошибку.

И все же женщины в моей жизни занимали совсем не то место, какое, быть может, следовало бы. В большей мере "виной" тому я сам. Однако, если разобраться, подобное было не иначе, как вынужденная необходимость. Некая защитная реакция. Ибо кому как не мне знать, что стоит только увлечься, только отпустить "поводья" (сколько приходилось себя самым, что ни на есть, серьезнейшим образом сдерживать!), -- и тогда колесница любви готова была понестись, не разбирая дороги; и уже сам не замечал, как в мою жизнь врываются все эти Кати, Любы, Оксаны...

Я это к тому, что, как ни печально, была всегда "моя любовь" -- в ущерб науке. А если не занимался я наукой, то, вроде как, -- не занимался уже и ничем. И начинался настоящий разброд в собственных мыслях. А это было - самое ужасное.

И тогда уже - передо мной стояли совсем другие цели. Еще более, быть может, скорректированные. И нерешенными, они оставались, не в силу - "не решаемости". А потому как просто не доставало еще времени - для решения: их. Поиском этого времени - я сейчас, по сути, и занимался.

ГЛАВА 4

- Ну почему ты мне не веришь? - совсем по-взрослому (а в свои четырнадцать я себе, вероятно, таким и казался) вопрошал я, убежденно жестикулируя (в отчаянии... в отчаянии) и, недоумевая, почему же мать меня не понимает.

- С чего ты взял, что я тебе не верю, - Алла Павловна, -- (мама),-- оторвавшись от лежащих на столе тетрадей, серьезно, поверх очков, посмотрела на меня. - Если ты считаешь, что я должна тоже прыгать и скакать что-то тебе доказывая - то ты не прав: так никогда не будет. - На ее еще не старом (сорок лет!), красивом (блондинка с правильными чертами) лице застыло настороженно-удивленное выражение лица. - О чем ты говоришь? Я, по-моему, всегда не только вполне адекватно относилась ко всем твоим причудам, но и более того - верила. Я все время тебе верила, так же как всегда верила в тебя. Да и вообще: разве можно меня в чем-то упрекнуть?

- Ну, опять ты об этом, - внезапно успокоившись (всегда выдержанный тон матери, вероятно, подспудно оказывал воздействие и на меня), произнес я. - Давай я еще раз...

- Только уже спокойно...

- Да, да, вполне спокойно, - (я знал свою особенность "вскипать" так же быстро, как и "остывать") согласился я...

По большому счету (должны были пройти годы, чтобы я это понял) наши споры (вернее - то, что пытался исценировать я; мама не спорила - мол, сказала так, -- значит, будет именно так) не несли в себе какой-то серьезной направленности. Зачастую, все равно оказывалось так - как хотела она. Но все же, какой-никакой, результат от этих "споров" был. Хотя бы потому,-- что я таким образом учился "заявлять о себе". Способ, надо заметить, не очень удачный. Но иного - как будто бы - мне и не оставалось.

Кроме того,-- мое "общение" с мамой - научили меня правильно обосновывать свои мысли. Выражать мнение. Логически излагать - стремление получения желаемого.

В итоге я не только всегда был готов дать отпор кому бы то ни было; но и предъявлять претензии - в своем недовольстве. Что тоже - немаловажно.

Что до того спора, то сейчас я уже и не помнил его суть. Вполне может быть, что пришла мне тогда в голову очередная идея ("прожекты", -- как шутила мама). А я, должно быть, перед "выполнением" - пытался заручиться ее поддержкой. (До поры до времени было загадкой: зачем мне это нужно? Пока я не понял - что в этом всего лишь проявлялась моя невротическая натура: получить "одобрение" близких, чтобы потом - в случае чего - сложить вину: на них).

Да что там говорить?! Ведь, если разобраться в мотивации (большинства) наших взрослых поступков -- за первопричиной следует отправляться в детство. Когда в наше подсознание и закладывалось то, что, после, будет играть такую важную роль.

И уже тогда,-- детство: как раз и было то, что приносило мне сейчас самое большое разочарование. Потому как,-- и детство, и юность, и зрелые годы,-- прошли в самом суровом противопоставлении себя: родителям.

И это была - самая тяжелая моя ошибка.

С чего я взял, что родители желали мне только зла?!

Или это была невероятная форма любви?! Ведь, буквально все (и в десять, и в четырнадцать, и в шестнадцать, и в двадцать шесть, и в тридцать...) чтобы не говорили они, - вызывало во мне самую яростную форму протеста!..

Неужели я был во всем с ними не согласен?! Причем, удивительно, - ни образование (которое я, в общем-то, получил благодаря им), ни возраст, ни, наконец, мое общественное положение (институт... коллеги... студенты...) -- так и не повлияли на то, чтобы я как-то изменил свое мнение.

Я всегда спорил с ними. Всегда - (как мне казалось) - переубеждал их. Да, и что там, - всегда делал все так, как того хотелось мне. Нисколько не задумываясь,-- как должно быть на самом деле.

И лишь только их смерть (автокатастрофа),-- изменила мой взгляд. Словно наступило прозрение (неожиданно и страшно), и я во всей неприглядной красе увидел действительность... И тут даже не потребовался психологический анализ - все, совершенное ранее мной, встало как на ладони! Непрекращающимся потоком запечатленных в памяти воспоминаний, словно на фотографической пленке выхватившей только (или они все были такими?!) негативные

моменты. И теперь стоило только задуматься о чем, -- тотчас (вытесняемый ранее) негатив: появлялся передо мной. И никуда нельзя было убежать. И хотелось спрятаться. Залезть в нору. И даже дать себя съесть: обитателям - этой норы. Потому как виделось мне это лучше,-- чем испытывать то, что испытывал я. Не в силах выносить -- нависшее надо мной проклятие...

С тех лет, когда произошел несчастный случай с родителями (ехали отдыхать на Черное море; на повороте горного серпантина - встречный КАМаз, не вписался в поворот, и протаранив машину родителей, увлек их за собой в пропасть...) память уже не решалась отпустить меня... Ни через год, ни через два, и, вероятно, через пять, десять, пятнадцать лет -- все останется по-прежнему. И тогда уже унесу я свои воспоминания (и вызванное ими - чувство вины) в могилу. Вот так вот.

ГЛАВА 5

Анастасия Генриховна, моя бабушка по отцу, была - и именно такой она мне запомнилась - крупная, добрая и (как уже дополняли мои воспоминания родственники - когда бабушка умерла, мне было десять лет) - властная женщина.

А еще, как оказалось, строгая.

Только став намного старше тех лет, когда я, придя однажды к бабушке, увидел много незнакомых людей, теснившихся (и о чем-то перешептывающихся) на крыльце ее дома -- большой такой, деревенский дом, построенный погибшим во Вторую Мировую дедом, Леонидом (Алексеем, -- как было на самом деле имя; но звали все - дед Ленья) Потаповичем, - осознал в полной мере: сколько ей пришлось пережить (мой отец был последним, самым младшим ребенком; так вышло, что все его пятеро братьев погибли в разном возрасте: двое - еще в совсем малом возрасте; другие,-- кто в войну; кто -- разбился, упав во время игры, с крыши родного дома; кто утонул в реке...). И, кстати, как я после этого должен относиться к Богу (при всей выдуманности этой фигуры, конечно). Почему, допустил этот Бог так, -- что погибли мои родственники. И родители... И все - насильственной смертью... (бабушка - не умерла сама; многое мне, мальцу, не говорили; лишь обронил отец - на расспросы - убили! И долго гадал я -

---

что значило то слово - прежде чем понял; до сих пор в памяти остался ее хлеб - пекла сама, не признавая магазинный - и пироги).

Да и другая бабушка (по матери, Людмила Ивановна); да и дедушка (Вениамин Павлович); хоть они и дожили почти до восьмидесятилетия,-- но, должно быть, --прожили бы еще больше: если бы не погибли от случившегося в их доме пожара.

Что до других родственников, то они, конечно, были живы. (По матери -- у меня было две тети (Ася и Рая), и дядя (Игорь); их дети - мои двоюродные братья и сестры: Петр и Роман - у Раи; Света - у Аси; Люба и Тома - у Игоря).

Но,-- виделись мы редко.

Да и, по сути,-- не виделись совсем.

Как сложится их судьба?

И уже здесь,-- хотелось бы мне сделать небольшой экскурс в историю моей семьи. Начав, быть может, со времен революции.

ЧАСТЬ 3

ГЛАВА 1

Промозглые ветры смутного времени, октябрьской революции 1917 года, застали Генриха Францевича Райха, бывшего генерала сначала польской, а позже, и русской армии, в небольшом городке под Петроградом, который-то если и был хоть как-то известен, то только благодаря известному поэту, запечатлевшему его в шуточном четверостишии.

Однако настроение Генриха Францевича было далеко не шуточное. Вот уж год, как он, бывший офицер польской армии, по личному приглашению русского царя Николая II, приехавший в Россию и перешедший на службу в Русскую Армию - был отстранен от дел (правительством Керенского), и в ожидании рассмотрения апелляции о восстановлении на службе, поданной в Государственную

Думу, -- жил в провинциальном городке в трехстах верстах от столицы.

Вообще-то стоит заметить, что Генрих Францевич и сам бы ни секунды не оставался в армии, которой командовал теперь не царь (после отречения от престола), а Временное правительство. Но здесь была поставлена на карту честь офицера, получившего лично из рук Государя Императора генеральские погоны. Он и присягу давал: царю и Отечеству. А теперь, и царя не стало; и Отечество - было под вопросом. Поэтому, когда к власти пришел Керенский, Генрих Францевич честно ему признался, что собирается подавать в отставку.

Александр Федорович (Керенский) видимо ожидал чего-то подобного. Но ничего не сказал в ответ. смутился подобным поведением молодого генерала, (Райху на тот момент еще не было и сорока), но ничего не сказал. Но уже на другой день, молодому генералу (Райху тогда не было и сорока) зачитали приказ, подписанный главой Временного Правительства, об отставке.

Негодование деда не было предела. Остается предположить, что он не очень-то был готов к подобному к отношению. И, привыкший к беспрекословному подчинению, Генрих Францевич на этот раз решил стоять на своем; и уйти в отставку исключительно по своей инициативе; а, не будучи уволенным.

Это был высокий, крепкий мужчина аристократических кровей. До него в роду практически не было военных. Были писатели, историки, ученые, даже помещики, вернее, крупные землевладельцы. Но неожиданно все три сына его отца (помимо него, в семье Райха и Элизабет Валье - матери генерала, преподающей в Консерватории, - было еще два брата) изъявили желание стать военными.

Удивленный отец никогда не препятствовал какому-либо выбору или желанию детей, (с детства воспитывая в них самостоятельность), а потому не удивился и на этот раз. Ни тогда, когда все трое детей решили стать офицерами (в родной Польше, где жила семья); ни потом, -- когда они приняли предложение русского царя, -- и перешли к нему.

1917 год застал братьев в разных чинах: старший, (48 лет), Михаил, был полковником; младший, Франтишек, (только-только исполнилось 25), -- поручиком; ну а Генрих - мой дед - генералом.

В отличие от братьев, Генрих Францевич не стал участвовать в начавшейся после октябрьского переворота Гражданской войне. И не

потому, что он был за советскую власть. Отнюдь. Просто формально генерал был в отставке. Да и к тому же, еще и до встречи с Керенским, собирался оставить службу и начать преподавание в одной из Петербургских Военных Академий.

Его же братья,-- решили стоять до последнего. И влились, по моему, сначала в части армии Юденича; а потом - Деникина. Но здесь я уже не был уверен. Знаю только, что отступая на юг, они какое-то время еще были вместе (в Екатеринодаре, и, по моему, до 19 или 20 года); а потом... потом, я знал, Франтишеку, - удалось перебраться за границу, во Францию; а Михаил погиб в одном и сражений; в должности командира полка.

Еще в Петербурге, от лихорадки умерла жена Генриха Францевича - Лидия (Франтишек был не женат, а жена Михаила погибла в железнодорожной катастрофе еще в 1913 году).

Так, в конце второго десятилетия Генрих Францевич остался с двумя дочерьми (Елизаветой и Анастасией) и сыном старшего брата, Ярославом.

В отличие от дочек генерала, (которым в 1917 году было 20 и 10 лет соответственно), Ярославу исполнилось всего 15 лет.

Один, да еще с тремя детьми на руках, Генрих Францевич посчитал, что было бы слишком рискованным и дальше оставаться в революционном Петрограде (по недоразумению,-- как он считал,-- у новой власти не оказалось к генералу претензий), и он перебрался в одну из губерний в центральной части России; подальше от столицы.

Однако, в истерзанной последствиями гражданской войны России, было совсем непросто не только найти какой-либо род занятий, обеспечивающий сносным пропитанием, но и было попросту опасно оставаться. Большевики выпустили джина; и этот джин,-- в образе обезумивших от вседозволенности банд (белых, красных, синих, анархистов и т. п.) - рыскал по стране, в надежде пожить. Они грабили и убивали; и чем дальше от Петрограда,-- тем ситуация была еще более бесконтрольной.

В итоге вместо того, чтобы закрепиться на новом месте, Генрих Францевич берет в охапку детей и едет обратно в Петроград. Но в городе теперь не то, что найти работу, устроиться на ночлег было невозможно. Все свободные (вернее - освободившееся) квартиры

оказались моментально заполненными хлынувшими в столицу (а Петроград еще оставался столицей) красноармейцами; а также их женами, детьми, родственниками, любовницами...

Повсюду горели костры, и, -- по мнению генерала,-- было вообще: черт знает что. Но таковы были реалии...

К удивлению генерала, его квартира оказалась не только не разграблена (после революции, из упраздненных большевиками тюрем хлынули тысячи уголовников), но и не занята. А, к тому же, в ней было тепло. словно Генрих Францевич уехал не две недели назад; а только вчера.

Однако, надо было на что-то жить.

Покупать еду, обменивая предметы домашнего обихода (что приходилось делать большинству из уцелевших, -- т. н. "бывших") генерал считал ниже достоинства. Необходимо было устраиваться на работу. Правда, работать в занятом большевиками Петрограде означало, фактически, то, что он принимает советскую власть. Но, -- и выхода иного, как будто бы не было. А потому, в который уж раз обдумывая сложившееся положение, Генрих Францевич Райх, пришел к заключению, что далее тянуть попросту бессмысленно. И в один из дней, надев свою самую любимую белую сорочку, строгий темный костюм и взяв неизменную, (сопровождавшую его в последнее время), трость, -- пошел на прием к председателю реввоенсовета; полагая, что накопленный им опыт может оказаться полезным и новой власти.

Сейчас уже трудно гадать, как сложился их разговор. И к кому на самом деле попал Генрих Францевич. Известно, -- что вместо ожидаемой должности в Петрограде, -- его отправили в ссылку (великодушно разрешив взять с собой детей). И с такими же как он, "бывшими" дворянами, Генрих Францевич попал в леса Адыгеи (находившиеся в трехстах верстах от Екатеринодара). Где они должны были - теперь - жить.

Ранее не знакомый с крестьянским трудом, Генрих Францевич неожиданно (и в первую очередь для себя) открыл в себе способности к сельскому хозяйству. Вскоре его дом (с прилегающим к нему

огородом в несколько гектаров -- земли давали сколько угодно) стал заметно выделяться на фоне соседских.

Это была огромных размеров бревенчатая изба, состоящая из нескольких просторных комнат (у каждого - своя). Был и еще один дом, меньших размеров. В нем генерал с семьей (больше он не женился; детей воспитывал сам) жил в летнее время.

Кроме этих двух домов, в хозяйстве бывшего генерала было множество других построек. Несколько сараев, хлев для скотины, еще один небольшой домик, состоящий, в основном, из находившейся внутри огромной печи, где готовилась пища для помогавших ему по хозяйству и возделыванию огромного огорода - работников... Генрих Францевич рассудил, что, уж, если им "приказано -- никуда не отлучаться" из нового населенного пункта, то, значит, и к ним: никто не будет вмешиваться. Поэтому,-- и быт свой, он обустроит так,-- как будет это удобно ему.

Тем более -- невесты были на выданье.

ГЛАВА 2

В тот же самый 1922 год, (в котором мы оставили, в деревне Печерской, генерала Райха), в Москве, в семье одного из руководителей наркомата промышленности и народного хозяйства Ивана Сергеевича Снеговичина, у его дочери Людмилы - родилась внучка - Алла. И трудно было сказать, кто ей больше обрадовался, жена, дочка,-- или сам Снеговичин.

Невысокого роста, слегка полноватый, с уверенным взглядом человека, который всегда знает, что хочет, Иван Сергеевич Снеговичин производил впечатление веселого, жизнерадостного и очень общительного человека. И несмотря на внешнюю "суровость",-- Иван Сергеевич был человеком, как говорится, изначально готовым на любой компромисс.

Так было и в 1917 году, когда владелец небольшой ткацкой фабрики Иван Снеговичин, вовремя оценив произошедшие в стране изменения, тут же переориентировал свое предприятия на пошив военной одежды для красноармейцев, раздавая им ее практически бесплатно. Новая власть оценила поступок Снеговичина, и уже вскоре в ведении Ивана Сергеевича было несколько ткацких предприятий,

---

которые он получил, если не в постоянное пользование (вместо сбежавших конкурентов Снеговишина), то, по крайней мере, то, что он получил полномочия, подписанные лично одним из вождей новой республики, - было точно. И, в принципе, это было и понятно, и оправданно. Во время царившего в стране хаоса (голода, начавшейся гражданской войны) - неожиданно находится человек, который не только готов помочь (одев ее) новой власти (прекрасно, при этом, разбираясь в своем ремесле), но еще и способен поставить подобное на поток; обязуясь снабдить специальной, теплой, прочной униформой - чуть ли не всю армию восставших. И потому, когда с таким "предложением" обратился Снеговишин (тогда еще, в общем-то, молодой человек - в 17-м, Ивану Сергеевичу было около тридцати),-- ему дали эти самые "полномочия". В результате которых,-- в его введение перешли все фабрики сначала Петербурга; потом - Москвы. А уже чуть после - и всей России. (Тем более, словно в подтверждение своих слов - Иван Сергеевич: принес несколько образцов - новой формы. Так сказать,-- "для одобрения"...).

Говорят, увиденное так поразило Троцкого, что он тут же подписал все необходимые бумаги.

Правда, когда Иван Сергеевич (в составе специально выделенных ему красноармейцев) начал инспектировать фабрики бывших конкурентов, -- большинство из них оказались или разрушены, или сгоревшими, или были попросту разграблены. Однако, и того, что осталось,-- вполне хватило для выполнения его амбициозного плана.

ГЛАВА 3

-- Значит, Вы и впрямь считаете, что наши методы управления сельским хозяйством носят античеловеческий характер? - желчно поинтересовался председатель сельсовета Федор Андронников, просверливая испепеляющим взглядом сидящего в его кабинете бывшего царского генерала.

-- Зачем Вы перевираете мои слова, -- спокойно произнес Генрих Францевич. - Вам хорошо известно, что я подразумевал под сказанным.

-- То есть, Вы полагаете, что нам просто надо несколько изменить крестьянскую политику? - спросил Василий Смехов, первый секретарь района. Он только недавно был назначен на этот пост, а потому предпочел сразу же, по вступлении в должность, лично проинспектировать некоторые крупные колхозы своего района. Первым на очереди оказался колхоз "Путь Ленина", возникший в станице Кужорской, и "славящийся" тем, что состоял исключительно из бывших классовых врагов революции. Впрочем, никто из них никогда открыто не противился советской власти (а некоторые даже предложили свои услуги в деле построения нового строя еще в далеком 17-м). Потому, может, и решено было их тогда не расстреливать, а попросту отослать подальше от столицы, где теперь, (в полуторатысячах километров - куда уж дальше?) и создали коллективное хозяйство, известное своими урожаями.

Правда, надо отдать должное новой власти, одно время их действительно никто не трогал. Будто бы - и забыв. А потом, (опомнились), велели организовать колхоз. И вступать в него всем.

А еще через время, председатель сельсовета Федор Андронников, (молодой - 28 лет- парень, присланный на столь ответственную,-- учитывая контингент,-- должность из столицы края - Краснодара) - телеграфировал в район о создании колхоза. Прошло несколько лет, и недавно созданный колхоз - лидировал в районе.

-- Да в том-то и дело, что, на мой взгляд, надо лишь чуть-чуть ослабить вожжи, -- произнес Райх, уже с час пытающийся безуспешно убедить председателя сельсовета (и,-- как показалось ему,-- так "кстати" приехавшего главу района) в том, что крестьянам надо сделать небольшое послабление, не забирать весь урожай, оставив часть не только на пропитание, но и на закладку нового. - Ведь иначе уже на следующий год попросту будет нечего брать,-- попробовал он последний довод.

-- А как же "продразверстка"? - поинтересовался Андронников, делая вид, что не понимает, куда клонит Райх.

Он понимал. Конечно же, понимал. Но знал он и то, что в случае, если не выполнят план, спущенный сверху,-- пострадает в первую очередь он, Федор Андронников. И не в каком-то там (еще не наступившем) следующем году, - а уже в этом. Уже сейчас. Но... если

предположить,-- а так, конечно же, и есть,-- что этот недобитый царский генерал как раз все понимает, то тогда выходит... выходит - что это заговор?! И именно против него,-- Федора Андронникова. Председателя сельского совета колхоза "Путь Ленина".

-- Подожди, подожди, Федор, -- явно понимая куда он клонит, решил остудить его пыл Смехов.

Несмотря на возраст (Василию Васильевичу было ненамного больше, чем молодому председателю, 35) - он понимал, что в словах бывшего генерала, а ныне имеющего одно из самых крупных подсобных хозяйств (несколько коров, полтора десятка свиней, три сотни кролей, кур и прочей мелкой живности) есть своя правда. В суммарном объеме тот и продукции (вполне, надо заметить, добровольно) готов был отдать больше, чем остальные. И повести народ за собой,-- если то потребуется,-- то же бы: "смог". Но Смехов понимал и горячность азарта Андронникова, спешащего отчитаться перед начальством за перевыполнение плана. А еще Василий Васильевич Смехов знал то, что в случае выполнении того, что хотел Андронников,-- в следующем году им пришлют новый план. Со значительно увеличенными нормами сдачи зерна, молока, мяса... И, уже невыполнение его, - будет означать, что можно ставить крест на карьере его, Василия Васильевича Смехова. И как это было объяснить горячившемуся Федору? Тем более, объяснив,-- не вызвав (еще чего доброго) подозрения в пособничестве классовому врагу. Ведь, кто бы что не говорил,-- перед глазами Василия Васильевича живой пример: его предшественник на посту главы района - расстрелян, обвиненный в саботаже и пособничестве врагу. И вина то его - приказал сбросить с повозки мешок зерна вдове с детишками, из хозяйства которой уже вывезли этих мешков с десятков.

Но вот в том-то и беда была: Смехов понимал все. Но подобрать нужных слов - не мог.

-- Может, в чем-то Генрих Францевич и прав, - забросил удочку Смехов, внимательно следя за реакцией Андронникова. Тот недовольно сверкнул в его сторону. - Я предположил: "в чем-то",-- пояснил он, теперь обращаясь почти исключительно к Андронникову, - - потому как знаю: "план" мы должны не только выполнить, но и перевыполнить. (Генерал сидел опустив голову; Федор - с заинтересованностью рассматривал его). внимательно следил за - сказал Василий Васильевич, посмотрев, последовательно, то на

опустившего голову генерала (он и не надеялся, что к его совету кто-нибудь внимлет), то на приободрившегося Андронникова. - Весь вопрос только в проценте перевыполнения. Ведь - и в этом Генрих Францевич бесспорно прав - нам необходимо его не только выполнить и перевыполнить в этом году, но и в следующем. Причем, в следующем - на больший процент, чем в этом. Только в этом случае у нас будет стабильный рост результатов, а, значит, и дальнейшая поддержка центра.

-- Вы думаете, что ситуация в стране в следующем году не изменится? - искренне спросил генерал, посмотрев на секретаря района.

-- Непременно изменится, -- поспешил ответить Василий Васильевич, заметив, что его ответа ожидает и повернувшийся к нему Андронников. - Политика государства такова, что с каждым годом заметно позитивное изменение ситуации, -- выбросил он заготовленную фразу, посмотрев при этом на Райха: мол, что ж ты, брат, я тебя выручаю, а ты в присутствии председателя сельсовета задаешь такие вопросы?

Тот смутился,-- все поняв. И потому тотчас же,-- поспешив (как объяснил себе Смехов),-- сгладить свой вопрос - обратился с предложением к Андронникову: завтра же присылать подводы к его дому. Чтобы погрузить предназначавшееся государству зерно.

(На самом деле, в этом году урожай был таков, что Генрих Францевич мог, абсолютно не беспокоясь, не только отдать несколько десятков мешков государству; но и оставить себе в несколько раз больше. Еще вначале, когда он только проектировал будущий участок, за начинавшейся в конце его огорода речкой, он соорудил бункер. Где хранил теперь - часть выращенного урожая и забитой живности. Как говорится, "на черный день". Что было, конечно же, рискованно. Но гарантировало, что с голоду не умрет ни он, ни его семья. И риск того стоил).

-- Хорошо, -- сказал заметно повеселевший Андронников.

-- Ну, я думаю, что вы справитесь, -- пожал Федору на прощание руку Смехов. - Что от меня, то можешь быть уверен: на ближайшем заседании обкома я отмечу твои заслуги в становлении сельского хозяйства, -- он, улыбаясь, и все видом показывая, что именно так и сделает. Время было беспокойное. И лишний голос "за",-- никогда не помешает.

- До свидания, -- подал Смехов руку и Генриху Францевичу. - Помните, что двери моего кабинета всегда открыты для Вас. Можете приходить напрямую, -- чуть тише добавил он, пожимая руку генералу. - В любом случае, постарайтесь не переусердствовать с вашим энтузиазмом помочь советами. Некоторые, к сожалению, этого просто могут не понять, -- предостерег он на прощание Райха.

ГЛАВА 4

-- Я не знаю, что может быть главнее завоеваний революции! - мощным басом сотрясал аудиторию Павел Крупинин, революционер-социалист, придерживавшийся, особенно в последнее время, все больше и больше большевистских взглядов. Несмотря на относительно средний рост, и ничем не примечательную внешность, Павел уже на протяжении полутора часов держал в напряжении несколько сот человек, собравшихся в одном из залов захваченного у буржуев дворца. За это время ему удалось "убедить в своей правоте" почти всех. И он отвечал на вопросы "сочувствующих".

-- А не кажется ли вам, уважаемый, что ваша, так называемая, революция, принесла России больше бед, нежели той справедливости, о которой подобные вам товарищи распекаются на каждом углу? - в который уж раз задавал очередной провокационный вопрос сухонький старикашка (недобиток, -- как сразу его окрестил Павел), смотрящий на Павла сквозь пенсне.

Несмотря на, иной раз, явно проступающую неопытность в подобных (революционных) вопросах,-- Павлу все же было поручено провести митинг сторонников новой власти. Среди которых, (как оказалось), было немало и "разочаровавшихся", в этой самой революции. В основном это были те, кто сумел уже тогда, в 17-ом, осознать,-- что слова большевиков - было совсем не одно и то же: что - дела их.

Но таких было мало. Но даже не на "борьбу" (с подобными) был брошен Крупинин. Задача его заключалась,-- не дать "недобиткам" -- разубедить других. Прежде всего, - таких же рабочих,-- как и сам Павел (который рабочим, впрочем, не был; но очень был похож, своей

внешностью, на них). Повести за собой,-- как напутствовал Павла Крупинина,-- опытный коммунист. И Павел - был преисполнен: оправдать возложенное на него доверие.

(Ко всему прочему, у Павла было три курса института (факультет словесности). И его старшие товарищи, в принципе, были уверены, что он справится. Да даже если кто и не был уверен,-- это не играло совсем никакой роли. На Павла не раз уже возлагалась подобная миссия. И он с ней справлялся).

-- Конечно, нам, революционерам, в последнее время часто приходится слышать подобные каверзные вопросы тех, кому, по всей видимости, было всегда по пути с нашими врагами, -- вновь раздался бас Павла, начавшего отвечать на вопрос. - Но, не вдаваясь в ненужные сейчас дискуссии, могу заверить подобных товарищей: как бы они тому не противились - революция все равно победила! И власть в стране теперь принадлежит не каким-то там буржуям, а всем вам, рабочим и крестьянам!

По залу пронесся рой голосов, тут же перешедший в громогласные овации.

Кто-то даже прокричал "Ура!", и остальные, чуть подумав, поддержали оратора.

В те времена, кое-кто, ставящий под сомнение выдвигаемые большевиками лозунги, еще мог надеяться, что его не тронут. А потому, с собрания, проводимого Павлом смогли уйти и "старикашка" в пенсне, (которого так невзлюбил Павел), и другие "оппоненты". Причем, смогли не только уйти, но и выжить. Не подвергнуться арестам. Репрессиям. Что совсем нельзя было сказать о произошедшем лет десять спустя. Когда в тюрьме оказался сам Павел. Павел Романович Крупинин. К тому времени - заместитель одного из наркомов.

(Кстати, что до его сына, тоже Павла, то, -- несмотря на распространенную в те годы практику,-- он не пострадал. И для этого даже не потребовалось "отказываться от отца". Но, если рассматривать сложившуюся ситуацию чуть глубже, то, вероятно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что тесть его сына - занимал пост в наркомате сельского хозяйства. И, быть может, у него тоже были - определенные знакомства).

Но это было много позже. А пока, в 1917 году, Павел Крупинин, ловко отбивая "меньшевицкие" нападки, на более чем десятках проведенных митингов,-- был удостоен похвалы, то ли Бухарина, то ли самого Ленина. Но, для Павла,-- позволим себе осторожно предположить,-- не только это было теперь главное. Еще задолго до революции, он познакомился с курсисткой, Розой Вартейн. Единственной дочерью профессора права Генриха Александровича и балерины Софьи Ароновны Вартейн.

Несмотря на, казалось бы, разные интересы (Роза была абсолютно аполитична и увлекалась только музицированием), молодые люди - Роза была на семь лет младше Павла - полюбили друг друга, поженились, и в 1902 году у них уже появился первенец. Павел.

Павел рос необычайно сильным и способным мальчиком. Но, что касается силы, то она действительно смущала даже поведавших многое на своем веку жонглеров цирка (знакомых матери, Розы Вартейн-Крупининой). Например, уже в семь лет не по годам рослый мальчик (очередная загадка - в кого такой рост?) спокойно выжимал одной рукой два пуда; а в пятнадцать - запросто держал на вытянутой руке взрослого мужчину, обхватив того за щиколотку.

Но и это еще было не все. Павел удивительно легко складывал в уме трех, четырех, и даже пятизначные числа. Проявляя неподдельный интерес к математике. Но он еще больше всех удивил, когда неожиданно выбрал сельскохозяйственный ВУЗ, решив стать агрономом. Причем, чем был мотивирован этот выбор, не знал абсолютно никто.

Пришедшая к тому времени новая власть одобрила выбор молодого человека. А через время - он уже получил заветный диплом.

Что до его взглядов, то поначалу он совершенно не интересовался политикой. К тому же, страсть к математике не проходит бесследно, и уже вскоре он поступает на факультет математики, который и заканчивает экстерном; причем с такими оценками, что сначала остается в аспирантуре, а потом - становится преподавателем.

Неожиданные коррективы вносит война в Испании. Павел уходит добровольцем. После войны в Испании - следует война Отечественная. И со второй Мировой - Павел - (как, когда-то, и его дед - с Первой Мировой) - приходит инвалидом (без руки). Но уже тут - неожиданно чувствует он в себе "влияние генов". И Павел Павлович неожиданно начинает подниматься по партийной лестнице. И он

действительно (высокий, под два метра ростом, широкоплечий, скуластый, с внимательными глазами, порой становящимися пронизательными и суровыми) необычайно располагает к себе. Обращая даже потенциальных врагов - в друзей.

Павел Романович до этих дней не дожил. Но в конце двадцатых, видя, как его сын растет у него на глазах сильным и умным мальчуганом, он иной раз отворачивался, смахивая слезу от переполнявшей его гордости. Он верил, что его сын добьется многого. Быть может даже большего, чем он.

А пока... пока Павел Романович Крупинин перебрался с семьей из Петрограда (переименованного недавно в Ленинград) в Москву. Он получил очередное повышение. И теперь работал в Кремле.

ГЛАВА 5

Генрих Францевич Райх сидел за письменным столом (сделанным собственными руками), отложив листы белой бумаги в сторону, и молча уставившись в окно.

Несмотря на то, что он уже десять лет жил в станице Кужорской, которая благодаря ему и другим ссыльным выросла на месте непроходимых лесов, он до сих пор в душе не мог свыкнуться с происходящим. Как же так получилось, что он, бывший генерал некогда великой России не сложил голову - как Михаил, его старший брат - на поле брани; или не уехал - как младший, Франтишек -- за границу; а остался. Да еще - научился выживать; приспособливаться; потакать - оглоедам и босякам. Что же это тогда происходит?.. Как вообще могло - такое произойти?.. И не он ли, когда-то, воспитывал в подчиненных... впрочем, что он только не воспитывал?.. Ему бы и сейчас - преподавать. Да и, по сути,-- был он всегда больше теоретиком; нежели,-- например, как брат,-- практиком. И потому, в какой-то мере,-- все, что произошло, -- можно считать: предсказуемым.

Печаль и боль была видна в глазах бывшего генерала. Более чем кто другой он понимал, что представляет собой новый строй. Но... сделать ничего не мог. Да и - не должен был. Надо было - сохранить себя для детей. Научить их всему - что знал сам. Помочь, устроиться (и

окрепнуть) в этой жизни. А значит, и рисковать своей жизнью - он просто так не мог. Да и - зачем?!..

Однако, уже в осуществлении этого плана - стали появляться сложности. И, были вызваны они тем, что не мог, Генрих Францевич, дать дальнейшее (после школы, которую они закончили) дать образование детям. И проблема, главным образом, заключалась в нем, в Генрихе Францевиче Райхе. Потому как - до сих пор опасалась его новая власть. А потому,-- считал он,-- не позволяла и детям его: ехать в город (ведь только там были институты).

И понимал он, что - и богатство (огромное хозяйство), и уважение, которое, как будто бы оказывала ему местная власть (после того, как у него в доме несколько раз побывал сам Смехов, ни Андронников, ни Кормилицын (председатель колхоза),-- в дела бывшего генерала больше не вмешивались) - были: призрачными. "Ненстоящими",-- в той стране, в которой он жил. В любой момент - все могли прийти: и забрать. И этого,-- Генрих Францевич,-- в последние года боялся все больше и больше.

Правда,-- какая-либо тревога совсем не сказалась на внешности. И он, по прежнему, ходил с выпрямленной спиной (от чего казался еще выше своего, и так огромного, роста). Все так же был крепок и широк в плечах. А с годами и вовсе казался необъятным. Речь его по-прежнему была тверда. Слова - весомы. Да и взгляд... взгляд, с годами, стал настолько "понимающим", - что стоило только кому заметить его на себе,-- и тотчас же: готов признаться он был - в самых страшных грехах. Несуществующих. И при этом,-- постарался бы вас убедить: в существовании их.

Но сколько раз,-- Генрих Францевич, и сам ловил на себе разные взгляды. Большая часть из которых,-- была взглядами лодырей и бездельников. А значит -- взглядами завистников. Потому как,-- это они могли сообщить "куда следует"

(чем немало грозили с пьяных уст). Это они могли - написать жалобу, или донос (что наверняка - донос). И тогда...

Что будет тогда,-- Генрих Францевич предпочитал не знать. Быть может даже - не думать о том. Но вот насколько это ему удавалось?..

С утра до вечера Генрих Францевич трудился или в поле (от батраков вынужден был отказаться; уж слишком недолголюбивала наличие у него "помощников" советская власть), или - в подворье.

Дочки и племянник - помогали ему.

Но все чаще и чаще думал дед о том: насколько долго все могло продолжаться. Наступит время, - и дочери должны будут выйти замуж. Племянник - женится. (Правда, что касается племянника, то тот, на удивление, не высказывал никакого желания обзавестись семьей. Он вообще казался излишне "нелюдимым". Быть может даже, - "забитым". И если предоставлялась какая возможность,-- то предпочитал быть один. Причем,-- не только не смущался своим одиночеством. Но и казалось,-- наслаждался им).

Кстати,-- совсем другими были девочки. Дочки Генриха Францевича вообще росли излишне, быть может, "компанейскими". И в просторном доме бывшего генерала - всегда было много детей, подружек дочерей. Которые,-- прыгали, бегали, визжали, играли в прятки в его просторной избе: из десяти комнат (строить, так строить).

...Но теперь девочки выросли... Правда, женихов возле своего дома Генрих Францевич еще не встречал. И даже не был уверен в их существовании. Но тех - и не было. Никто не решил, что чувство его настолько искреннее, что он сможет предстать перед генералом. Которого,-- зная его справедливость и твердый нрав,-- не только уважали, но и откровенно побаивались.

Да и девочки никогда бы не решились что-то сделать без одобрения отца.

Хотя,-- по сути,-- он никогда с ним и не был по настоящему строгим. И всегда - справедливым. И именно эта его справедливость,-- сейчас не давала покоя. Потому как переживал Генрих Францевич,-- что ему так и придется, до конца дней, прожить в деревне. Не удастся - выбраться из нее. Но даже что там он... дети... неужели его детям так и не удастся увидеть европейскую цивилизацию. Все те города,-- в которых побывал он.

И это была еще одна боль Райха. Как бы он хотел, чтобы его девочкам хотя бы удалось перебраться в город. Увидеть что-то большее,-- чем видели они сейчас...

-- Неужели им навсегда придется остаться в деревне? - думал он. И как обычно,-- думы его: так и не подводили к единому знаменателю. Слишком прозаичным виделось ему будущее. Таким же, каким

рутинным и обыденным было настоящее. А замуж... как бы ни хотелось, выдавать их замуж за местных... Но, не выдавали Генриху Францевичу никакого документа, кроме как трудовой книжки колхозника. Да и ее то - не было на руках. А паспорта... так паспорта - были запрещено иметь сельским жителям. И при советской власти - жители деревень: подобных документов - не имели.

Был ли какой просвет в его нынешней жизни?..
Быть может и был. Вот только он его - не видел.

ГЛАВА 6

-- Ну, скажи мне, -- вопрошал Иван Сергеевич Снеговишин свою супругу, Наталью Борисовну, полулежащую в кресле-качалке напротив него - облокотившегося об деревянные перилла недавно полученной государственной дачи в Боровичах, под Москвой. - Достоин ли я того, чтобы получать все эти земные блага? (Помимо дачи - огромного дома с внушительной территорией, соснами, прудиком, да многочисленными, идущими вдоль забора, зарослями можжевельника - Иван Сергеевич, тремя неделями ранее назначенный на пост заместителя одного из наркоматов советского правительства, получил также новенький автомобиль с водителем и огромную пятикомнатную квартиру в центре Москвы).

Улыбающаяся супруга только выразительно вскинула брови и развела руками,-- мол, что тут еще скажешь?!

-- Выходит, не зря мы тогда остались, а? - в более чем приподнятом настроении заметил Снеговишин. - А ведь стоило поддаться сиюминутной панике - и... Где бы были мы теперь?.. А так,-- значит и при Советах можно жить?!

-- Тише, тише,-- замахала руками жена. И Иван Сергеевич, благодарно на нее посмотрев, - замолчал. Сколько раз ее осторожность - выручала его. Это только по началу,-- он отмахивался от ее слов,-- и кричал еще громче. После известных событий в стране,-- (в стране массовым ходом шли репрессии),-- нужно быть более чем: осторожным. Тем более, что все окружающие - что уж говорить о

соседях по даче, которые были сплошь и рядом профессора, академики, да партийная элита - традиционно предпочитали держать язык за зубами.

Единственное, что его сейчас могло оправдать (хотя бы в глазах супруги),-- так это те полбутылки коньяка, которые он уже успел выпить. В одиночку (вернее - общаясь с супругой). Июльский вечер был безветренен и хорош. А солнце только готовилось окрасить горизонт багрянцем. Впереди было два выходных дня, и, в принципе, можно было позволить себе расслабиться. Хотя бы еще и потому,-- что в последнее время с супругой, удавалось видеться не часто. Или перед сном,-- (приходил Иван Сергеевич за полночь), - или утром, когда Наталья Борисовна еще нежилась в постели - (она преподавала литературу на начальных курсах студентам одного из технических ВУЗов, и реально была задействована два-три раза в неделю) - а он уже убежал, на ходу забрасывая в себя приготовленный кухаркой завтрак, по пути заглянув к ней в комнату, и посылая просыпающейся супруге воздушный поцелуй,-- уезжал окончательно.

Помимо кухарки, Иван Сергеевич настоял, чтобы в доме находились горничная и гувернантка. Дочке шел девятый год, и помимо посещений школы - она должна были заниматься с домашним учителем. И не одним,-- а несколькими. В том числе,-- и с гувернанткой. В сове время закончившей Смольный институт, и вполне способной привить девочке утонченный манеры.

Наталья Борисовна обеспокоено посмотрела на мужа,-- (что-то захмелел слишком быстро?), и постаралась перевести разговор на другую тему. Темой, которая всегда оказывалась вне конкуренции -- был большой теннис, к которому Снеговичин пристрастился в последнее время. Причем, он не только решал на кортах - (среди его большинства партнеров были такие же, как и он, чиновники) - различные проблемы,-- но и переносил решение некоторых из них домой. Где, приняв немного водки, вина или, как сейчас, коньяка, -- посвящал в некоторые (не важно - секретные, не секретные, полусекретные, или вообще - только что выдуманные - были они) дела - супругу. Так, что впору,-- если б знал кто о том,-- можно было присваивать ей статус секретности. Но ни о чем таком,-- Наталья Борисовна, конечно же, не говорила своему супругу. А тот еще более проникался доверием к ней. К своей безмолвной слушательнице. И лишь только иногда, супруга подносила палец к улыбающимся губам. Но только ради того, чтобы видеть это - Иван Сергеевич готов был

выполнить любое ее желание. И даже,-- а об этом не знала, быть может, и сама Наталья Борисовна,-- не только желание или просьбу: но и - приказ. Причем, могли это быть - не только "новости политической жизни страны" (как и бывало зачастую); а касаться людей, наблюдать которых, Наталья Борисовна, могла совсем даже недавно. Соседей, например.

- Не знаю, что думает делать дальше этот Яков Абрамович (ближайший сосед по даче, академик-астроном, на днях,-- как знала Наталья Борисовна,-- высказавший утопическую идею о существовании внеземных цивилизаций),-- но мне - (и не только мне),-- многозначительно посмотрел на супругу захмелевший Иван Сергеевич,-- кажется: что он ошибается. И серьезно! - добавил он, все своим видом показывая и важность момента, и, в большей, вероятно мере, свои знания. Возможность (получения) которых,-- указывало на "доверие" оказываемое ему. (На самом деле, Наталья Борисовна знала, что у мужа был приятель в КГБ. Который и делился, по пьяни, с ним подобными "секретами. - Ты понимаешь всю ответственность момента? - ухватила она последнюю фразу разоткровеннившегося супруга, и согласно закивала, улыбаясь, головой.

На самом деле, Наталья Борисовна, давно уже не понимала о чем ей говорит муж. Да она, по сути, никогда внимательно и не слушала его. Лишь изображала вид - заинтересованности.

Тому, впрочем, и этого было достаточно.

Вскоре, была допита вторая бутылка коньяка. И в речь Ивана Сергеевича стала настолько непонятна (и для него самого),-- что он уже и не пытался повторить - сказанное. А то и вообще - мычал. Надеясь, на понимание. Без слов.

А еще через полчала, осторожно поддерживая поникшее и одряхлевшее тело (всего-то - сорокатрехлетнего!) супруга - Наталья Борисовна отнесла его в спальню. И уложив в кровать,-- бережно укутала теплым английским одеялом. Все было как всегда. И ничего нового,-- произойти не могло. Дальше,-- она знала,

-- уберет оставшуюся (ел муж не много; больше любил - создать видимость бурной трапезы) закуску в холодильник. А потом еще долго будет сидеть на опустевшей террасе. Слушая потрескивающий пересвист просыпающихся сверчков-светлячков. Да (в который уж раз) вспоминая свою жизнь.

С того самого дня, как она, дочка мелкого чиновника Наташа Брагина, за год до революции вышла замуж за преуспевающего

фабриканта Ивана Сергеевича Снеговишина (супруг был старше ее, тогда девятнадцатилетней, почти на десять лет). Потому как уже с тех самых пор, - она только и ощущала: что свою ущербность да забитость. Не имея в семье не только права голоса, но и даже, казалось, какого-либо,-- отдельного от властного мужа,-- суждения.

Никто никогда не знал, что она на самом деле думает. О чем мечтает. Чего желает.

Ее жизнь была подчинена воле супруга. И, казалось, она даже живет -ради него.

Да, может, еще ради своей дочери. Которую долго не могла родить (революция, гражданская война, вечно занятый муж, какие-то болезни...), забеременев только через пять лет брака. А уже на следующий год появилось чудное дитя. Девочка. Имя дали - в честь скончавшейся от тифа во время первой мировой - матери Натальи Борисовны.

Теперь девочке (сейчас она была в пионерском лагере) было девять лет. У нее были кудрявые черные волосы. Красивые пухлые губки. И не по-детски серьезный взгляд. Что ждало ее в будущем? Очень хотелось бы, чтобы было только хорошее... - сон наконец-то сморил Наталью Борисовну, и, окинув отвлеченным взглядом засыпающие окрестности - (шел второй час ночи) - она прошла в спальню, быстро разделась, и, нырнув под одеяло, моментально уснула. Иногда, правда, подрагивая во сне,-- но не от холода, а, скорее, от воплощаемых во сне разыгравшимся воображением мыслей.

Но на самом деле - ей было беспокоиться, вроде как, и не о чем. По крайней мере, пока (в ее семье) все складывалось не хуже, чем у других. А, быть может, и лучше,-- чем у большинства.

ГЛАВА 7

Генрих Францевич, наконец-то, придумал план будущих действий, который, по его мнению, и должен был решить проблему, не дававшую покоя в последнее время. Проблему, основная задача которой, заключалась в желании обезопасить себя и свою семью, - от возможных нападков советской власти. Потому как, наблюдал бывший генерал,-- как все более и более, государство, "закручивает гайки". И по настоящему вздохнуть,-- можно было бы только покинув эту

страну. Что изначально - исключалось. А значит,-- следовало что-то придумать. Чтоб, оставшись здесь,-- сохранить жизни.

И, со временем, в убеленную сединами голову бывшего генерала пришел тот вариант решения, который в сложившейся ситуации казался наиболее оптимальным. Следовало, - выдать дочерей замуж. А племянника - женить. Но не абы на ком. А, как говорится, "брак по расчету". Вот, правда, с Ярославом мог случиться конфуз. В свои тридцать два - он не только не "дружил" ни с одной девушкой, но и, в принципе, совсем не собирался жениться.

- Ты что, дал обет безбрачия? - пошутил Генрих Францевич. Но тотчас же замолчал, наткнувшись на наивно-одухотворенный взгляд племянника.

А еще через время,-- открылось истинное положение. Ярослав собирался принять постриг. Стать монахом. (И, заметим, Генрих Францевич в итоге "даст добро". Но уже когда станет тот диаконом, окажется у него ребенок на стороне. Мальчика назовут Михаилом, в честь отца - брата Генриха Францевича).

Но будет это - много позже. А пока - Генрих Францевич удрученно посмотрел на высказавшего свое отрицательное мнение по поводу брака Ярослава. И, лишь тяжело вздохнул, пожал плечами. Вероятно раздумывая,-- в кого тот такой - уродился?..

Что до дочек, то они порадовали старика. Старшая, Елизавета, оказалось, давно уже "положила глаз" на сына бывшего первого секретаря района (недавно получившего повышение и ставшим вторым секретарем обкома партии) Василия Васильевича Смехова - Глеба. Глеб был почти одного с ней возраста - (на год моложе) - и по долгу службы (работал в отделе народного образования) часто бывал в их станице. (Как, впрочем, и во всех других. Он инспектировал сельские школы. Где и познакомился с Елизаветой - после учебы в краевом центре - работавшей учительницей начальных классов).

Поэтому, когда отец только заикнулся о браке, она тотчас же согласилась. Так же как и отец, понимая, что такой шанс - больше не представится.

Что до Анастасии, то она смогла убедить отца, что будет вполне достаточно, если его волю выполнит одна Елизавета. А что до нее - то ей хотелось бы выйти замуж за простого человека. Которым, вскоре, и оказался односельчанин. Местный писарь в сельсовете. Сын такого же,

---

как и Генрих Францевич, дворянина. Сосланного когда-то - одно время с ним.

Алексей - (так звали парня) - как оказалось, давно уже любил младшую дочь бывшего генерала. А потому,-- не прошел и год, как они женились. Даже несмотря на то, что молодой человек был почти на пять лет младше своей возлюбленной.

Через девять месяцев после свадьбы, у Елизаветы, родился сын - Юрий. А еще через год - и дочка: Марина.

У Анастасии же с Алексеем -- ситуация казалась не столь радостная. Первый их сын умер новорожденным. Второй успел прожить лишь полтора месяца. Зато потом, появившиеся на свет (один за другим, с разницей в год) три мальчугана,-- оглашали веселыми криками дом Генриха Францевича; у которого - и жила младшая дочь с семейством. (Старшая, почти тот час же после свадьбы, переехала к мужу - в Краснодар).

Еще через десять лет, в 1934 году, в семье Анастасии и Алексея родился еще один сын - Алексей (мой отец). И, помнится, уже говорил я, - что останется в живых из братьев - он только один. Но,-- то уже видно: судьба. Хотя...

Кстати, трудно удержаться, чтобы не сказать, что именно в маленьком своем внуке - Алеше - Генрих Францевич нашел ту родственную душу, которой, быть может, со времен его детства (когда старшему брату, которого боготворил Генрих Францевич, стало с ним скучно),-- больше и не было.

И по мере того, как рос Алеша, - Генрих Францевич все больше находил в нем черт, когда-то присущих - ему. Этим и объясняется, что фактически с самого детства - мальчик перешел на воспитание к своему деду.

Они жили в небольшом домике, на краю села, (дом он построил специально для Ярослава, когда понял, что тот достаточно вырос, чтобы завести свою семью и жить отдельно); именно в него со временем и перебрался Генрих Францевич.

Племянник настолько не придавал значения своему быту, что Генриху Францевичу пришлось первое время самым настоящим образом обустроить, этот самый, быт; для того чтобы (теперь их совместное жилье) приняло более-менее презентабельный вид. Маленький Алеша часто навещал своего деда. Не по годам умный и начитанный, мальчик с жадностью впитывал все, что тот говорил; а

бывший генерал, ласково поглаживая по кудрявой голове внука,-- вдавался в воспоминания.

-- Старайся никогда не идти наперекор своей совести, -- часто повторял Генрих Францевич, заглядывая в глаза мальчику. - Ты должен всегда помнить о том, что когда-нибудь наступит тот день, когда будешь держать ответ за все, что совершил. Знай, что такое обязательно произойдет. И что ты тогда скажешь?..

... Но, что бы ни сказал,-- тебе никогда не должно быть стыдно за свой ответ...

-- А когда это случится? - вопрошал, бывало, маленький Алеша (или - Леня,-- как, бывало, звали его близкие), дождавшись, пока дедушка (когда отцу было десять лет, моему прапрадеду - уже девяносто два) закончит затянувшуюся паузу... В тот момент, Генрих Францевич в своих мыслях был невероятно далеко. И, интуитивно угадывая это, - мальчик никогда не мешал ему: возвращаться...

-- Будет, обязательно будет, -- обнимая мальчишку, Генрих Францевич переводил тему разговора (большей частью - своих размышлений) в другое русло.

Помимо подобных бесед (с превалирующей философской подоплекой), Генрих Францевич все чаще рассказывал мальчику о старой, дореволюционной России. О жизни на, когда-то, своей родине - в Польше...

Генерал научил Алешу разбираться в живописи - (специально ездил с ним в Москву и Ленинград, в - музеи); в литературе - (даже в почтенном возрасте - Генрих Францевич по памяти цитировал русских и зарубежных классиков); сельскому хозяйству - (которое изучил настолько, что, бывало, не раз консультировал приезжавших к нему районных агрономов).

Именно благодаря деду Алеша рос думающим мальчиком; привыкшим анализировать прошлое, и планировать - будущее.

-- Помни,-- людям никогда не нужна настоящая правда, -- учил Генрих Францевич. - Мир настолько иллюзорен, что одно и то же событие можно увидеть в разных плоскостях. А, раз так, всегда допускай мысль, что другой человек хотел бы увидеть это же самое событие - быть может, в менее прозаическом свете, чем видишь ты. А

потому - не иди напролом, отстаивая свою точку зрения. Она у тебя обязательно должна быть. Причем,-- на самом деле - своя; отличная от других. Ты должен уметь абстрагироваться от толпы. Но будет огромной ошибкой, если ты то же самое, что видишь сам, будешь доказывать остальным. Допускай небольшое снисхождение им. И тогда - тебя будут любить. Ведь любому человеку приятно услышать что-то приятное. Человек всегда будет обманывать себе подобных. Также, как и любит обманываться сам. Так предоставь же ему такую возможность. И увидишь, -- обретишь в его лице скорее друга, нежели врага...

- Но помни, ты должен сразу чувствовать сильных, сильных: или духом и умом, людей. И если с ними ты поведешь себя подобным образом, то, скорее всего, навсегда потеряешь их. Не допускай подобных ошибок. С такими людьми всегда разговаривай на равных. Хотя, -- на миг задумался, видимо, что-то вспомнив, Генрих Францевич. - Даже таким людям легкая лесть никогда не помешает. Этим ты только еще больше расположишь их к себе.

-- Жизнь - это постоянное решение психологических задач, -- заметил бывший генерал. - И ты должен научиться хорошо их разгадывать. Нет, пожалуй, ничего важнее, чем психология межличностных отношений. Запомни это. И с каждым прожитым днем, месяцем, годом - только приумножай свои знания; знания, не только полученные из учебников, но и знания - из самой жизни. А потому,-- смотри, наблюдай, запоминай... Следи за поведением людей в различных ситуациях; как они реагируют на то, или иное событие; сопоставляй (полученные) данные; сам замечай - ошибки; исправляй их.. И тогда перед тобой откроются такие просторы подсознания, разрушатся границы, воздвигаемые людьми - между собой... И останется только благодарить судьбу,-- что позволила она тебе жить... да пользоваться - благами ее...

Кстати, выдав дочерей замуж, Генрих Францевич действительно обезопасил себя... Никто,-- не только из возможных завистников-односельчан, но - и из представителей власти,-- не пытался вмешиваться в судьбу бывшего генерала. И, какой-то мере, меры, предпринятые им,-- были действительно оправданными. И в то время, когда (в соответствии с общими "веяниями" в стране) на имя председателя колхоза (равно как и многих его начальников) поступали десятки анонимок,-- бывшего генерала - репрессии обходили стороной.

К моменту начала войны - население станицы сократилось на треть. Кто умер от (особенно в тридцатые годы) голода; кто был расстрелян; кто сослан на Север... Будучи и без того "бывшими ссыльными", и, в ответ на произвол, колхозники (уже, насколько я знал, годах - в пятидесятых) - подняли бунт. Но, времена изменились. И, -- продержав "зачинщиков" (среди которых оказался и отец моего отца) в городских казематах, отпустили. Без каких-либо последствий - для них.

Но в середине тридцатых - о подобном можно было только мечтать. И потому, те, кому удалось выжить - только через много лет вернулись (после амнистии 53-го) в родную станицу.

Но это уже было намного позже. А пока - в нашем повествовании только подступали сороковые. И у каждого из семейства Райха, Смеховых и Снегиревых (новая фамилия по мужу Анастасии) - были свои, порой отличные друг от друга, планы.

ГЛАВА 8

В 1924 году умер так до конца и не оправившийся от пуль эссерки Каплан Ульянов-Ленин. Начавшийся в стране траур не только совпал с консолидацией власти в руках одного человека, но и - с неожиданным выдвижением Павла Романовича Крупинина. Он стал членом ЦК. Курировал - одно из подразделений министерства иностранных дел. Побывал в Германии, в Берлине. После чего,-- (на одном из закрытых заседаний ЦК),-- высказал мнение о том, что рядовые немцы нуждаются в сильной власти. И если сейчас там провести революцию, то Советский Союз, мол, вполне может пополниться еще одной республикой. А значит,-- следовало не терять времени, и провести в Германии тоже самое, что в России в 17-м...

Убежденно высказывая свое мнение,-- Павел Романович настолько увлекся, что не замечал, как недоуменно переглядывались коллеги. А кто-то из них - не смог сдержать и ехидную улыбочку. И только потом, когда слово взял один из его недоброжелателей, и выступил с обличительной речью в адрес Крупинина, ("совсем не понявшего,-- по его словам,-- за чем его посылала партия за границу"),- - с Павла Романовича как будто разом спала пелена. И он впервые тогда узнал,-- что у него есть враги.

Однако, никаких "резолуций" в адрес Павла Романовича не последовало. Как не последовало и после - когда, вернувшись из Англии, он категорично заявил, что никакой компартии там не было и нет (несмотря на робкие заверения английских товарищей); да и вообще, мол, Англия такая страна, что не допустит ничего подобного. И, кроме как дальнейшего развития капитализма, от нее ничего другого ожидать не приходится.

Но когда подобное он повторил и по поводу остальных европейских стран, -- то его, недолго думая, (а шел уже тридцать седьмой), -- признали виновным в нарушении сразу нескольких пунктов (классической в тот период) - 58-й статьи (измена родине); и он получил такой же "классический" (на тот период) приговор: десять лет без права переписки. Что означало - смерть.

Но вот что было интересно. Его жена, Роза, еще за полгода до ареста мужа (словно предчувствуя) развелась с ним, забрав сына (Павла) и перебравшись к сыну директора той музыкальной школы, где она работала преподавателем музыки по классу фортепиано (новый муж был всего на пять лет старше ее двадцатидвухлетнего сына; самой Розе Вартейн - она обратно взяла девичью фамилию - было тридцать девять).

Подобную связь мало кто не одобрил. Подруги - откровенно завидовали. Новоиспеченный свекор (сам имевший на нее виды) - сначала хотел (с позором!) выгнать любвеобильную учительницу. Потом, -- опасаясь, что это может пагубно сказаться на репутации гимназии, -- просто добился перевода Розы Генриховны в другую школу. Сам же Крупинин - сделал вид, что не заметил предательства некогда любимой (и любимой по-прежнему) жены. В душе понимая, что рано или поздно тучи над его головой сгустятся настолько, что будет слишком неоправданным подвергать риску семью (зная не понаслышке цену Сталинскому утверждению: "Сын за отца не отвечает"). Так что вполне возможно, что подобный вариант поворота в семейных отношениях, -- рассматривался им: как нечто необходимое.

Причем, вполне возможно, это делалось и ради сына. Которого он очень любил. И который, -- невероятным образом походил на него: такой же - честный, смелый, бескомпромиссный; как и он когда-то - рубил правду-матку, -- и не признавал любого решения, кроме своего.

-- У тебя будет большое будущее, -- уверенно произнес Крупинин, когда после долгого (прощального) разговора с супругой -

---

встретился с сыном. - Единственное, о чем тебе стоит подумать,-- многозначительно посмотрел отец на сына,-- так это о том, чтобы не быть поспешным в своих решениях. Понимаешь, -- вздохнул Крупинин,-- большинству из окружающих - не очень-то нужна твоя правда. Необходимо, - сам я о том понял слишком поздно,-- учиться хоть какой-то, но дипломатии. К тому же,-- вспомни... (он назвал одного из общих знакомых),-- иногда можно так разбавить фразу, что и смысл ее - покажется не так горек - как мог бы. И это тоже искусство...

-- Но ведь тогда может вообще измениться смысл, -- пробовал возразить мальчик. -- И уже наверняка - не будет нести собой разрушительную силу...

-- А ты считаешь, что все, что должен говорить: должно разрушать? - внимательно посмотрел на него отец. - Неужели на твой взгляд мир так плох, что его необходимо постоянно переделывать?

-- Ну, во-первых, не переделывать, а совершенствовать, -- заметил сын, привыкший отстаивать свою точку зрения. - А, во-вторых, если я замечаю

что-либо хорошее, так я просто ничего не говорю по этому поводу. Предоставляя право - высказаться другим.

-- Более лирически настроенные? - усмехнулся Крупинин, не без удовольствия отмечая в сыне свои черты.

-- Ну да,-- кивнул молодой человек.

-- В таком случае ты понимаешь, -- что должен балансировать по лезвию бритвы, -- посмотрел на сына Крупинин. - Общество не любит подобных тебе.

-- Да к черту это продажное общество! - с юношеской горячностью воскликнул сын. - Пусть оно,-- подстраивается под меня. А не я под него!

-- Эх, -- С сомнением покачал головой Крупинин. Подумав о том,-- выживут ли они вообще с подобной (жизненной) философией. И уже ничего не сказал. И до самого своего ареста - они уже не касались этой темы.

Справедливость отцовских слов Павел поймет позже. Когда (неожиданно для него,-- конечно же: он нисколько не поверит в этот бред) ему сообщат,-- что отец арестован, обвиняясь в измене Родине: шпионаж в пользу иностранных разведок.

Вот тогда Павлу впервые и пришлось задуматься: над соотношением правды и лжи в обществе. По всему выходило, что правду не любили. И, -- как оказалось, -- за нее могли посадить.

(То, что за это еще и расстреливали, -- Павел узнает только в пятьдесят третьем году, на XX съезде партии (тогда он был делегатом).

А еще через время - Павел Павлович Крупинин получил документ, из которого следовало, что расстрелянный в 1938 году его отец, Павел Романович Крупинин, был невиновен. Что и подтверждал - выданный ему: акт реабилитации.

Но это будет через шестнадцать лет. А тогда, в тридцать седьмом, сын лишь недоуменно посмотрел на отца. И они попрощались, оставшись при своем мнении.

ГЛАВА 9

-- Нет, все же, как не крути, но время сейчас самое, что ни есть, нужное, -- слегка опьянев, откровенничал Снеговичин, сидя за столиком ресторана "Арагви" и выразительно посматривая на Марту, спутницу своего собеседника Николая Кузьмича. Николай Кузьмич, цветущий, немного полноватый мужчина в расцвете сил, работал в министерстве иностранных дел и, по крайней мере, внешне, -- весьма и весьма напоминал самого Ивана Сергеевича. У них даже манеры были схожи. Эдакие, -- два удельных князька, дорвавшиеся до власти.

-- И я такого же мнения, -- вторил Снеговичину Николай Кузьмич, поймав не себе томный взгляд Варвары - спутницы Ивана Сергеевича. Они даже в этом оказались похожи. Условившись о встрече, привели с собой не жен, а любовниц (хотя принципиальной договоренности об этом не было). Да и любовницы были настолько одинаковы, что отличались только цветом волос: желто-рыжая -- у Николая Кузьмича; красно-рыжая - у Ивана Сергеевича.

-- Ну, как считаете, девочки, -- вопрошал, окидывая их взглядом сластолюбца, Николай Кузьмич (фамилия-то была у него какая-то странная: Мазуркевич). - Кто сегодня выиграет в "американку"?

По заведенной традиции, встречаясь раз в неделю в ресторане,-- мужчины ужинали, кормили приведенных с собой любовниц, играли в бильярд, и шли "в номера".

Девицам было все равно. В игре они не принимали никакого участия. Лишь молча взирали на происходящее сражение, потягивая какой-нибудь легкоалкогольный напиток, да вполголоса перешептываясь. Они знали, что скоро мужчины напьются. И будут играть "на них". Победитель выбирает спутницу на ночь. Проигравшему, впрочем, достается другая.

-- Ну, что притихли, - полушутя-полусерьезно прикрикнул на них Николай Кузьмич. (Глядя на него, всегда трудно заметить, какой он на самом деле. Казалось, блуждающая улыбочка не сходила с его лица даже, когда он спал. А по-рыбьи выпученные глаза - только еще больше бивали с толку своим безразлично-нейтральным,-- и абсолютно невыразительным,-- взглядом). - Делайте ваши прогнозы.

-- Иван Сергеевич, -- сказала Марта.

-- Николай Кузьмич, -- сказала Варвара.

-- Ну, это совсем не интересно, -- проканючил Мазуркевич.

-- Ну что ты, девочки поступили вполне дипломатично, -- вступился за них Снеговишин. - Пойдем-ка лучше поиграем, да сами все выясним, -- улыбаясь, предложил он, начав подниматься.

-- Пойдем, -- согласился Николай Кузьмич. - Девочки, занимайте места, -- все в том же полушутливом - полусерьезном тоне произнес он, посмотрев на начавших подниматься девочек.

(Вообще-то, ни Марта, ни Варвара уже давно не помнили, когда они были девочками. И даже не потому, что это было давно,--вроде и лет-то им было не так много,-- а просто как-то вытеснилось это из памяти; быть может - из-за большого количества мужчин; ну и на самом деле - считать - их, что ли?..).

-- Ну что, значит, получается, наша внутренняя политика дает значительный крен в сторону либерализма? - произнес Николай Кузьмич, поставив бокал на стол и, прицеливаясь кием. - Или ты считаешь, что это временные меры? А значит - не надолго?!

-- Ну, как я могу так считать? - словно бы шутя - пристыдил товарища Снеговишин. - Ведь я тоже, как-никак, вхожу в правительство. И кому как не мне,-- улыбнулся он, видя как внимательно смотрит Мазуркевич,-- верить, что новое время пришло

всерьез и надолго. По крайней мере, пока я не слышал прогнозов в длительности НЭПа... Да, впрочем, может ли быть иначе?..

-- Не знаю, не знаю, -- словно раздумывая, покачал головой Мазуркевич. - На мой взгляд: ситуация несколько иная.

-- Может, не туда смотришь,-- улыбнулся Снеговишин.

-- Может быть, -- решил не вступать в полемику Мазуркевич.

...Мужчины поиграли еще какое-то время. В этот раз победил Снеговишин. Он выбрал Варвару. Марта ушла с Николаем Кузьмичом.

ГЛАВА 10

-- Проходи, проходи, -- улыбаясь, встал на встречу заглянувшему к нему в избу (и шуро озирававшемуся со свету) Смехову - Генрих Францевич. - Сейчас чайку заварим, -- ободрительно добавил он (видя как еще по привычке ежится городской начальник), закрывая дверь.

-- Бьюга, что-то, разгулялась не на шутку,-- словно оправдываясь, произнес Смехов.

Стоял февраль. По традиции - время морозов. Но, быть может, было бы и не так холодно,-- если бы не сильный ветер, который с ожесточением разбрасывал хлопья снега, ведя прицельный обстрел по всему, что попадалось на пути: избам, деревьям, людям...

-- Должно быть, серьезное дело привело в столь поздний час (девять часов для станицы - глухая ночь),-- подумал Генрих Францевич, помогая Смехову раздеться, и не торопя с расспросами второго секретаря обкома,-- а теперь, по сути, родственника; свата.

Смехов,-- так же как и сын с невесткой (дочкой Райха), жили в краевом центре. То есть, как ни крути - верст 300,-- прикидывал генерал...

-- А я к тебе по важному делу, -- подтвердил возникшее предположения у Генриха Францевича -- Смехов, дождавшись, пока генерал поставит самовар, да разложит нехитрую еду: хлеб, сало, картофель, лук, свиной окорок... Спohватившись,-- достанет

поллитровку, да малосольные огурцы... (Извозчика,-- Смехов приехал на санях,-- Райх отвел в отдельный домик, для гостей, показав как затопить, и отнеся ему: крынку молока, шмат сала, хлеб, картофель, несколько луковиц...).

-- По всему видать, война будет скоро, -- произнес Смехов, выпивая поднесенную генералом рюмку. - Да и по городу поползли слухи,-- добавил он, закусывая.-- Конечно, мы пресекаем сплетни, нор,-- по всей видимости,-- война с Германией неизбежна.

-- А как же пакт о ненападении?! - спросил Генрих Францевич больше для того, чтобы показать, что не совсем они тут отстали в глуши. Бывший генерал и сам понимал, что война будет. Но еще надеялся, что советское правительство сможет как-то разрядить обстановку.

-- Да, - махнул рукой Смехов, -- это все больше для того, чтобы отдалить неизбежное. Слишком у Гитлера наполеоновские планы, чтобы остановиться на Польше, Англии да других европейских странах. Ему нужен весь мир. Еще, гляди, и Америку втянет, -- горько усмехнулся Василий Васильевич.

Райх тяжело вздохнул, посмотрев на Смехова. Тот, проголодавшись с дороги, с удовольствием расправлялся с поданным явством.

-- И когда... начало?... - с трудом проговорил Райх.

-- Я думаю, уже к весне, -- заметил Смехов.

-- Тогда уже скорее к лету, -- задумчиво произнес Генрих Францевич.

-- К лету? - переспросил Смехов. - Почему к лету?

-- Весной будет сильная грязь. Дороги размочет, -- пояснил Райх. - Ведь это не асфальт Запада, по которому маршируют фашисты.

-- Да-а-а, - протянул, несколько озадаченный, Смехов. - Впрочем,-- спохватился он о цели своего приезда,-- я предлагаю уже сейчас, не дожидаясь начала интервенции,-- перевезти детей и внуков куда-нибудь подальше. Не в Москву,-- у Гитлера будет задача захватить именно ее. А куда-нибудь в Азию. Например, в Ташкент. Там тепло, много фруктов. Детишкам будет раздолье. Да и от границы подальше...

ГЛАВА 11

В данном случае, по всей видимости, пора внести кое-какие коррективы. И,-- попробовать несколько подытожить уже известные факты.

Где-то, году в 1960,-- сын Анастасии и внук Генриха Францевича - Алексей - сочетался законным браком (тому предшествовали несколько лет дружбы и ухаживаний) с Аллой - дочерью Людмилы Крупининой (в девичестве - Снеговишиной) и Павла Крупинина. Через два года у них родилась дочка - Алена (моя сестра), потом сын - Алекс (я), и в 1969 году еще один сын - Артем (мой брат).

Из-за того, что из всех детей нашей бабки Анастасии выжил лишь один (наш отец - Алексей), то у нас не было двоюродных братьев.

Иная ситуация была у нашей двоюродной бабки - Елизавете. У нее был сын и дочь. Сын - Юрий. Мой дядя. Дядя Юрий, несмотря на десятилетнюю разницу с моим отцом,-- был невероятно с ним дружен. В 1947 году, дядя сочетался браком с невестой, Анжелой. У них родились два сына (мои троюродные братья): Андрей и (через пять лет - в 1953 году) Филипп. Дочь бабки Елизаветы, Марина, вышла замуж за некоего Рудольфом (о котором мне было мало что известно). В 1958 году от этого брака родилась моя троюродная сестра - Инесса.

Что до дяди моего отца - Ярослава, то, как мне было известно, он стал священником. И не только он, но и его сын - Михаил (рожденный в 1933 году от брака с Валентиной, дочерью главного инженера колхоза). В 1957 году, Михаил сочетался браком с некой Евгенией Григорьевной Мишаниной. А, в 1959 году, у них родился Михаил. Мой троюродный брат.

Однако, так случилось, что, переехав в Ленинград, я, в какой-то мере, (вынужденно... вынужденно...) отдалился от своих многочисленных родственников.

Да и, признаться, работа,-- (а все время я отдавал науке),-- нисколько и не располагала к контактам. (Контакты предполагают поездки. Что для меня,-- кабинетного ученого,-- заранее исключалось). А потому,-- связь с родственниками была утеряна.

Но я, по крайней мере, знал, что они у меня есть. Правда, совсем ничего не знал об их жизни. Но, опять же, был всегда уверен, что (при случае) ситуацию можно исправить...

ЧАСТЬ 4

ГЛАВА 1

Удивительное дело: вспоминая детство, я в который раз убеждался, что моя жизнь могла пойти по другому пути. И, скорее всего, так бы и произошло,-- если бы в качестве книжного героя (на которого волей-неволей проецировалась, подстраиваясь под него, собственная жизнь) был бы выбран... скажем... кто-нибудь из героев Кафки (а то и он сам)...

Вот ведь какая ситуация!?. И это действительно, по всей видимости, было бы так. По крайней мере,-- мне бы (больше) не пришлось играть. Я был бы (с тех пор) самим собой. А так... Ношу я маску... И снимать - не собираюсь ее...

Сейчас уже трудно предположить, какой бы силы был взрыв от появления в жизни Алекса Райха (сугубо, стоит заметить, книжного ребенка) австрийского гения?.. Но для мальчика, жадно выхватывавшего из литературных произведений примеры для подражания... вряд ли, подобное бы, прошло бесследно?.. И это я говорю на основании того, что и сейчас, в зрелые годы, я до сих пор уверен,-- что Франц Кафка - мое второе "Я". И, именно в Кафке, я увидел себя таким, каким бы мог быть. Если бы не стал "подстраиваться" под окружающий мир. Если мог не только признать за собой внутреннюю скованность и общую "ущербность",-- но и гордо шествовать с ней по жизни. Заставляя других,-- приспособливаться к тебе. А не наоборот. Испугавшись,-- что "заклюют".

А тогда - в детстве - мне приходилось подстраиваться под окружающих.

И должны были пройти годы, прежде, чем я с ужасом осознал: а под кого я, собственно говоря, подстраивался?!..

Но чтобы осознать подобное,-- я должен был - стать старше. Подойти к тому возрасту (и, прежде всего, к тому уровню знаний), когда я мог быть уверен,-- что тебя не прервут. Не остановят,-- сославшись на малолетство. И, проанализировав,-- ужаснулся: кого я, собственно говоря, слушал?!.. На кого я ориентировался в своих поступках, желаниях, несовершенных действиях?!.. Кто были те люди, которые и составляли "общество", окружавшее меня?!.. Мелкие, ничтожные, завистливые людишки!.. С которыми теперь,-- и не общаюсь я...

Слишком глубока пропасть,-- разделяющая нас...

И, быть может, потому,-- родился в душе моей,-- протест... И, быть может,

в этом,-- и следует искать причину,-- отчего (еще в школьные годы) стремился противопоставлять я себя - толпе...

Я делал все, что угодно, - только не то, что делали они... И был... один...

Но лучше быть одному,-- чем с ними... с теми... с кем попало...

ГЛАВА 2

В школьные годы я часто, помнится, размышлял о способности людей сосредотачивать в себе энциклопедические знания... На мой взгляд,-- у нынешнего поколения (с развитием телевидения и интернета) подобных возможностей значительно больше.

Нет, конечно, и в те годы были, своего рода, уникамы. Я хорошо помню своего школьного друга - Сашу Николенко. Уже в школе,-- он решал математические задачи по программе аспирантуры. И наизусть мог процитировать любую книгу, которую прочитал.

Но что до меня, то я никогда не стремился - знать: все. И к концу, той же школы, я уже твердо знал,-- чем буду,-- а чем никогда не буду заниматься. Причем, возник даже, своего рода, протест - в изучении "ненужных" для меня предметов. Предметов - не гуманитарного профиля. И дошел "этот протест" до того, что я перестал посещать какие-либо занятия,-- кроме: литературы, истории и т. п. (делая, отчего-то, исключение для химии). Тем самым,-- здорово

настроил против себя добрую часть учителей (по "нелюбимым" предметам). Которые, впрочем, "приняли правила игры" - находясь под действием "уговоров" другой части - которым я неизменно приносил первые места на школьных олимпиадах.

В конце-концов, "конфликт" дошел до той стадии, когда потребовалось вмешательство директора (учителя физики). И он своим приказом,-- в качестве исключения,--... махнул на меня рукой...

ГЛАВА 3

Когда я начал писать?.. Как это (первый раз) произошло?..

Вероятно, - первые наброски - относились к началу восьмидесятых годов.

Но это было ничто,-- в сравнении с тем, что случилось лет через десять. По всей видимости,-- те десять лет вполне можно назвать... периодом ученичества... Потому как,--только позже я осознал (это чувство пришло, как-будто, само собой; но, появившись, - уже не отпускало), что (вроде как) - и не писать-то: уже не могу... И только день-два был *гарантирован* "перерыв". А потом, (после "вынужденного" затишья),-- набрасывался я на работу. Стремясь компенсировать потерянное время. Излить (бушующие в голове) мысли на бумагу. И только потом,-- успокаивался. И жил дальше. Как ни в чем ни бывало.

Но проходило время (день, два...),-- и все повторялось.

Первое время, (когда я только открыл в себе подобные способности),-- я работал как ополоумевший. За небольшой период были написаны несколько романов. Потом,-- еще столько же. А ведь была еще и научная работа. Лекции в институте (в котором я состоял в должности замдекана). Ежедневное прочитывание огромного количества художественного и научного текста. Работ студентов. Да и еще - изучения языков (к знанию немецкого и английского,-- я собирался прибавить французский и испанский).

И все же, на первом месте, конечно же, была литература. Это то, что я чувствовал в себе филогенетически. То, что было дано от

природы. То, что я понимал без какого-то специального обучения (хотя до сих пор уверен, что научиться этому невозможно).

Интересно, но мне кажется, что людям, которые не пишут (то есть, не испытали чувства, которое появляется при возможности подобного), будет, пожалуй, и вовсе не понятно: как подобное возможно.

Нет, нет,-- речь не идет о каком-то там "избранничестве". Каждому что-то дано от природы. Что-то свое. Другой вопрос, когда человек это "что-то" сможет (в себе) определить. Найти. Когда он поймет, что у него есть: "это"... Осознавая при этом (вполне желательно, чтобы было именно так),-- что у другого человека: тоже что-то есть. Но - другое.

Что до меня,-- то я никогда не искал в себе ничего подобного. Все произошло

(как будто) само собой. В итоге, моя любовь к литературе переросла в собственное творчество. А (порой) маниакальная страсть к знаниям - к созданию нескольких монографий, учебников, и... диссертационных работ. По психологии и филологии. (Был еще ряд трудов по философии).

С этими дисциплинами (без какого либо дискомфорта граничащими с собственным художественным творчеством) я не только прошел свое тридцати-, -- но и - сорокалетие. Задумавшись: а не прибавить ли... что-либо еще?..

И осознал я, что для духовного роста,-- просто необходимо заставить себя перешагнуть невидимую грань, (взобравшись на следующую ступеньку), отделявшую нас от прошлого. Отделявшую нас: "от себя прежнего". От того человека, в сознание которого - никак не могло вместиться "осознание себя - другим". И это была, по всей видимости, наипервейшая задача. Уйти от себя - одного... И прийти - к себе - другому...

ГЛАВА 4

Из воспоминаний детства.

-- Я вас учу быть честными и порядочными,-- порядочными и честными,-- наставляла нас мама, в ответ, вероятно, на показавшееся ей какое-то безобразие со стороны кого-то из нас. Тогда мы впервые приехали в Москву. Мы - пятилетний Артем, двенадцатилетняя Алена,-- и десятилетний я. И... наша мама. Маму звали Алла Павловна. Была она вполне среднего (для женщины) роста. Слегка,--быть может,-- полноватая; с белыми, длинными, (всегда развевающимися,-- как помнил,-- на ветру) волосами; лицом,-- сочетающим невероятную красоту,-- и умный, серьезный взгляд; это была женщина, имеющая математический, (со страстью к логическим умозаключениям), склад ума и мужской: властный, жесткий, волевой - характер.

Тогда, помнится, мы только вернулись с традиционной для приезжих культурной программы. Вечерело. И было невероятно тепло (для апреля,-- по моему?!). Все вчетвером мы расположилась на лавочке, неподалеку от входа в гостиницу, где в двухкомнатном номере остановились. (Отец,-- Алексей Леонидович,-- остался в Краснодаре. У него подходила защита докторской, и он не хотел неожиданностей).

-- А если я не хочу быть честным? - наивно спросил Артем, голубоглазый крепыш, смерив присутствующих,-- (мол, вот я какой!),-- гордым взглядом.

-- Значит, будешь наказан! - ответила мать. (Мама предпочитала держать нас в строгости. Вращивая - порядок, чинопочитание, и прочую армейскую лабуду, которой, не знаю где, она набралась сама. Но еще удивительнее было то, что, - все детство сопротивлявшись "подобным методам воспитания",-- я, когда вырос, тоже стал использовать их).

Тогда, должно быть, Артем, (сообразив), тотчас же стал уверять маму - в своей честности и открытости по отношению к ней. За что, должно быть, был как-то наказан (хотя бы страхом возможного наказания). Мама не любила фальши. И невероятно быстро - распознавала ее у других.

Что еще отложилось в памяти?.. Алена, невероятно высокая, (хотя я был почти одного роста с ней), крепкая,-- (не в пример моей худобе), - с гривой красно-рыжих волос, лучезарной улыбкой, и умными - (в мать) - глазами,-- подскочила, начав прыгать, на одной ноге, (другую,-- поджав и придерживая рукой), вокруг нашей лавочки, приговаривая то ли частушку, то ли напевая песенку. Изумленная,

---

было, таким поведением мама уже готова была присмирить разошедшееся чадо. Как... отчего-то расплылась в улыбке.

-- Вот так новость?! - подумал я. -- За мамой такого, вроде как, не водилось?!. И только тут я заметил, как вырывается из моей руки Артем, которого я - не знаю почему - крепко держал (когда взял-то?). Все разрешалось невероятно просто. К нам приближался, (согнувшись чуть ли не пополам и растопырив руки - вероятно, сей жест должен был означать приветствие), дядя Юра, двоюродный брат отца, профессор права, который уже лет тридцать как жил в Москве и который, вероятно, зная о нашем приезде, пришел нас навестить.

-- Об этом не может быть и речи, - вслушался я в разговор. О чем шла речь, уже вскоре догадался, потому как,-- из гостиницы - перебрались мы в пятикомнатную квартиру дяди Юры. (Кстати, история с гостиницей - вполне в духе нашей мамы. Она никогда не любила быть кому-то обязанной. Предпочитая надеяться только на себя).

Вероятно, к тому же временному периоду моей жизни стоит отнести знакомство с детьми дяди Юры: Андреем (на шестнадцать лет старше меня) и Филиппом (на одиннадцать).

Что, помню, меня тогда удивило (совсем по-другому я смотрел на это, когда сам стал старше), это то, что и Андрей и Филипп, (несмотря на возраст), жили с родителями.

Жена дяди Юры -- тетя Анжела, (наверное, такого же возраста, как и дядя Юра. Позже - моя догадка подтвердилась), оказалась еще приветливее, чем невероятно радушный дядя Юра. В оставшиеся пять дней (до нашего отъезда) они, вероятно, решили показать нам весь город. И столько впечатлений,-- я, помнится, долго с тех пор не получал. (Хотя, конечно, следовало учитывать психику провинциального десятилетнего мальчика).

Примерно тогда же (по-моему, за день до нашего отъезда) из Салехарда (там они, по моему, жили) приехала в Москву (к брату) его родная сестра (тетя Марина) с мужем (дядей Рудольфом) и дочкой - Инессой. В ее дочь я тотчас же влюбился. Она была на шесть лет старше меня. И, вероятно, с тех пор - я всегда испытывал какое-то трепетное чувство к женщинам старше меня.

Заметив мое чувство,-- дядя Юра (как бы, между прочим) заметил, что на его взгляд иной раз грустно, что браки между сестрами и братьями запрещены. Тогда же я и узнал, что Инесса и я - брат и сестра. Троюродные. И, вероятно, как-то пытался "опротестовать" необъяснимое мне тогда решение. Но так вышло,-- мы должны были уезжать. И, как вроде бы, все вскоре забылось.

О том, что мое чувство было взаимным - случайно узнал я через пятнадцать лет. Когда (случайно) встретил Инессу на вокзале в Санкт-Петербурге (где, должно быть, кого-то встречал).

Сейчас уже не помню, удалось ли кого мне встретить? Но вот что было точно - я встретил Инессу. И, из той недели, которую ей отвели на командировку,-- на саму работу она потратила от силы несколько часов. Все остальное время,-- провели мы,-- не вылезая из постели. И, по всей видимости, Инесса бы и вообще осталась. Но перевесили какие-то нелепые обязательства перед семьей (прежде всего перед мужем). Так что,-- прав был когда-то дядя Юра: наш брак был действительно невозможен.

Инессу я больше не видел. И только много позже я узнал (по какой-то негласной договоренности) скрываемую от меня правду. Через неделю по возвращении из командировки, Инесса разбилась. Якобы, выпав из окна восьмого этажа, когда вешала белье.

Не знаю. Я в это не верил. Тем более после того, как узнал, что в квартире (в то время) был муж. А сразу после возвращения с командировки, как оказалось, с мужем начались скандалы. И, как будто бы, даже заходила речь о разводе. (Должно быть, не обошлось и без травли родственниками, которые каким-то образом узнали о нашей встрече в Питере. И уже отсюда, становилось понятным желание их - скрыть от меня: смерть Инессы. Точнее - ее убийство)...

ГЛАВА 5

Должно быть, все таки, мне не следовало вмешивать в мои отношения с *этим* миром своих родственников. Понять самого себя -- они не помогут (вряд ли нужны здесь какие помощники?). А вот

запутать -- историю взаимоотношений с этим самым миром -- могут окончательно.

До недавнего времени я это не понимал ("не допонимал", -- как говорила мама). Но с недавних пор... с каких-то пор - я уже, как вроде, и не нуждался в "помощниках".

Иной раз удивляюсь: как бы пошла моя жизнь, реши я сделать ставку не на того "себя" (что в итоге получилось),-- а дав волю: себе - другому. Тому, которого я (ценой невероятных усилий) все время загонял куда-то вглубь (себя). Тому,-- которым я: становлюсь... лишь на время; на миг; (быть может) только когда устаю скрывать истинное "Я"; и тогда оно выходит (подобный выход больше напоминает выход пробки из-под "расстрессенного" шампанского),-- а я удивляюсь: каково!.. (И тотчас себя спрашиваю: неужели это я? Неужели - такой я - на самом деле?..

В последнее время мне действительно становится любопытно: как бы пошла моя жизнь: если бы тогда, (в детстве),-- поменял бы я местами два своих "Я"? (Или,-- в этом случае,-- тогда бы это уже было одно?!). Я извлекал из (таивших в себе необычайные сокровища) глубин подсознания все то, что, тем или иным образом, могло приблизить меня к пониманию. И через какое-то время результат (более-менее, сносный результат) появился. А прошел еще (незначительный) период,-- и я уже начал испытывать (невероятное) блаженство от единения со своим "Я". (Вернее, в какой-то момент я почувствовал, что все мои "Я" слились воедино. И мне ничего не оставалось,-- как признать, что почти не осталось никаких тайн от себя).

ГЛАВА 6

Порой мне кажется, что вроде бы я -- и не был маленьким. Но тогда... не мог же я сразу стать... Что больше в этих мыслях: предположения, желания, или, быть может... констатации (взаимоисключающих друг друга) фактов?.. Но вот что прослеживается более-менее четко,-- так это одно обстоятельство, которое я скрыть, вроде как, никогда и не пытался. И уже на самом

деле - тревожит меня: что прошлое (и в какой-то мере - детство; хотя прошлое - не обязательно детство) безвозвратно потеряно. И куда-то пропадает тот мостик, по которому я всегда мог возвращаться назад...

Для чего мне нужно это сейчас?! И нужно ли?!

Но оказалось,-- что это: почти единственное: чего я - желаю. Единственное,-- что я: жду.

Всю свою молодость (молодость - как некое время, следующее сразу после детства) я жил как бы авансом. Убеждая себя,-- что, мол, ничего, что я сейчас *такой*. Все непременно: возместится. Когда - стану старше. (Как говорится, существует время: разбрасывать камни. И наступает время,-- когда их надо собирать).

Но так случилось (и такого не мог предположить), что, когда подошел период (воображаемый период воображаемого сбора...) - оказалось: что, вроде как, и собирать-то: *ничего*. А если и есть - то (вовсе даже) *не надо*. А если *надо* - то... и *некуда*...

И вышло так, что у своих родителей - я только "брал". Откладывая "отдачу" -- *на потом*. И вдруг... родителей - не стало. Обоих. Разом. И получилось,-- что все то, что накапливалось во мне (собираясь вылиться в некий "рай" для них)... осталось не востребованным... Вся та доброта и нежность, что я по каким-то (неосознанным) причинам утаивал - (теперь) стало некому не нужным. Ведь и другим я ее отдать не могу... Она предназначалась... только им!..

Вообще, та автокатастрофа послужила неким Рубиконом, (невероятным образом)... изменившим меня. И уже после... я совсем не могу... быть другим. Да даже и не помню... каким я... был...

И что мне теперь остается?... Да и должно ли: оставаться... что-то?..

Отчего-то кажется,-- что нет...

Хотя, быть может,-- и стоит (продолжать) жить... дальше... Но вот только: нужно ли это мне?.. Вопрос...

ГЛАВА 7

Мне всегда нравилось одиночество. Это было почти единственное, что мне нравилось в этой жизни. Хотя бы потому,-- что это -- была единственная возможность: пообщаться с собой. Остаться наедине - с собственными -- мыслями...

Всегда (детство, отрочество, юность...) я подспудно тянулся к одиночеству. Быть может - и находил его.

И если кто в какой-то момент оказывался рядом... то он (словно бы: осознавая свою ненужность и "*не званность*") -- уходил.

И тогда я снова оставался один. Нисколько не сожалел об этом. И считая,-- что так и должно... быть. Ведь если я не стремился навязывать себя обществу,-- то (значит),-- и общество - не должно было требовать: моего участия - в жизни своей.

И тогда я мог петь гимны одиночеству. Возводя его - в самый высокий: статус. И наделяя - любыми полномочиями. Одиночество было необходимо мне. Всегда. Без него я не мог жить. И одиночество - считал я почти единственным составляющим своего успеха. Того,-- что добился я. И то - что будет в будущем: сводилось к роли присутствия (возможности)... одиночества...

ГЛАВА 8

Не знаю, как у вас, но вот у меня бывали случаи, когда что-нибудь такое (нехорошее) возникает, (как будто, ни с того, ни с сего), в твоих мыслях. И не так-то просто - от них отцепиться. А в последнее время такое стало происходить все чаще. И доходит порой до абсурда: только начинается день,-- а ты уже ждешь: что что-то - должно произойти. И притом, что сначала вроде как - появляется только мысль об этом. Вполне, даже, ничего из себя не представляющая мыслишка. Но уже самым внезапным образом эта мысль начинает влиять на настроение. Подчиняя его - себе. И проходит еще незначительное время (время, на которое ты теперь не обращаешь никакого внимания),-- и не можешь ты уже: избавиться (от губительной мысли). И притом, что делаешь попытки - избавиться от нее. Пытаешься

призвать что-то,-- что способно повлиять. Изменить ситуацию. И уже (забегая вперед) скажу - что почти ничего сделать - не удастся. Хотя,-- признать подобное: значит и вовсе: смириться с ситуацией. Признать положение - безнадежным. А этого бы - не хотелось. (Да и неизвестно, на самом деле, что было бы - если: и вовсе не касаться ситуации. Оставив все - как есть).

И уже тогда - любая попытка - ничто иное: как стремление отдалиться от реальности. Притом,-- что, как вроде бы, -- и не особо стремлюсь я к тому. Хотя... иной раз и кажется: а почему бы - и нет?..

ГЛАВА 9

-- А на самом деле -- это свинство! - чуть ли не вскричал Лев Маркович Розенберг, отмеряя тяжелыми вымученными шагами комнату по периметру и обращаясь к своим невидимым оппонентам.

Вот уже полчала как он репетировал "вхождение в образ". На ближайшем ученом совете, (куда он входил), должны были разбирать поведение ректора. Собираясь (по всеобщей договоренности) вынести: вотум недоверия.

Причина - удивительное (прежде всего для Льва Марковича.--он-то и "подбил" остальных) "превращение" некогда известного профессора, доктора наук, членкора,-- в "бизнесмена". Причем ситуация становилась поистине катастрофической. В известном на всю страну Университете (государственном!) - ректор ("игнорируя общественное мнение"),-- не только "сдал в аренду" часть помещений (в которых "шарлатаны" тот час же открыли несколько "коммерческих" кафедр), но и - (опять же, невзирая ни на что) -- "проталкивал" (на защиту) все больше "знакомых", явно "купивших" диссертации.

И первым тревогу стал бить - Розенберг. (Пригласивший - кстати - на планируемое собрание: Алексея Райха. То есть,-- меня. Я же -- присутствовал и на "репетиции").

-- Ну, как?! Тебе нравится? - Лев посмотрел на меня, явно ожидая поддержки.

Мне понравилось. Заготовленные аргументы - "били на повал". А потому я не преминул высказать свое мнение Льву.

-- Надеюсь, ты осознаешь всю ответственность момента? - недоверчиво на меня покосившись (и, словно бы еще оставаясь в роли обличителя), поинтересовался Лев.

Я еще раз заверил друга, что у него абсолютно нет повода для беспокойства. На мой взгляд - и я так действительно считал - все должно было пройти более, чем удачно.

Однако, к тому, что на самом деле произошло - (и почему, собственно говоря, я и вспомнил об эпизоде почти полуторадесятилетней давности) - был, пожалуй, не готов никто.

Вначале,-- все происходило так, как и спрогнозировал Лев. Но все это продолжалось ровно до того момента, как ректору дали "последнее слово". И даже когда тот стал пробираться к лекторскому возвышению,-- никто ничего не ожидал. Но после... ректор признал свою вину. Убежденно заверил присутствующих, что знает как искупить вину. Но знает, к сожалению, только один способ восстановить свое честное имя. После чего поднес к виску пистолет... и застрелился...

Я сидел в тот момент в зале. И потому все происходящее, видел, как будто бы собственными глазами. Но вот описать что произошло после... я, пожалуй бы, не решился.

(Скажу лишь, что инцидент получил резонанс. Почти половина из присутствующих - сменили место работы. Что до Левы, то он принял предложение бывшего однокашника,--и уехал на Украину).

И все же, признаться, конфликт, как смогли, замяли. И сейчас уже мало кто помнит, что подобное вообще было. Да и было ли?

Что до Льва,-- то мне кажется: он так до конца и не оправился от той травмы. Вина в произошедшем -- исключительно себя. Тем более, что оказалось - "вина" ректора была чисто символической. Ибо всеми махинациями (что было обнаружено после проведения официального расследования) заправлял заместитель ректора. А престарелый профессор - просто верил: тому...

(К слову сказать,-- настоящий "виновник" вовсе не признал себя таковым. А даже отправился на повышение. В Москву. Но это уже так...).

ГЛАВА 10

Если бы мне сейчас пришлось подводить итог своей жизни, то, в первую очередь, стоило бы признаться, что всю осознанную жизнь приходилось жить, если можно так выразиться, глобальными противоречиями. Меня буквально разрывали имеющиеся у меня способности (ложная скромность не позволяет называть их талантом). В результате чего - я никак не мог остановиться на чем-то одном (юриспруденция, история, экономика, химия, геология, литература, журналистика, политология, философия, география, биология...). И даже тогда, когда я, (вроде как), и выбрал что-то для себя: попутно занимался и еще и рядом дисциплин.

(К слову сказать, возникающие, было, мысли прекратить столь суровую, как мне казалось, "эзекуцию" для мозга - как-то попробовали претвориться в жизнь. Но подобный эксперимент я тотчас же прекратил: мой мозг, привыкший к столь "безумным" объемам запоминания,-- уже просто не мог иначе).

Но несмотря на (напрашивающуюся) "положительность" предлагаемого вам образа - могу признаться, что: дожив до определенных лет,-- я совершил столько ошибок, что, (должно быть), оставшаяся часть - будет направлена исключительно: на исправление их. Хотя и, признаться, многое уже исправить... невозможно. Приходится жить с ними. Существовать с тем новым положением, создавшимся в результате совершения этих самых ошибок. Это мой рок. Мой крест. И мне действительно (пытался... пытался...) уже никак не исправить подобную ситуацию.

И, должно быть, есть только один позитивный момент во всем случившемся: мое нереализованное счастье сублимировалось в творчество.

(Сублимация - одна из защит психики из глубинной психологии Фрейда. Нереализованное либидо, накапливаясь, (создается что-то вроде накопление психической энергии),-- вытесняется в

подсознание. Оттуда - может вылиться в невроз. А может - в творчество (являясь "идейным вдохновителем" его).

Но что до меня, то в какой-то мере я должен быть даже доволен. Хотя, на самом деле, и все относительно. Но, безусловно, верно то, что для того, чтобы что-то получить, надо чем-то пожертвовать. И вот тогда (в этом случае) все, что происходит (да, вероятно, и будет происходить) со мной, есть некая закономерность. И при этом - что самое главное, если принять подобное положение дел - тогда не следует ничего менять. (Впрочем, многое уже и не изменишь).

И можно сделать вывод: я пишу: -- потому,-- что (в этом случае) -- перевожу свои мысли, (раздирающие меня изнутри),-- на бумагу. (Сублимируя). И только тогда, могу (наконец-то) успокоиться. (Относительно, правда, ненадолго). И этим "успокоением" -- обязан возможности: творить.

ГЛАВА 11

Невероятно трудно представлять, что родителей уже нет. Прошло много лет, а я так и продолжаю жить: с ощущением того,-- что нет их.

Способность памяти - вытесняя негатив,-- хранить (только) позитивную (для индивида) информацию. Это,-- один из законов (возможности; существования) эволюции. Но что касается родителей,-- я помню все. От первых своих шагов, (когда настойчиво пытался отмерить их, и, заваливаясь в стороны, вовремя был подхватываем папой и мамой), и, заканчивая последними днями еще *их* жизни, когда за день до трагедии звонил, желая "доброго пути".

Мне очень недостает родителей. Недостает,-- (казавшейся слишком здоровой) *рассудительности* матери. Умения ее - разложить все: "по полочкам". Докопаться - до сути: возникшей проблемы. Точно так же, как не достает способность отца: (с легкостью) решить любую проблему. При необходимости (действительно, возникавшей иной раз) - послать любого на х...

Перед отцом (никогда!) не существовало "закрытых" дверей. Он входил в любую. Об этой его способности знали все. И, порой, пользовались. Но не упускал *возможности* и он. Продвигаясь по службе.

Быть может, именно этих *способностей* не хватает мне. Потому как, больше времени - нахожусь я, погруженным, вглубь себя. (Тогда

как надо иное). И даже преображаясь "на людях",-- мне все равно ближе некое "отшельничество". И невероятно нравится - когда меня никто не трогает. Наблюдая за всеми - со стороны. Точно также, как предоставлять возможность другим: решать "проблему". Вмешиваясь,- только в последний момент. Да и то, если подошла к тому: действительно причина.

Для меня тяжело писать о прошлом. Ведь, прежде всего, это воспоминания. А воспоминания, по сути, несут двойной (разнонаправленный) заряд. С одной стороны, в памяти освежается прошлое. И все переживается заново. Но уже с другой стороны, знание того, что это уже никогда не повторится... бьет, пожалуй, сильнее любой боли...

И все же я вспоминал. Я вспоминал то, что было, когда родители были живы. Вспоминал то, что было -- у меня с родителями. Вспоминал то, что было - при родителях... Наши взаимоотношения... Какие-то совместные действия... Разговоры... И пытался сопротивляться тому, что память (включая только ей известные механизмы - пытается сопротивляться воспоминаниям. Словно оберегая меня,-- от опасности: заново пережить... прошлое... Прошлое, в котором осталось чувство вины. Вины,-- за совершенное мной. Вины,-- за недоделанное, недосказанное, недопонятое... Вины,-- за те неискренние чувства к матери и отцу. Чувства,-- которые я (боясь показаться сентиментальным,-- хотя до сих пор таким и остался),-- таил в себе. Не в силах признаться,-- в нежности и любви: к родителям.

Это была моя вина. И она, вероятно, навсегда останется со мной. По крайней мере,-- я очень не хочу (теперь) - и сам избавляться от нее. Это мой крест. Который предназначен - только мне. Так же как и то,-- что чувства (те истинные чувства, которые скрывал я),-- больше никому... не достанутся.

И чем больше осознаю я свою ошибку - тем больше понимаю, что и не ошибка это была вовсе,-- а - преступление. Преступление,-- по отношению к людям,-- больше всего любившим меня. И раз так,-- то могу ли я (после этого) - вымаливать прощение?!

ГЛАВА 12

Возвращаясь к вопросу -- могу ли не писать? - ответу: что не могу. Слова, (словно сами складывающиеся в предложения),-- не только форма психической защиты; но и - возможность выжить. Возможность жить,-- с чувством вины. Возможность - вообще: выжить. Своего рода,-- форма психотерапии. (Как у аналитика, - проговаривая проблему,-- избавляемся от нее, так и в творчестве: сублимируя на бумагу собственные мысли: добиваемся - избавления). Но не до конца. На время. Проблема (вызывающая тревогу, чувство вины...) -- остается внутри. Удастся лишь на время -- отдалить наступление неизбежного. Быть может и смерти. И уже наверняка - депрессии. И то, что проблема остается,-- свидетельствует одно: проходит (иной раз и незначительный) промежуток времени, и я вновь - ощущаю все по новой. А значит... а значит,-- должен вновь - сублимировать свои тревожности: в творчество. И так - до бесконечности...

ГЛАВА 13

-- Скажи,-- ты действительно считаешь, что должна это сказать? - я посмотрел на Илону, и в моем взгляде, вероятно, читалось все недосказанное... (Сейчас уже не помню, но речь, по-моему, шла об ее планируемом выступлении на каком-то симпозиуме).

Вообще, стоит заметить, я всегда не только не любил женщин, но и (особенно в последние годы) старался избегать их. Но Илона принадлежала к редкому типу женщин, перед которыми я не мог устоять. Я наслаждался общением с ней. И всегда считал - что способен многим пожертвовать: только чтобы наши встречи - продолжались.

Это была среднего роста худощавая женщина. О возрасте не спрашивал,-- но где-то, я знал, сорока - сорокапяти лет. С мальчишеской фигурой. Коротко стриженными волосами. Демократическим (джинсы да свитер) стилем одежды. И ученой степению - доктора филологии.

Наши интересы оказались схожи. Подтверждение чему,-- невероятно долгие дискуссии. Иной раз - споры. В которых каждый с жаром отстаивал свою точку зрения. А потом, (спохватываясь),-- "мирились". Как бышний раз -- страхуя наши отношения.

Так получилось, что именно Илона пришла на смену погибшему другу. И просто допустить не мог: потерять ее...

Именно с Илоной я разрешил вопрос: может ли быть дружба между мужчиной и женщиной? Вопрос разрешался в положительную сторону. Относительно того, что может быть - и дружба; и любовь. И точно также - каждое в отдельности. Вопрос только - какая перед вами женщина. Если такая как Илона - то возможно было все. И на все вы будете согласны. Главное, чтобы была она рядом.

Причем, казалось, по настоящему об этом думал только я. (Хотя и знал,--что это не так. И "избегание", подобных тем, со стороны Илоны - не более чем защитная реакция. В желании скрыть - очевидное). Но тем не менее, мне казалось, никто из нас не сожалел - что отношения наши складывались подобным (платоническим) образом. По крайней мере,-- менять ничего: мы (пока) не собирались.

ГЛАВА 14

Пожалуй, мою жизнь можно было разделить на нескольких отрезков. Каждый из которых,-- вбирал в себя: характерный только для него - временной период. И, отчего-то был я уверен,-- что все лучшее (что было у меня) - относилось к прошлому. А так часто появляющаяся (меланхолическая) грусть - навеяна воспоминаниями. Каждое из которых,-- стоит сожаления, о том, что не удалось совершить. И это было почти единственное,-- о чем я мог сожалеть с полным правом. Необходимости (и оправданности) того.

Но что мне оставалось делать?.. Вспоминать... в который уж раз снимать пелену с совершенного когда-то?.. И задумываться,-- наступит ли время, когда не придется сожалеть о случившемся?.. И (отчего-то) склонялся я к тому,-- что навсегда мне придется крутиться в раскрученном (собственноручно) маховике. А душа... душа будет принимать и принимать удары - посылаемые из прошлого...

И тогда уже я приходил к заключению,-- что причиной всему: мое детство. Как раз тот период жизни, в котором (по Фрейд) и были заложены основы, приведшие к последствиям. И прежде всего - к чувству вины (не отпускающую теперь меня). И там же,-- найти можно зарождение того, из-за чего позже: совершу я те чудовищные ошибки,

---

за которые расплачиваться буду всю жизнь. (А быть может - придется расплатиться - и ценой: жизни...).

И наверняка к прошлому же,-- стоит отнести *необходимость* создания той маски, о которую я, вряд ли сниму - когда-либо.

Нет, конечно, может показаться, что чрезмерно преувеличиваю я - все. И на саму проблему (которой, быть может, и нет вовсе) стоит (как минимум) смотреть значительно проще. Да и, вероятно, и не проблема - это вовсе. А то и вообще - какое-то *виртуальное* следствие (чего-нибудь). Нечто,-- неосознанно - необъяснимое. И оттого - неверно истолкованное мною.

Быть может это и так. Но верно и то,-- что я уже дал свободу собственному бессознательному... Так сказать,-- выпустил его на свободу... И уже если так,-- то мне следовало и пожинать плоды - труда своего... И не сметь роптать - на судьбу... Хотя, вполне возможно, что я и ошибался.

А как было на самом деле?

ГЛАВА 15

Решительность, с которой я действовал в иные разы, по всей видимости, была следствием тех установок, которые я себе же и давал. Да это и вообще было возможно только тогда, когда я себя настраивал должным образом. И притом - а это тоже оказывалось неременным условием - я обязательно должен был заглушить в себе ту неуверенность, которая меня, собственно говоря, и сопровождала на протяжении всей сознательной (интересно - как было раньше?) жизни. Я словно бы придумывал себе образ. Образ, эдакого, умного, уверенного, настойчивого, решительного, смелого, быть может, даже бесшабашного,-- и что допускалось,-- веселого человека. Как раз тот образ, который, по моему мнению, способен противостоять различным (возможным) неприятностям. Еще и потому, что каких-то особых неприятностей,-- в этом случае,-- перед таким человеком - и не возникало бы.

В одном лице мне приходилось быть и сценаристом, и режиссером, и, главное, актером... Да, да, сейчас я вспомнил наверняка, что тогда, когда мой возраст еще не был в той стадии, при

которой можно себе позволить анализировать пройденное и прогнозировать будущее (вернее, делать это с позиции накопленного жизненного опыта и имеющихся, уже имеющихся, знаний), тогда я, понимая, что надо что-то сделать, (дабы не попадать, больше, в ситуации, разрешаемые для меня чем-то сродни мучительному позору), я попросту решил, что надо становиться "актером"; и, (оттачивая природные задатки подобного мастерства), - делать все: чтобы в нелепых ситуациях не оказываться вновь. Играть я начал, по видимому, неплохо; по крайней мере, мало кто из окружающих, -- не принимал мою игру, -- за чистую монету. Но я так же мог и порадоваться за то, что наряду со "способностями к игре", -- у меня была еще и совесть; которая попросту не позволила стать мошенником (которым становятся, вероятно, в схожих ситуациях). И что до меня, то (через какое-то время) я только отметил, наличие у себя, -- маски. С которой, (с тех пор), -- не расставался...

В итоге, имел я в своем распоряжении несколько моделей поведения (на каком-то этапе отбросив второстепенные и малозначимые); и, в зависимости от (прогнозируемой) ситуации, -- вызывал нужный образ.

И все же, -- шел я к тому, чтобы оставить только одну маску. Идеальную. Свою. Чтобы (в конечном итоге) - стать... самим собой...

(И при этом, -- понимал "утопичность" подобного желания. Окружающий мир был слишком непредсказуем. А я - слишком слаб. Но надеяться... надеяться - было можно...).

ГЛАВА 16

В какой-то момент своей жизни я (более чем явственно) стал понимать, что могу остаться один. Вероятно, следовало определиться со своим внутренним (душевным) содержанием (тем, что некоторые понимают под вторым "Я"). И его проекцией на внешний мир. Ведь, если буду я придерживаться только того, что ближе мне, то разве не будет это "залогом" той крепости, в которой я смогу скрыться от мира. И уже отсюда, -- чтобы не потерять возможность коммуникационного контакта с окружающими, -- мне следовало, как минимум, делать все с

точностью наоборот. А значит,-- чтобы сохранить одно (завоеванное),-
- и не потерять возможность другого, мне следовало подумать о некой
золотой середине.

В итоге я решил, что стоит быть более открытым. Хотя бы
временно (пока не удастся выровнять ситуацию). По крайней мере,
тогда я быстрее смогу достичь тех результатов, которые прогнозировал
в (недалеком, надо заметить) будущем.

Так значит,-- игра на два лагеря?..

А почему бы и нет?!..

"На людях" я стал веселым и жизнерадостным. Шутил,-- и
выглядел завзятым оптимистом. Когда же оставался один - по-
прежнему был замкнут; уходя, порой, слишком глубоко внутрь себя;
так что и опасался,-- иной раз,-- не вернуться.

Что я этим добился? Ну, во-первых, (в какое-то мере, весьма
удачно) сформировал о себе соответствующее мнение. Никто меня
больше не считал чужаком ("себе на уме"). А во-вторых?.. Впрочем,--
явно хватало и первого. И так продолжалось до тех пор, пока, (ни с
того, ни с сего) моя анима, душа,-- не воспротивилась подобному
положению дел. И тогда произошла настоящая революция (внутри
меня). После которой,-- впервые за все время существования,-- мои два
"Я": слились воедино. И я наконец-то обрел ту внутреннюю свободу,
существование которой - доселе - лишь предполагал.

Изменился ли я? Изменился! Я (в одночасье) стал другим. Обрел
себя. И мне уже не требовалось скрывать свою "истинную" сущность.
Хотя бы потому, что слившиеся воедино (некогда - два) мои "Я" --
стали одним. И явили - новый образ. Тот образ, которому я теперь -- и
соответствовал...

ЧАСТЬ 5

ГЛАВА 1

-- ...скорее предположить, что равноудаленность каких-либо объектов, может свидетельствовать - о равнозначности затраченных усилий (для их достижения), -- предположил я, отвечая на один из вопросов, задаваемых после моего выступления на конференции (проводившейся в институте, где я работал).

-- Допускаете ли вы, что точки, к которым вы стремитесь столь любопытным образом, -- еле заметно улыбнулся в пышные усы Аристарх Карлович, круглолицый сорокалетний профессор, больше напоминавший эдакого Колобка из сказки, -- могут иметь и различное расстояние?

-- Вероятно, то абстрактное состояние, в котором они находятся, нам позволяют допустить все, что угодно, -- согласился я (замечая про себя, что еще немного, и я начну выходить из себя. И дернул меня черт взять эту тему. Да еще и,-- не проработать ее должным образом. Но конференция, которая предполагалась исключительно студенческая, -- больше стала напоминать собрание ученого совета академии наук).

-- Тогда стоило бы заметить, что нежелательно быть столь категоричным в суждениях, - неожиданно вступила в дискуссию Ольга Михайловна, замдекана кафедры социологии. (Неожиданно -- потому как, зная ее характер, я, конечно, предполагал, что она, не удержится, чтобы не высказаться. Но мне почему-то казалось, что этого не произойдет. Ну, хотя бы потому, что явно чувствовал симпатию по отношению к себе этой молодой красивой женщины, со степенью кандидата наук; и, быть может, еще и потому,-- что наша совместно проведенная ночь,-- в которой Ольга Михайловна предстала в образе весьма чувственной женщины,-- казалось, давало мне некоторую индульгенцию от ее вопросов). В те времена (события десяти - пятнадцатилетней давности), я, помнится, носился с созданием какой-то междисциплинарной (между философией, психологией, социологией и филологией) науки. И тогда бы многое отдал, - чтобы у меня получилось. (Не просуществовав и года - проект полностью распался).

Чтобы закрыть тему, скажу, что в тот раз меня весьма поддержал Исаак Львович Кантштейн. В те годы член-корреспондент (по-моему, через год после описываемых событий ставший академиком) Академии наук. То ли Исаак Львович действительно усмотрел что-то любопытное в моем выступлении, то ли просто-напросто решил

поддержать молодого ученого, но, -- (на начавшуюся, было, критику),-- было наложено табу. И я мог еще какое-то время отдаваться созданию какой-то новой науки. Пока не осознал - полную ошибочность подобного шага. (Кстати, в то время я уже имел ряд ученых степеней. И это, в какой-то мере, постегивало меня не обращать внимания на критику. На справедливую критику).

Кстати, с Ольгой Михайловной (теперь это уже весьма и весьма степенная дама; почти тотчас же после эмиграции получившая профессорские должности в нескольких европейских ВУЗах) я до сих поддерживаю отношения. Дружеские. Ибо после того, (в общем-то, случайного), раза,-- повода друг другу никто не давал. (Еще тогда, на конференции, в перерыве между выступлениями докладчиков, Ольга Михайловна с несколько смущенным лицом подошла ко мне, - в курилке,-- и, дождавшись, пока я поднес зажигалку к ее сигарете,-- попросила не обращать внимание на то, что было между нами ночью. Предложив,-- остаться *просто* друзьями. И я,-- постаравшись скрыть волнение, удивление, и какой-то внутренний протест,-- согласился).

ГЛАВА 2

Насколько себя помню, - (а первые воспоминания такого рода, вероятно, следует относить к периоду школьных лет), - я всегда старался (поначалу интуитивно) отойти от всего коллективного; явно стремясь - к: индивидуальному. Начиная от индивидуального восприятия действительности (т. е., происходящих в обществе процессов),-- и заканчивая (порой абсолютным) неприятием всего, что было как то связано - с понятия массивности.

Я всегда чувствовал себя "неуютно" в толпе. Мне казалось, что эта самая толпа (будь то безликая толпа улицы или знакомое мне - знакомое, исходя из знакомства с каждым индивидуумом в отдельности - массообразование школьного коллектива или институтской группы) способна меня поглотить. И я способен - раствориться в ней.

Быть может потому,-- я всегда старался избегать всяких сборищ; будь то школьное собрание; или собрание трудового коллектива. При этом,-- я никогда не испытывал проблем в общении. Но всегда

предпочитал объясниться "с глазу на глаз",-- нежели чем выставлять свои отношения на анализ обществу.

Конечно, практически любую "толпу" можно было разделить на несколько составляющих. Что я, признаться, и делал. Убеждаясь, что (в отдельности) никто из "составляющих ее" - не представляет из себя серьезной опасности. И никак не может вызывать страх. Тот страх,-- который появлялся: когда *они* - были все вместе.

ГЛАВА 3

Иной раз я думаю: "Как относится к тому, что большая часть моих воспоминаний,-- касается лишь произошедшего со мной? И почти ни о ком я больше не упоминаю?.."...

-- Ведь наверняка, кто-то должен быть еще?,-- вторит моя (второе) "Я". - Почему все "о себе, да о себе? -- удивляется оно.

Но я тотчас же прогоняю сомнения. В какой-то необъяснимой логике выстраивая объяснения...

Начиная с юных лет (заслуга в чем, конечно же, родителей; создавших "тепличные" условия), я осознавал, что нахожусь в иной,-- выигрышной, в сравнении с другими,-- ситуации. И даже тогда, когда о "влиянии родителей", вроде как, говорить и не приходилось (когда, после моего отъезда, разделяли нас тысячи километров),-- я все равно ощущал незримое их присутствие. Поддержку. Что, конечно же, значительно поднимало мою самооценку. (Иной раз,-- весьма схожей, с - проскальзывавшей - "манией величия").

Притом что, в моей жизни был период, в котором эта самая жизнь, казалось, могла пойти совсем в ином направлении (нежели том, что было ей, как будто бы, уготовано).

Почти тотчас же по приезду в Питер и началу учебы в одном из лучших ВУЗов страны, я столкнулся с некой неприятной проблемой: мои запросы стали расти в геометрической прогрессии к соблазнам, предлагаемым жизнью в большом городе. Нужны были деньги. (Причем,-- к моему стыду,-- речь совсем не шла о суммах, высылаемых

родителями. Их вполне хватало на обычную студенческую жизнь. Но меня, как говорится, понесло в разгул...).

Меня засасывал большой город. С его размахом, ночной жизнью, всеми теми пороками,-- в которые бросился я (в иные разы,-- и недобрым словом поминая кого-то из неизвестных мне предков; благодаря которому, во мне оказалась генетическая страсть - к разгулу...).

Признаться, я не слишком долго искал выход. И решил воспользоваться - спортивным прошлым. (Той своей связью со спортом, которую я -- одно время -- вдруг так принялся принижать; выставляя на первый план научные устремления). Но теперь, я как будто бы "вспомнил", что имею еще и звание "мастера спорта" по боксу. И после непродолжительных раздумий (главным образом, касающихся: какое предложение принять),-- стал работать охранником в ресторане. Как это в те времена называлось: "вышибалой". Прошло какое-то время, и я - получил повышение, став начальником охраны.

Почти за два десятилетия, прошедшие с тех пор,-- того ресторана уж нет. Да и я занимаюсь совсем другим. Но воспоминания... воспоминания, действительно, приподнимают какой-то особый пласт прошлого. Прошлого, в которое уже не вернуться. Прошлого,-- в которое, порой, так хочется возвращаться...

Тогда мне было начало двадцати... И мои амбиции,-- были вполне адекватны не только молодости, но и психике провинциального паренька, очутившегося в столице. Со студенческим билетом, и "корочкой" мастера спорта в кармане.

Моя работа в ресторане, в основном, мало, чем отличалась от "специфики" работы такого плана в других заведениях. Отличия, быть может, касались только того внутреннего состояния, что было присуще исключительно мне. И с которым я, (тогда же), вынужден был вступить в борьбу. (Продолжающуюся, по всей видимости, и до сих пор...).

Я неожиданно открыл в себе, что, оказывается, весьма люблю все то, что относится к "легкой жизни". (По всей видимости, само мое обращение к подобной "работе",-- было не иначе как - следствие того). И, по сути, было совсем не известно: куда меня могла привести эта страсть... к порокам?!.. Непрерывающийся поток девушек "легкого

поведения", безмерное количество алкоголя, музыки, и... вседозволенности,-- пожалуй, мало, кого, смогут сдержать в рамках. Поддался "общему празднику" и я. И, вероятно, только то, что (в конечном итоге) я заставил себя отказаться от подобных "соблазнов",-- и служит неким "оправданием" того, что я вообще вспомнил об этой страничке своей жизни.

Это был эпизод... Эпизод, длиною в год...

Но какой эпизод!..

ГЛАВА 4

В пору некоторого переосмысления прожитого,-- (сорок лет; - чем не срок),-- я в который раз убеждаюсь, что должен быть невероятно благодарен родителям. Генетическая основа, так сказать, базис,-- на который уже мною было "достроено" все остальное,-- была заложена именно ими.

Родители невероятным образом дополняли друг друга (и, прежде всего, в своих внутренних качествах, передавшихся мне). В тех качествах,-- которые у кого-то одного: были развиты в большей степени.

У матери - это аналитический склад ума. Невероятные способности к логике. Непримиримость к хаотичности мышления. И при этом,-- невероятная доброта. Честность. Порядочность. И... "генеральская" жесткость. Беспринципность. Непримиримость,-- к любым проявлениям слабости. (Эдакий образ маршала Жукова,-- уважаемого, кстати, ею. Но я знал - что точно таким же был и ее отец, мой дед, Павел Крупинин).

В случае со мной, проскальзывавшая "жесткость" (доставшаяся от матери) - невероятно разбавлялась отцовской "сентиментальностью". От него же досталась - и излишняя "ранимость". Впрочем,-- как и творческие способности.

Но вот о чем приходилось серьезно сожалеть,-- так это о том, что ко мне так и не перешли его удивительные "пробивные" способности. Когда для него были "открыты все двери"; и он ни разу даже не усомнился,-- что может быть как-то иначе. (Отец "со всеми" мог договориться; что, признаться, никогда не хотелось делать мне; но,-- если "прижмет",-- приходилось; быть может - не менее успешно, чем отец).

Правда, во мне была одна черта,-- которую я (при всем желании) не мог найти ни у кого из родителей. Это мое (искусственное) создание трудностей. Что бы потом - "успешно" *преодолеть* их.

ГЛАВА 5

И было еще "что-то",-- что я никак не замечал ни в ком из моих родителей. Это... состояние страха. Страх, который внезапно заполнял меня (заставая врасплох; хотя и неуверен - можно ли к этому "подготовится"?). И исчезал - порой - точно так же: внезапно,-- и непредсказуемо. (Когда к нему,-- как вроде бы,-- уже и привык).

Страх медленно и планомерно, (с какой-то маниакальной настойчивостью и решительностью), заполнял меня. Проникая в самые потаенные уголки сознания. А может и,-- начиная свое "движение" - оттуда.

С моей стороны не было даже "видимости" борьбы. Что бы "бороться" с противником - надо его хотя бы видеть. Знать. Представлять - причину нападения. И этого я был - лишен. Изначально. Так,-- что (снова и снова) - вынужден был признавать свое поражение.

В такие минуты я боялся выйти на улицу. И мой день начинался,-- (так же, впрочем, как и заканчивался),- с задернутых штор, не включаемого электричества, запертой на все замки - и дополнительно подпертой шкафом - входной двери. Боязнь, что кто-то узнает, что я здесь,-- (а значит, вероятно, и придет),-- заставляла меня передвигаться по квартире босиком - и на "цыпочках". По той же самой причине я отказался от приготовления пищи (питаюсь, запасенным впрок хлебом). Конечно же, и речи быть не могло, чтобы пользоваться телефоном. И,-- с недавних пор пришло и такое "предостережение",-- санузлом (опасаясь, что могут услышать шум спускаемой воды).

И уже тут я словно прозрел! Чего я,-- черт возьми,-- боюсь! - чуть ли не прокричал я, но, опомнившись, съезжился как от невидимого удара - а потом начал бегать и кричать по квартире что есть мочи. Я материл все и всех! Я включил на полную мощность все приборы! У меня разрывался магнитофон! Выплескивал затаившийся страх -

---

телевизор! Шумел пылесос,-- который я давно хотел поменять из-за его шума - но теперь этот шум оказался кстати! Я то и дело смывал бачок (шлангом наполняя в него воду - чтоб было "быстрее")!

Потом,-- словно вспомнив что-то еще,-- я нарочито громкими шагами (не только ступая на всю стопу,-- но еще и "подпрыгивая") подошел к окну. Резким ударом - чуть ли не выбив его - открыл (сорвав при этом шторы,-- но на них я уже не обращал внимание).

Яркий свет апрельского утра вместе с легким морозцем ворвался в квартиру с потоком воздуха. И во все горло - я стал выкрикивать какие-то лозунгу; вскоре перешедшие - в песни.

Я выражал свой протест страху! Я праздновал победу! Праздновал - возвращение самого себя!..

ГЛАВА 6

"Вредит ли слишком явный (непритязательно "возвеличиваемый" по сути),-- уход в рассмотрение каких-либо возникающих проблем с позиции философичности бытия?"

Насколько я мог судить - это не так. Вернее, даже, можно сказать, - что это не только - "не может", но и - "не должно быть" *так*.

Однако, если рассматривать те же самые вопросы,-- с позиции "тождества истины" (помятуя,-- что: догматичность любых истин - можно подвергнуть неминуемому сомнению), то, вероятней всего, родится некий загадочный конгломерат из несуществующих: *желаний*.

Что нам следует принять в этом случае? Нет, конечно, если допустить, что "судьбоносность" каких-либо решений зиждется на "непреклонности" единожды выбранных позиций (в какой-то мере, способных - или пересекаться,- в реальности абсурда,-- или - что, быть может, более приемлемо - идти параллельно). В случае же возникновения каких-либо противоречий (неминуемость их возникновения почти тождество самой идеи существования), а значит высвечивания основополагающей сути (вот она - загадочность несуществующего!), нам почти, ничего не остается,-- как принять, (принять за непреложное правило) сам факт существования подобных метаморфоз.

Или,-- в случае какой-либо *неприемливости*,-- все равно: согласиться с тем, что было ранее. (Равно, как и согласиться - с уже предложенными: кем-то: выводами).

И что же будет тогда? Ну, скажем, я не думаю, что (в этом случае) может возникнуть что-то страшное (и совсем уж "неприемлемое" для нас). Скорее всего... Хотя, думаю, и этого не получится... Разве что...",-- я в который уж раз отложил рукопись (переданную мне одним из моих студентов). В последнее время начинал осознавать, что и мне (точно также) становится все трудней совладать с собственным бессознательным (порывавшемуся выйти из под опеки). Правда,-- в отличие от этого парня,-- я не решаюсь: сублимировать его таким вот образом. Но, быть может, и других вариантов для "отыгрывания" не существует?.. Тем более, я совсем не мог допустить, чтобы весь негатив моего бессознательного,-- в один момент,-- вдруг занял лидирующее положение. Но долго ли я способен - противостоять ему?.. Вероятно,-- нет. А, значит, должен был предпринимать шаги, которые, вероятно, способны были - отдалить: проблему.

А вообще,-- насколько реальны мои опасения?.. Быть может, стоило (в связи с этим),-- подвергнуть некоему пересмотру определенные жизненные позиции? Тем самым, например, переиначив ход истории?.. Можно ли было допустить, в этом случае, улучшение ситуации в целом?.. И говорить,-- например,-- что сам кризис - миновал?..

Не знаю?.. Быть может,-- и нет. Но (отчего-то) очень хочется,-- чтобы какой-то *конец* наступил. (Конечно, можно предположить и иной,-- из возможных,-- расклад событий; но вот почему-то кажется мне, что делать подобное... не стоит...).

"Мне почти не страшно само наступление страха... Я почти готов уже с ним слиться; так же, как готов признать или не признать вообще существование его. В какие-то разы мне хотелось,-- (не раз ловил себя на мысли, что это так),-- закричать о том, что этого попросту не может быть. Хотя (почти тут же) - готов был признать... обратное. И подобный калейдоскоп мыслей доводил до сумасшествия. А я не знал как остановится. Хотя очень хотел - того. Стремился - к этому. И, при приближении,-- убегал. Рушил - начатое. Отчего-то, непременно, стремясь вернуться - назад. К исходным - позициям. И нисколько не догадывался о своем сумасшествии..."...-- Я не мог это читать... Мне вдруг отчетливо представилось лицо писавшего. Долговязый, нескладный парень, смотревший при разговоре куда-то вниз (словно он рассматривал вашу обувь). От чего я всегда чувствовал себя

неуютно,-- и хотелось побыстрее отвязаться от него. Он сунул тетрадку когда я выходил из аудитории. Что-то проямлив про то, чтобы услышать мое мнение. О прочитанном. Что ж... издержки профессии...

ГЛАВА 7

Тяжело терять друзей. Но для меня подобные события несут (в себе) еще большую негативную нагрузку. С непереносимыми (полудепрессивными) последствиями. И происходит так оттого,-- что я никогда не мог похвастаться большим количеством друзей. Считаю,-- что друг может быть только один. Не уверен сейчас,-- что это было достаточно верно. Но с тем мнением я жил, помнится, не только юность и молодость,-- но и коснулся (даже) зрелых лет. И в соответствии с этим,-- полагал я (что было уж вовсе непонятно),-- что и под значение слов: "товарищ", "приятель", "знакомый" -- непременно должен был подпадать также один человек. (Несмотря на то, что на практике подобного, конечно же, не выполнялось,-- в мыслях и наставлениях другим: я придерживался подобной точки зрения. И в пору было задуматься - почему?..).

И, быть может, будет вполне объяснимо - что испытывал я, когда меня заставляла новость о смерти людей, до недавнего времени окружавших меня.

И первым, в цепочке столь печальных событий, было не самоубийство (мои друзья или сами уходили из жизни, или их желание находило выражение в некой трансформации собственных мыслей) Левы Розенберга; а, пожалуй, еще намного раньше; страшная (и по своей сути, и по тому значению, что я придавал этому тогда) смерть моего друга. Вадима.

Было мне тогда семь. Вадиму - так и осталось восемь. Я был в школе. Во время уроков, в класс вошла директор. Она и сообщила.

Возле школы меня уже встречала мама (с папой Вадима - дядей Володей - мама дружила еще с дошкольных лет). И именно от мамы я узнал о жуткой смерти моего друга: наблюдая за игрой старших ребят, стоявший неподалеку Вадим заметил, как мячик закатился под лежащие неподалеку арматурные блоки. Пospешив первым достать мяч - Вадим поднырнул под блоки. А они - разъехались в стороны...

Второй случай произошел значительно позже... И по нелепости причины - он мог вполне сравниться с абсурдностью мира. Тогда убили человека, убережь которого от смерти, (до сих пор уверен), я вполне мог. Стоило только,-- больше желания проявлять к жизни. К - его жизни. Ибо, несмотря на сорокалетний возраст и нашу десятилетнюю разницу - был он (по наивности проявляющихся суждений; суждений, проецирующихся, каким-то нелепым образом, на поведение; и уже по своему поведению,-- являющийся сущим младенцем) совершенно неприспособлен к жизни в обществе.

Это был, по сути, парадокс. Дмитрий Карлович, всю жизнь проработавший с людьми - боялся их. И при любой возможности - стремился быть один. (Он и жил-то,-- в выдуманном мире; с выдуманными историями о существовании жены и ребенка; причем ребенку его все время было семь лет; и не то, чтобы ребенок не рос; просто, Дмитрий Карлович, забывал с каждым прожитым годом - приплюсовывать год: и ребенку; а потом,-- спохватившись,-- заявил вдруг - что ребенку уже десять; потом - девять; остановившись,-- по моему,--на одиннадцати...). Несмотря на нелепость собственного существования, Дмитрий Карлович, тем не менее, самостоятельно зарабатывал на свои причуды. А "коллекционировал" он - картины. Вполне искусно принимая,-- будучи, быть может, и сам убежденным в том,-- копии известных полотен -- за подлинники.

Любил он внешний антуражем. И свою трапезу не мыслил: без свечей, пластинки с голосом Вертинского, всегда праздничного стола, сервированного посудой и столовыми принадлежностями - прошлого или позапрошлого века. На стенах висели: Кандинский, Вересаев, Шишков, Суриков, Айвазовский... Копии, увы, только копии... Копиями было и все остальное: и граммофон (якобы, конца позапрошлого века), и подсвечники, (стоявшие еще чуть ли не на столе князя Романова, и все остальное... помогающее Дмитрию Карловичу жить в его... вымышленном мире. Ибо, (увы!), как ни пытался Дмитрий Карлович, (в т. ч. и своей сухощавой - в иные разы даже немного сторбленной - фигурой, и пенсне, и костюмом-тройкой, и, так называемой, "профессорской бородкой", да и тростью - увы, тоже новодел) - походить на некоего, ("уцелевшего" в советские времена) аристократа - выдумав даже соответствующую легенду о своей принадлежности к роду то ли князей Болконских, то ли Разумовских, а то, быть может, и Романовых - все прекрасно понимали, что это были

лишь блеф и миф. Единственно что,--- признаться,-- все же чтобы понять это: требовалось время; время - общения - с ним. Что было, по сути - достаточно проблематичным. Для того - кто слушал все эти вымышленные истории о "похождениях" Дмитрия Карловича. И уже проходило время - и определенную категорию публики (в число коей, заметить, никогда себе не позволял входить я) - невероятно веселили "откровения", расчувствовавшегося, Дмитрия Карловича. При этом сам Дима,-- казалось,-- нисколько не замечал: ни перешептываний, ни вздохов, ни - становившего, порой, гомерическим - хохота. (Чем, признаться, грешил и я - поддавшись общему веселью). И только во время внезапных пауз, когда предложение прерывалось на полуслове,-- и Дмитрий Карлович замолкал, погружаюсь куда-то вглубь себя,-- становилось немного не по себе.

Но потом начиналось все сначала. И, иногда, начинали чувствовать себя собеседники - полными идиотами. Обещая себе,-- не общаться больше с этим полусумасшедшим человеком. Быть может после того,-- и начинали свой новый виток слухи: о том, что настоящая фамилия Дмитрия Карловича - вовсе, даже, не Дворжецкий. А,-- то ли Крысин. То ли - Кротин. Да и отчество,-- совсем даже, -- не: Карлович. А - Варфоломеевич.

По всей видимости, и смерть Дмитрия Карловича,-- была, должно быть,-- следствием его, (если можно так сказать), *несуразности* поведения.

Предыстория проста, и,-- достаточна трагична. Некие отморозки, "купившись" на разговоры Дмитрия Карловича (вероятно, подслушав, где-нибудь, их),-- преисполнились идеей - быстро разбогатеть. Сначала, они дождались Диму около его квартиры (расположенной на первом этаже старинного дома дореволюционной постройки; подобные дома до сих пор занимают центр Питера). Потом,-- оглушив,-- втащили тело (всего-то - сорок восемь килограммов) в квартиру. И, повалив на кровать,-- стали бить, выпытывая - несуществующие драгоценности (мифом о существовании которых,-- Дмитрий Карлович,-- и жил).

Нашли Дмитрия Карловича Дворжецкого -- на той же постели. Связанного. Смерть,-- как установили судмедэксперты,-- наступила от последствий ударов. Когда грабители ушли - Дима еще жил. Почти - сутки.

Третьим случаем...

Нет. Мне почему-то расхотелось обо всем этом вспоминать... быть может, пусть их - уже ничто не тревожит... тем более, - вышло так, - что никто из людей, в разное время окружавших меня, не умер своей смертью.

Мир их праху...

ГЛАВА 8

Для меня было открытием - случайно найденные письма отца. Письма - не отправленные. И,-- адресованные мне.

...Не знаю, что заставляло его,-- скрывать их при жизни?.. Как бы то ни было,-- в этом частичка и моей вины...

Но как же вышло,-- что, о существовании их,-- никто даже не догадывался...

...Быть может,-- знала мать?..

Но у нее уже не спросишь...

Февраль 19...года.

"Сын мой... В который уж раз пишу, не будучи уверен, что тебе когда-нибудь удастся это прочитать... Быть может, ты даже и не знаешь, как я люблю тебя... Когда ты родился, я, наверное, испытывал даже большую радость, чем твоя мать. Но это ни в коем случае не значит, что она тебя не любила (еще не любила?). Нет. Это просто то личное (мое), что уже тогда я испытывал к тебе. Как, должно быть, любому отцу всегда хочется (одно из тайных желаний), чтобы его сын был повторением его самого. Но поверь мне, я всегда испытывал намного больше, чем эти, тоже, казалось бы, простые слова. Быть может, сейчас, по прошествии стольких лет, когда ты уже достаточно взрослый и, должно быть, именно это (упаси Бог от каких-то осуждений: не судите, да не судимы будете) дает тебе некое право жить в отдалении от нас, я ловлю себя на мысли, что испытываю и небольшое (достаточно незначительное, чтобы изменить свое к тебе отношение, но, быть может, и достаточное, дабы иногда взгрустнулось; хотя, что есть и печаль, и тоска в сравнении...) сожаление, что не смог тебе дать всего, что на самом деле клочкотало

(ассоциации с вулканом и лавой уместны?) внутри меня, и что, по всей видимости, я должен был рассказать тебе об этом... рассказать - значит поделиться своим сокровенным... Мне почему-то всегда казалось, что ты (и, быть может, только ты) способен меня понять... Это не значит, мой сын (мой сын... я ведь могу тебя так называть?.. Хотя бы только в письмах, только на бумаге)... Мой сын... Не знаю, отчего так сложилось, но я всегда стеснялся обратиться к тебе словом "сын"... Если помнишь, все время называл только по имени... быть может, в иных ситуациях это и уместно, но... когда происходит только так... Что это?.. Боязнь показаться излишне сентиментальным?.. А ведь я действительно всегда боялся быть таким... я вообще всегда опасался излишне "раскрыться"... В одной из твоих - я ведь прочитал все твои статьи, монографии, книги,-- работ,-- ты упоминаешь о некой (защитной?) маске... Так получилось, что я тоже в общении с тобой одевал эту самую (удивительно схожую с описываемой тобой) маску... Я действительно боялся показаться сентиментальным... Боялся тогда и, наверное, уже никогда не преодолю подобный страх... Я даже не уверен, что смогу когда-нибудь отправить тебе эти письма... Я всегда был не уверен в общении с тобой... Что это?.. Страх быть неправильно понятым?.. Боязнь показаться излишне навязчивым?.. Я словно бы действительно всегда опасался любого (даже мало-мальски незначительного) недовольства с твоей стороны... Нет, ты никогда не давал даже намека усомниться в своей любви ко мне, но... Я словно бы всегда ожидал этого... Ты читаешь (если тебе когда-нибудь удастся прочитать это?) и, быть может, не узнаешь в этих строчках меня... Ведь, если помнишь, я тебя всегда учил (и тебя, и Артема, и Алену) быть уверенным, настойчивым, не обращать внимания на мнение других - в достижении поставленных целей; и, ведь, сам всегда был таким. Разве ты сможешь вспомнить хоть один случай, который даст тебе право усомниться в этом?.. Но вот теперь, как оказывается, я сам - по отношению к тебе - выгляжу таким неуверенным... Нет, мне не стыдно, хотя... я плачу... мой сын... сейчас я плачу..."

март 19...года.

"Мой сын... Прошлое свое письмо я так и не смог закончить.

Должно быть, то, что я пишу слишком личное, настолько личное, что и мое решение признаться тебе (даже столь, быть может, необычным образом) не позволяет справиться с переполнившими меня чувствами...

Вот и опять я стал волноваться... а разве волнения когда-нибудь были мне свойственны?.. Впрочем, ошибается, глубоко ошибается тот, кто считает, что это не так... То, что испытываю я в душе... (ведь это не может никто знать, кроме меня...),-- то, что всегда испытывал я... я никогда не позволял себе (запрещал; быть может, и одевал ту самую маску, о которой упоминал ты) показать столь явно,-- чтоб об этом узнали другие; чтобы это вышло, как то, наружу; проявилось...

Сын мой... Ты даже не знаешь, как я сейчас счастлив, что могу сказать - сын мой... Когда ты маленький барахтался в кровати, я смотрел на тебя и представлял... я представлял, что смогу тебе передать, быть может, все то лучшее, что накопил в себе; ведь ты должен помнить (по нашим с тобой разговорам), что я всегда стремился получить, как можно больше знаний; я всегда много читал (и читаю по сей день), я был жаден до каких-то знаний, и во мне это желание было столь ненасытно, что я и не представлял, как может быть что-то иначе... сын мой... Я могу тебе признаться, что я невероятно жалею, что наши беседы с тобой не были столь долгими, как, быть может, хотелось мне... Нет, ты меня всегда слушал, но я отчего-то боялся говорить слишком долго, словно бы, какое предчувствие предостерегало быть излишне настойчивым (и, быть может, вследствие этого) казаться настойчивым... сейчас (поздно... быть может, слишком поздно...) я понимаю, что это совсем не так. И ты, вероятно, способен был слушать меня достаточно долго... Но я, я, который всегда гордился своим умением достаточно лаконично выражать свои мысли - как будто бы (ошибка... моя ошибка и мое же - заблуждение) испытывал чувство неуверенного в себе подростка, стремящегося поведать о чем-то важном и сокровенном, но прерывавшего на полуслове свой рассказ, опасаясь быть непонятым... сын мой... мне всегда казалось, что ты, как никто другой, способен меня понимать... и, дай Бог, чтобы эта уверенность совсем не исчезла в моей душе... В душе, которой внезапно хочется плакать..."

Май 19..года.

"Сможет ли кто понять ныне мое состояние?.. Понимаю ли, осознаю ли я его сам?.. Порой мне кажется, что я будто бы совсем из другого мира... И на той планете, где живу я,-- вероятно, существуют, (ну, по крайней мере, должны существовать), люди с абсолютно схожей (с моей) психикой; а значит, люди, всецело понимающие меня... Много ли на самом деле надо для понимания ?!. Или, быть

может, это есть то некое чувство - которое, быть может, и есть-то не у всех... чувство, благодаря которому мы способны чувствовать свою принадлежность (призрачную по своей сути) к социуму; свою принадлежность к тому единому мирозданию, которое, быть может, не только окружает нас, но и едино по своей сути... Что вообще есть наш мир? Способно ли понимание (или поначалу хотя бы стремление к пониманию) всей взаимосвязи существующих законов приблизить нас к тому единому идеалу (бесспорно существующему), стремление к которому, иной раз, вообще почти то единственное, что позволяет нам жить?.. Мой сын... Я, конечно же, понимаю (понимаю умом, но не сердцем, понимаю имеющимся у меня разумом, но никак, к сожалению, не способен осознать сей факт сознанием), что на каком-то этапе ты должен был уехать от нас.

Я понимал это раньше, быть может, еще тогда, когда ты еще был совсем маленьким, чтобы похожие мысли имели право на существование. Я даже внутренне пытался готовиться к этому, почти считал годы, месяцы, дни, когда это произойдет. Но все равно могу признаться, что сам твой отъезд, само это событие как свершившийся факт прошло незамеченным для меня... В итоге я все равно оказался неподготовленным, и первое время даже неосознанно приходил к тебе в комнату, стремясь поделиться какой-то своей новостью, или просто поделиться радостью ли, советом ли... не знаю... Если честно, у меня и до сих пор не укладывается в голове, что теперь, чтобы мне (или твоей матери, или твоему брату, твоей сестре) увидеть тебя,-- потребуется преодолеть больше тысячи километров... И то еще не гарантия, что мы застанем тебя сразу. Ведь, насколько я знаю, ты сейчас все время занят. То ли я, который сидит (за работой) в одном кабинете, или (как минимум) расхаживает в аудитории, читая студентам какую-нибудь лекцию. Или, быть может, мои догадки не совсем верны, и ты хотя бы здесь повторяешь мой путь?.. Быть может, я бы очень хотел, чтобы это было так... Все эти командировки и разъезды по стране в свое время необычайно достали и меня, и вот сейчас (а, быть может, и всегда) хочется... вполне обычной тишины... Той тишины, какую я и не помню уже... Ты помнишь наш деревенский дом?! Я как-то внезапно поймал себя на мысли, что, быть может, мне и не надо ничего более того, что было тогда... Или я действительно просто соскучился по той тишине, что так характерна для деревенской жизни, и которая превращается в, зачастую, неосуществимую мечту в нашем современном городском укладе?.. А ведь когда-то я так бежал от деревни... В одиночасье я

пытался откреститься от всего того, что окружало мою прошлую жизнь в слепой уверенности, что мое будущее (ставшее теперь свершившимся настоящим) заменит мне все недостающее... Глупец! .. Я действительно заблуждался... И сейчас, когда пройден определенный (быть может, самый тяжелый) жизненный этап - пришло мучительное осознание того, что мне ближе совсем другое... Не этого требует моя душа... И, должно быть, совсем не этого хотел я для нее... А что, что требуется мне сейчас?.. Не требуется ли мне просто элементарного успокоения?.. Успокоения моей измученной совести... Совести, которая, быть может, и служит тем (нелепым и справедливым) катализатором, словно лакмусовая бумажка, высвечивающая недостатки?.. Не эту ли самую совесть я все время пытаюсь унять, стремясь заглушить в не заглушаемых и, быть может, совсем растраченных иллюзиях?.. И уже в этом иллюзорном понимании действительности, мне кажется, что я способен... хоть на миг... приблизиться к пониманию... наверное, к пониманию *непонимания*... Того непонимания, заманчивая сущность которого притягивает меня к осознанию конца... Мне бы очень хотелось, чтобы ты меня когда-нибудь понял... Быть может, даже эти сумбурные строчки и не приблизят тебя к ожидаемому (мною) результату. Но, быть может, хотя бы они в какой-то мере способны будут помочь тебе в твоих (неминуемых - ведь ты - это я, а я - это ты!) размышлениях... и, быть может, мне действительно остается только надеяться, что когда-нибудь в твоей душе наступит осознание всего того, что я так стремительно и, быть может, порой излишне навязчиво (боясь, чтобы это показалось на самом деле так) хотел, чтобы бы это понял..."

Май 19..года.

"Сын мой... так уж выходит, что не удержаться, чтобы не написать тебе и еще одно письмо. Еще одно в этом месяце, но ведь я и не договаривался придерживаться какого-то четкого распорядка в последовательности написания?!..

Ты знаешь, иной раз содрогается сердце при мысли о том, что ведь многое из того, что происходит в отношении между людьми - выдуманное. Понимаешь, слишком много пустоты. И каждый как будто бы ощущает в себе что-то, напоминающее чувство вины (а, быть может, кто,-- и вправду испытывает его?); и тогда уже все действия такого человека неосознанно направляются в сторону заполнения

образовавшейся пустоты; как будто на самом деле это реально возможно. Нет. Это ошибка. Вполне распространенная ошибка, но, к сожалению, всего лишь одна из многих, встречающихся на жизненном пути. Но если кто (вдруг?) задастся целью попытаться что-то (или, быть может, это все) исправить, то мне попросту хотелось бы предостеречь этого человека. Быть может, и не стоит делать то, что невозможно совершить. Надо согласиться, что кое-что следует оставить и так, как оно есть...".

Из найденного (вместе с письмами) дневника отца.

"Мне всегда хотелось оставаться понятным другим. Но в иные моменты я ловлю себя на мысли - а стоит ли? Ведь несравнимо проще вообще не обращать внимания на чье-то мнение. Не будет ли в таком случае, вернее, не наступит ли в подобном случае, то спокойствие, которого, быть может, и добивается каждый для себя? Или, даже если это все равно случится, то не произойдет ли так все быстрее?"

Философичность вопроса бытия, не идет ни в какое сравнение с тем, что в действительности влияет на реальность, искренность поведения людей в той или иной происходящей (или даже прогнозируемой) ситуации. Это я понял сам, и именно в этом хотел, должно быть, меня убедить мой отец.

К тому же, следовало на какие-то моменты наших с ним взаимоотношений обратить внимание и раньше. Скорее всего, что-то я попросту упустил из виду, совершив типичную ошибку большинства из живущих на земле. Но что до меня, то мне от этого несколько не легче (а, быть может, даже и наоборот).

Мы забываем, что нет ничего вечного. Отчего-то мы действительно совсем упускаем из виду (как бы все дальнейшей отодвигая на второй план), что следует иной раз завершать начатое уже сейчас. Но если подобную и, в принципе, непозволительную "роскошь" мы еще можем совершить в отношении себя, то в отношении других (а уж, тем более, наших родителей) никогда не следует откладывать дел (будь то разрешение каких вопросов или возвращение, в том числе, и просто слов благодарности) на потом; и любой, даже мало-мальски небольшой срок - уже ошибка.

Жаль, что иной раз мы понимаем это (и особенно себя я ни в коем случае не пытаюсь оправдать) недопустимо поздно.

Июнь 19..год.

"Мой сын. Для меня несравненно трудно было признаться даже себе, что я - это совсем не то, что думают обо мне окружающие. Настолько слился я с тем выдуманым (мною же самим) образом, что чуть совсем не допустил и совсем уж недопустимую вещь: нельзя надолго лишаться своего "Я". Ведь это почти единственное, что еще есть у меня *настоящего*. И если все время жить как бы в измененном состоянии?!. Это, бесспорно, невероятно опасная ошибка. Мне хотелось бы предостеречь от совершения ее - и тебя. Почему-то кажется, что мы настолько внутренне схожи, что ты непременно можешь совершить те же самые (мои!) ошибки. Совсем не хотелось бы, что бы это было так. А, если не ошибаюсь, одним из направлений своих исследований ты выбрал схожее с тем, что когда-то было и у меня. Только (в какой-то момент) этой самой "маской" я подменил и свое настоящее лицо (и сдается мне, что не вышел из подобного образа и по сей день). Смог ли ты уберечься от этого?

Мой сын! Ты всегда должен разграничивать настоящее от вымышленного, но, быть может, и очень хорошего. Как умеем мы отделять зерна от плевел, точно так же и следует нам отделять настоящий образ - от вымышленного.

Алекс! Ты, должно быть, найдешь эти мои письма (отчего-то мне кажется, что я так и не смогу их тебе отправить) и подумаешь: какой, оказывается, на самом деле был твой отец?! Ты знаешь, меня на самом деле как будто что-то удерживает взять и, хотя бы попытаться, с тобой поговорить. Ведь я же знаю, что ты всегда, как мне казалось, с удовольствием меня слушал, но я как будто и действительно не знаю, что меня сдерживает. Быть может, и действительно боюсь показаться излишне сентиментальным? Должно быть, я слишком долго "выковывал" свой образ (опять маска!), и теперь любое, что так или иначе может повлиять на его изменение (пусть временное!), находит элементарное сопротивление в душе. Но ведь так не должно быть?! И, ты знаешь - в душе я это понимаю. Но... сын мой... мой дорогой Алекс... В иные разы мне кажется, что я должен совершить что-то такое, что заставило бы всех (и тебя в первую очередь, конечно же, тебя) испытывать ко мне несравненно большие чувства, чем есть сейчас. Но вот что-то непостижимо загадочным образом меня сдерживает от каких-либо (пусть и заготовленных) действий. И тогда я

спрашиваю сам себя: а зачем? Надо ли все это?! И мне как будто бы тут же все хочется оставить так, как оно есть. Но потом я начинаю корить себя за неуверенность. Неуверенность, которая как будто бы (таким я, наверное, останусь в твоём воображении) мне никогда и не свойственна. Но вот на самом деле неуверенность - это почти все то главное, что в самой важной степени и должно меня характеризовать. Но вот только я всячески избавлялся от этой своей черты. И, быть может, оттого, что ее во мне действительно всегда было много (быть может, со слишком большим знаком "плюс"); и что было, как будто, следствием той борьбы, после которой, примеренная лишь однажды "маска" -- уже никогда не расставалась со мной. Мне попросту так было легче жить. Да и на самом деле, какая кому разница, какой ты "на самом деле" в душе? Для людей несравнимо важнее тот образ, который видят они перед собой. А если еще в тебе (бессознательно) они видят что-то похожее на себя (независимо, есть ли это "что-то" у них сейчас, или они только хотят, чтобы оно у них было), то вот тебе и рождение симпатии; которая непременно послужит тем необычайно важным (и обязательным!) началом, после которого каждый может быть уверен, что этот самый человек к вам расположен".

ЧАСТЬ 6

ГЛАВА 1

-- Вы, должно быть, приходите мне братом? - передо мной стоял по виду необычайно застенчивый худощавый парень, (судя по возрасту, старше меня), и, взглядевшись в лицо которого, мне даже показалось, что я, как будто, его уже где-то видел. Или это очки в необычайно толстой (черной, пластмассовой и квадратной) оправе так роднили его с теми "очкариками", которые в своем едином стереотипическом образе так схожи.

-- Вы,-- сын дяди Михаила? - почти угадал я, назвав имя одного из братьев отца и посмотрев в сторону своего отца, стоявшего в окружении многочисленных родственников, приехавших проситься с

дедом. (Судьба одного из моих прадедов - родного брата деда отца Генриха Францевича Райха - Франтишека, до сих пор остается для меня загадкой. Единственный из трех братьев, он - после переворота семнадцатого года - бежал за границу; успел осесть сначала в Китае, а потом перебрался во Францию. Он был один из тех немногих русских эмигрантов, кому удалось сделать настоящую карьеру в чужой стране; и уйти на пенсию - в ранге одного из заместителей военного министра. В Россию, он смог приехать только в середине восьмидесятых. Было ли для кого загадкой,-- зачем он это делал?.. По крайней мере, для меня - все было ясно. Старик просто хотел умереть на Родине. Ведь в 1986 году,-- когда и состоялся этот приезд, - ему было уже девяносто семь. Оказалось, он был неизлечимо болен раком. И, вроде как, из жизни ушел самостоятельно. Застрелившись из (привезенного с собой?) револьвера. Собственно,-- на его похоронах,-- мы и были).

-- Меня зовут Филипп. И я действительно сын брата вашего отца. Только не Михаила, а Юрия, - вполне обыденным тоном, как будто ему приходилось делать это постоянно, поправил меня молодой человек.

- А меня зовут Алекс, - представился я, протянув своему троюродному брату руку, и показывая своей улыбкой и соответствующим выражением лица, что я вполне оценил его такт и, к тому же, готов сейчас же с ним подружиться.

-- А это Андрей, мой родной брат, -- Филипп показал в сторону стоявшего поодаль от нас крепыша, с невероятно массивной челюстью, и взглядом уверенного в себе человека. По виду Андрея, (с которым я вскоре тоже познакомился, а заодно и подтвердил свою догадку), можно было сказать, что он совсем не понимал, зачем же кому потребовалось тратить его драгоценное время. Как мне объяснил Филипп (когда Андрею все же удалось, сославшись на важность личных дел, уйти "с мероприятия"), его брат только недавно получил какой-то важный пост в местной администрации. (На самом деле,-- как мне уже после рассказала мать,-- Андрей действительно получил приглашение на работу в облисполкоме. Но должность его,-- была что-то типа: "старший помощник младшего дворника". Но, по видимому, для него и это - была вершина).

Кстати, на похоронах, я познакомился и с Михаилом, сыном дяди (брата отца) Михаила. Но его образ, непостижимо странным образом (впрочем, как почти и все остальные) стерся у меня из памяти.

Сохранилось только воспоминание о чем-то, связанном с церковью. И, действительно, как я уточнил у своей сестры Алёны (не в пример мне, не только до сих пор помнившей, но и каким-то непостижимым для меня образом периодически встречающейся со всеми нашими родственниками) наш троюродный брат Михаил был, как и его отец, православным священником.

Мое отношение к родственникам, должно быть, заслуживает, как минимум, осуждения. Но... не судите,-- да не судимы будете...

Но уже как бы то ни было, порой я действительно чувствую вину, за то, что не общался с ними в свое время. Сейчас, когда я живу за границей, сделать это (не в пример прошлому) - значительно сложнее. Но иногда возникающая мысль о том, что я сделал что-то не так,-- бродит в моем подсознании, вызывая, порой, и вовсе противоречивые чувства. Но уже ничего не изменишь...

ГЛАВА 2

И все же, мои воспоминания, по праву занимают в этой жизни свое, (быть может и значительное) место. И, иной раз, приходится себя и сдерживать,-- чтобы они не так уж сильно начинали докучать над текущей жизнью. Внося в нее хаос, прямиком исходящий из того значения, которое я придаю им.

И уже, вероятно, как некая защитная реакция - моя убежденность: что сами по себе воспоминания - необычайно важны. Например,-- для самоанализа. Потому как, человек не может "идти вперед" (в своем внутреннем развитии),-- без какой-либо оценки того, что было. Это один из способов не допустить в будущем совершенных ранее ошибок. И возможность (при схожести возникающих ситуаций),- - сделать что-то теперь - иначе.

Воспоминания в последнее время приходят какие-то особенные... Вообще я заметил, что почти все воспоминания окрашены каким-то особым цветом, когда людей из прошлого уже нет. И, быть может, осознание того, что ничего совместного, (у тебя с ними) уже не будет,-- и придает им: совсем иное, какое-то особое, значение. Я даже подумал, что смог бы (труд - титанический, по своей сути) составить

описание (быть может, что-то типа дневника) каждого дня, который я провел - с родителями. Как и - еще - с их родителями. В гостях, у которых, мы, дети, проводили времени вполне достаточно для того, чтобы (в моем воспоминании) оно сложилось в некую цепочку единой жизни.

Надо отдать должное моей памяти. Я равно помню (с почти одинаковой отчетливостью) то, что было со мной вчера или лет двадцать, тридцать назад. С мельчайшими деталями. И возможность детально-хронологического восстановления почти всех эпизодов дня. Не думаю, что многие люди могут похвастаться такими способностями. Но, в моем случае, подобное становится возможным еще и оттого, что каждый день своего детства (что, быть может, уже менее заметно -- после) окрашен, в собственном подсознании, теми яркими цветами ощущений, которые и забыть-то, собственно говоря, невозможно.

Мне даже не требовалось что-нибудь особенное предпринимать для этого. С необъяснимой легкостью я мог заняться любым делом, которое "оставил" в прошлом.

Все равно,-- что продолжить смотреть кассету, оставленную когда-то "на паузе".

Конечно, я понимал, что стоит "сеансу" затянуться,-- и проектор "из прошлого" с легкостью может подменить текущую жизнь. Поэтому я соблюдал, что-то типа, технической безопасности. И мои воспоминания - занимали какое-то особое, обязательно промежуточное, в той жизни, в которой жил я, значение. Но такое случалось нечасто. И в большинстве случаев, я мог вполне свободно предаваться *наслаждению* видеть (вспоминая), что было когда-то. Нисколько не опасаясь, что это может вылиться во что-то, (излишне) опасное для меня.

Кстати, достаточно ошибочное - складывающееся у кого - впечатление, что я стремился подменить сегодняшнюю жизнь - прошлым. Это не так. Я, в равной мере, жил и настоящим,-- и прошлым. И,-- что было и верно, и непременно,-- достаточно почтительно относился к значению, какого бы то ни было, анализа. Уделяя особое внимание,-- детству. Детским воспоминаниям. Тем более, что, (опять же),-- детство - это период, когда со мной

находились родители. И тем еще более ценен для меня этот период, потому как позволяет ощутить присутствие рядом с собой людей, которых - не только нет, -- но и не будет.

В итоге, -- я был вновь -- с погибшими родителями. Вновь, -- мог спорить -- слевой Розенбергом. Доигрывать в недоигранные игры с Вадимом. Вести неторопливые беседы с Дмитрием Карловичем. Обнять, бабушку Анастасию. Пожать руку - дедушке Леониду. Зайти в гости - к своему прапрадеду - Генриху Францевичу. Повидать - родителей мамы, Аллы Павловны - бабушку Люду и дедушку Павла. А также вспомнить и еще одну свою бабку, родную тетку отца, сестру его матери - Елизавету.

В моих (совсем уж смутных) воспоминаниях - оказывались, и дед Ярослав - (сын моего прапрадеда Михаила, полковника русской армии, погибшего еще в Гражданскую войну, того прапрадеда, который был родным братом другого моего прапрадеда, царского генерала Генриха Францевича Райха); дед Ярослав, небольшого, а может и среднего роста, с большой окладистой бородой, усами, и черными длинными волосами, дед Ярослав, невероятно набожный и соблюдавший все посты, которому, должно быть, и должен я быть благодарен - своим крещением (в советские времена, когда за подобное - могли "вылететь" с работы и папа, и мама). И я помню, как меня маленького, везли на подводе. Потому уже помню какое-то бородатое лицо, руки с растопыренными пальцами, схватившие меня, и собиравшиеся утопить в бочке с невероятно противной водой. После чего, -- когда, меня, кричавшего, все же спасли родители, меня очень удивил смех всех вокруг. И в первую очередь - родителей. И потом, помнится, долго им не мог простить того. А еще меня заставили пить какую-то красную жидкость. Но, помнится, больше противился я даже не этому, а тому, что видел, как до этого, с этой же ложки пили другие. Мне было невероятно противно. Несмотря на совсем бессознательный возраст, я никак не мог понять, почему же - не мою ложку. И всячески убирал лицо, сопротивляясь попу, который вливал в меня красную, сладкую, противную жидкость. Вероятно, с тех пор, я не люблю ни вино, ни попов).

Удивительно, но я почему-то совсем не помню мужа бабки Елизаветы - деда Кирилла. Вернее, передо мной стоит только невероятно смутный образ какого-то высоченного старика, с накинутой на плечи то ли буркой, то ли шубой, с клюкой в руке, на

которую он вроде даже и не опирается, и хочет, вероятно, что-то спросить у меня, но,-- мне было тогда два, или три года,-- я, пугаясь, убегаю...

ГЛАВА 3

Пожалуй, это даже нельзя назвать ошибкой (в привычном, смысловом, значении этого слова). Подобные "упущения" (опять, не совсем точно!) мне приходилось совершать (к стыду... к огромному стыду) на протяжении всей жизни. И когда, какое-либо, событие,-- уходило,-- я, словно опомнившись, предпринимал невероятные попытки; дабы ухватить, хоть, последнее мгновение.

Мне очень хотелось вернуть все обратно. И, (если бы возможно было переместиться назад),-- я бы с радостью отдал за это (даже) годы - будущей, предполагаемой жизни. И, в иные моменты, только для того, чтобы решить вопросы, оставшиеся неразрешенными - в прошлом. Потому как - в будущее - не перешли люди, навсегда "отставшие".

Ни один раз,-- я корил себя,-- наказывая наперед не совершать ошибок. Но время показывало, что все повторялось. И смотрел я со стороны. Как будто это была не моя жизнь. А чья-то чужая. И был за нее ответственен - не я. А кто-то другой. Совершенно чужой человек. Строить жизнь (или, точнее, выстраивать отношения в этой жизни), которому мешал "злой" перст судьбы... Его?.. Или моей?! Я готов был совсем запутаться. Если бы не знал точный ответ. Впрочем, порой, именно с "этим ответом",-- я и выстраивал дальнейшие отношения. С жизнью.

Но отчего,-- ничто не способно было удержать меня от свершения одной и той же ошибки? Ошибки, повторяющейся, порой, с цикличностью секундной стрелки часов, через минуту гарантированно появляющейся в одном и том же месте.

Впрочем, все мои ошибки: схожи,-- по сути, и различны,-- по содержанию. И повторяются они,-- случается,-- совсем по независящим (от меня) причинам.

Я держу в руках пожелтевший листок фотографии. Мне видно, кто здесь изображен. Но я совсем не знаю - кто?!

И в который уж раз,-- задаюсь вопросом: что мне мешало - не только расспросить отца (что я, признаться, делал),-- но и (главное!) - записать на оборотной стороне фотографии - ответ его.

Теперь же... я начисто лишен разгадать загадку - изображения. Пожинаю свои ошибки...

ГЛАВА 4

Одно время меня часто посещала одна занимательная: а могло ли в моей жизни пойти все совсем иным путем, не выбери я,-- в качестве "путеводной звезды",-- науку?..

К слову сказать, на этом, (собственно), вся "занимательность" мысли и заканчивалась. Потому как, совсем я "не прорабатывал" (это было, совсем даже, не интересно) дальнейшего развития сюжета в случае, если бы я выбрал что-то иное, кроме науки. Мне даже было как-то не интересно... Зачем?.. Да и, должно быть, просто не хотелось, - (даже - в мыслеобразах),-- менять, то настоящее,-- что (теперь) есть у меня. Притом, что,-- иные варианты,-- вроде как,-- и невозможны.

Я заметил, что (в некотором роде) стал "заложником" своего интеллекта. В том плане, что ежедневно, (и на самом деле это действительно так), мой мозг должен получать (обязательную!) интеллектуальную подпитку. В виде, например, научной деятельности. Или - художественного творчества.

Причем, (в последние годы) между этими (отдельными, по сути) дисциплинами,

-- все чаще, должен был ставиться - знак "равенства". В том плане, что заниматься я должен был,-- и тем, и другим.

-- А ты не считаешь, что виной твоему нынешнему ритму жизни - невроз? И, причем, в какой-то, достаточно серьезной, стадии? - осторожно спросил меня как-то Роман Беркович, мой знакомый, с которым я познакомился совсем недавно, в одной из компаний. Тогда

мы достаточно мило побеседовали. Он был врач-психиатр. К тому же, у нас оказались весьма схожими интересы. Объединяло, которые, в первую очередь, литературное творчество. Правда, о чем он писал, -- я так, до сих пор, и не знал. Но это было - и не главное.

-- Ты знаешь, -- я внимательно посмотрел на Романа. Его, изучающий до того, взгляд тут же принял отвлеченно-поверхностную форму и, казалось, что это даже не он только что задал вопрос. А если даже и он, то уж совсем не ждет ответа. И все же я чувствовал, что Беркович ожидает, что я ему отвечу. Да, если разобраться, он особо-то и не старался что-то от меня скрывать. Так же, как, наверное, и я. Может, и легкость-то (и желание) нашего общения объяснялось еще и тем, что другой,-- по совсем незаметным деталям,-- способен был догадаться о психологическом настрое другого. (Кто-то из нас как-то заметил, что беседа двух психиатров напоминает дуэль шпионов),-- об этом я давно уже догадываюсь.

На какой-то момент наши взгляды встретились.

-- И ты решил, что пусть остается все на своих местах? - больше даже не с вопросом, а с пониманием поинтересовался Роман .

-- Пожалуй, да, -- согласился я. - А ты считаешь,-- стоит "бить тревогу"?..--я позволил себе улыбнуться уголками губ.

-- Да нет, -- немного даже смутился Беркович. Это был очень интеллигентный человек, достаточно высокого роста. Старше меня, должно быть, лет на шесть, семь. Но, казавшийся, даже, моложе. Всегда гладко выбритый, с правильными чертами лица (больше, скорее, женственными), немного выделяющимся носом,-- Беркович производил впечатление тех истинных сынов Моисея, которых с легкостью, вероятно, можно встретить в Палестине, или Израиле,-- но которых невероятно мало - в остальном мире.

-- То есть, ты не считаешь, что все "совсем плохо"? - попробовал я настроить своего приятеля на несколько шуточный лад. Который, вероятно, он тут же расценил - как выражение обеспокоенности с моей стороны. По данному вопросу. Желание,-- прекратить разговор. Перевести его, быть может, в другое русло. Что,-- косвенно свидетельствовало, что я и сам часто думаю о том. И подспудно,-- ищу помощи со стороны его, Романа Берковича.

Но вот мог ли он мне чем-то помочь?..

-- Не мне тебе говорить, что это может закончиться весьма печально,-- тихо, вкрадливо, с небольшой толикой - сопутствующей

словам - грусти, ответил Беркович. А так же, как бы между прочим, обрисовал мне возможные схемы выхода из ситуации.

-- Но что будет именно так, ведь тоже нельзя поручиться? - спросил я, пытавшись удержаться неизвестно за что (и зачем). Я вдруг начинал понимать, что подпадаю под влияние этого вкрадчивого голоса. Мне уже хотелось думать так же, как Беркович. Хотелось, вызвать - в нем - одобрение (какими-то словами, или - действиями - своими).

-- Давай остановимся на том, что это просто мое мнение, -- вероятно тоже что-то такое почувствовав, Беркович попытался (по крайней мере, так мне показалось) пойти на попятную.

-- Мнение, вызванное предчувствием?! - решил я, тем не менее, так скоро не отпустить его.

-- Предчувствием надвигающейся опасности? - переспросил Роман, осекшись. -- Да нет! - решительно произнес он, забирая ситуацию снова в свои руки. - Я просто высказал какие-то предположения. Которые ты волен - и не принимать - вовсе.

-- То есть, предположения могли быть ошибочными? - почти всерьез (точнее,-- с наигранным серьезным выражением лица) предположил я.

-- Ну, все, Алекс, давай закончим, - взмолился Роман.

Заканчивать, мне не хотелось. Но я осознал, что давно уже переигрываю. Есть у меня такая нехорошая черта. Доставать людей. А когда они начинают выходить из себя - успокаиваться. И начинать им говорить что-то настолько хорошее (и, при этом, с самой, что ни на есть, искренностью),-- что у людей (хотелось думать) создавалось, вполне положительное, впечатление.

ГЛАВА 5

Быть может, не всегда так выходило, как я того хотел. Но вот ведь вопрос: я заставлял себя думать (и подспудно на самом деле так считал), что у меня все получалось. А, может, получалось и на самом деле?

Школьные годы Алекса Райха (если попробовать собственную историю жизни преподнести с позиции стороннего наблюдателя), наверное, прошли независимо от его собственного мнения по поводу

того, чего он хотел или не хотел. Можно даже сказать, что, собственно, его мнения никто и не собирался спрашивать.

Означало ли это, что кто-то ему навязывал свое? Конечно, не стоило говорить так категорично (притом, что сложно - и, быть может, совсем даже нереально - найти лицо, на которое можно было бы сложить долю ответственности за все), но то, что Райх жил чуть ли не с ежедневным чувством вины - вины за то, что он, дескать, таков - было фактом, как говорится, без комментариев.

Собственно, могло ли быть как-то иначе? Наверное, нет. Хотелось бы, чтобы это было не так? Да. Но вот в том-то и дело: тогда,-- я действительно не мог ничего изменить.

Хотелось.

Пытался.

Но не знал, как.

Ход мыслей (а размышлять я любил, и с удовольствием предавался этому, отыскивая время в тогда, в общем-то, и не слишком загруженном графике личной жизни - какая особая загруженность в юные годы?) часто нарушался осознанием реального положения дел, полученного в результате неожиданного анализа какого-либо недавнего совершенного поступка жизненной практики. И, в свете новых - по поводу переоцененных обстоятельств - мое недавнее решение - выглядело, по меньшей мере, чем то таким, что невозможно вспоминать без содрогания. И уже как следствие,-- невероятное чувство вины; в родстве - с меланхолией, апатией, беспокойством... и - (появлявшимся совсем как бы и ни откуда) - сквернословием в душе... пока только в душе...

И было еще - какое-то необъяснимое чувство - собственной *неполноценности*.

От которого непременно хотелось избавиться. Но...зачастую,-- и не знал как. (Это и было, кстати, одним из поводов серьезно заняться анализом психики. С непременным "разбором,-- складывающихся,-- полетов"; и поиском выхода - из, одинаковых по сути, но таких разных - по своим последствиям - ситуаций). И вся моя последующая жизнь - неизменно определялась этой борьбой. Борьбой,-- с целью: завоевать уважение окружающих.

Не сказать, чтобы я особенно преуспел в этой борьбе. Но признать, что потерпел поражение - это не только выше моих сил, но и самым элементарнейшим образом не отвечает действительности.

Однако, мне всегда было трудно себе признаться, что я в чем-то проигрывал. Да и вообще, держать при себе подобную мысль - для меня - означало: заранее смириться с поражением. Что, в итоге, могло бы (косвенно) свидетельствовать,-- что так и произойдет.

Можно даже сказать, что никогда - ни раньше, ни теперь - я не был готов к осознанию этого факта. Это было для меня настолько... нет, даже не обидно, это просто означало, что дальше и жить-то не стоит. Ведь признание поражения - это, собственно, уже и есть поражение. Хотя, если попытаться разобраться, поражение поражению рознь. Даже можно сказать, что в иных случаях, собственно, поражение (то, что мы понимаем под этим словом) и не будет таким. В другом же варианте, - любое поражение означало одно - крах (тоталитарной) системы нашей души. И,-- как следствие,-- разброд психики. А что может быть страшнее этого? Потому я, всеми силами, (мыслями, желаниями, поступками),-- стремился отдалить этот момент; про себя, признаться, надеясь,-- что он никогда не наступит.

Преуспел ли я в этом? Этот, на первый взгляд, сложный вопрос, - может разрешиться относительно легко, если принять во внимание возможность той *относительности*, благодаря которой, даже, некогда совсем "упаднического" характера (и пораженческого настроения) мысли,-- способны в одиночасье: принимать совсем иное (противоположное от их первоначального смысла) значение. И это внушало надежду, что ничего еще не потеряно.

И все же, (если беспристрастно оценивать пройденный путь), то вполне, возможно, стоило признать, что свою первоначальную битву - Алекс Райх проиграл. Действительно, в молодости я несколько не мог бы похвастаться (за исключением, быть может, самых незначительных моментов, которые, впрочем, - с одной стороны можно даже и не заметить; а с другой -- признать началом, которое из скромного фонтанчика - превращается в огромный водопад) тем, что:

1. Справлялся с собственными страхами, фобиями и комплексами (что немаловажно, ибо по всему, ранее, выходило, что это они, а не я, направляли мою жизнь);

2. Ясно различал дальнейшую перспективу (по постановке и достижению поставленных целей) жизни. Я многим хотел стать. И я не знал, кем стану.

По всей видимости, теперь можно смело говорить, что все, что происходило в моей жизни, было направлено на решение двух структурированных (мною) пунктов. В них же заключена, вероятно, и, столь явная, амбивалентность. А ведь я, как никто другой, понимал, что существующие во мне комплексы - все же требовали приведение всего к единому знаменателю. Иначе... Иначе бы ничего и не было. Не было бы, быть может, и самого меня. Причем, подобное утверждение можно рассматривать как с позиции буквального понимания (данного) предложения, так и, собственно, с учетом тех многочисленных значений, которые способны развиться из интерпретаций планируемых действий.

И все же, наверное, немаловажным результатом (как говорится, некоторым подведенным итогом прошедшей жизни) является то, что в большинстве случаев мне удалось избавиться от всех (ну, почти всех) своих комплексов.

Для меня это действительно является значительным событием. А борьба "с оставшимися" - озаряет дальнейшую жизнь; внося в нее новые краски; и помогая,-- жить. Потому как, если - при достижении запланированных целей - (попутно) решаются еще и другие (тоже важные и значимые) задачи,-- то, как минимум, можно сказать, о правильно выбранном пути.

ГЛАВА 6

-- Ну, подожди, подожди, -- я чуть придержал за локоть, порывавшегося уйти Берковича. Рома зашел ко мне пару минут назад. Теперь же, решил, вдруг, уйти. - Давай так: если ты уже пришел, то проходи, -- я, жестом свободной руки (продолжая другой его держать), показал в сторону расположенной прямо напротив входной двери кухни.

На удивление - он согласился. А я,-- несмотря на то, что внезапное появление Романа Абрамовича Берковича оторвало меня от работы,-- обрадовался. Все таки я не любил неразрешенных вопросов. А ситуация Берковича, по всей видимости, требовала разрешения. И,-- если не справился он сам,-- то - и с моим участием.

-- Ну, выкладывай, что произошло? Как можно участливее спросил я, усаживаясь за стол, где уже сидел, рассматривавший загодя расставленные мной - словно ждал - виски, сок, минералку и холодный чай. (Холодный чай я пристрастился пить в Штатах. Там он весьма популярен).

Потребовалось какое-то время, прежде чем, собравшийся с мыслями Беркович: поведал, что на улице его дожидается товарищ. И, собственно, проблема-то и была у того. А Беркович, взявшись ее разрешить, вскоре запутался. И пришел за советом ко мне.

Через минуту товарищ поднялся.

Передо мной предстал долговязый парень; неопределенного возраста; по виду больной или "пришибленный".

Но оказалось, что и он не один. На улице осталось еще двое. Которые тоже, вскоре, оказались в моей кухне. В отличие от Джона, (как представился парень), которому было тридцать пять,-- возраст парней едва достигал двадцати трех - двадцати четырех. Но всех их,-- объединяла одна проблема.

Как оказалось, они были студентами одного из американских колледжов. И приехали в Россию - на "гастроли". Став жертвой какого-то богатого русского туриста, заметившего их, когда они играли джаз. Как я понял, после одного из совместных походов в ресторан - расщедрившийся "русский": дал денег на билеты в Россию, и даже оговорил "время гастролей".

Для чего это было ему нужно? Не знаю? Но мне было сразу понятно - что их здорово разыграли. Причем, еще в аэропорту (в Пулково), ожидая "промоутера", и в предвкушении огромных, наобещанных тем, гонораров, -- парни спустили все имеющиеся у них деньги - в "рулетку".

Что я мог им сказать?..

Что до их встречи с Берковичем,-- то оказалось все просто. Парни смекнули, что, Санкт-Петербург, являясь крупнейшим городом России,-- наверняка имеет научные интересы с Америкой. И каким-то образом добрались до института, где преподавал Беркович. И встретившийся, им, собственно, при входе.

Проникшись проблемой, Роман Абрамович очень захотел помочь ребятам. Но - совсем не знал как. (Принятие, и тем более, осуществление каких-то решений, для Берковича представляло

неразрешимую проблему. Причем, результат,-- чаще всего оказывался обратно пропорционален затраченным усилиям).

Таким образом - он и привел их ко мне. (Кстати, еще одна забавная вещь. При сравнительно высоких доходах - Беркович постоянно нуждался. Причем, вроде как, ни на что, кроме книг, денег не тратил. А тех - было у него не много).

-- У меня два варианта решения, - внимательно я оглядел парней, - я могу вам дать адрес американского консульства; а могу - попытаться найти деньги на обратный билет. Парни выбрали второе. Обрадованный Беркович ушел вместе с ними.

Любопытно, но Беркович принадлежал к той категории незадачливых людей, которые явно притягивают к себе неприятности. Причем, зачастую ошибка их заключалась в том, что они (и Роман Абрамович не был исключением) всяческими силами старались от своих неприятностей избавиться. Тем самым,-- навлекая на себя, неприятности еще большие. Так что вскоре у них начинали образовываться устойчивые комплексы; не только мешавшие жить, но и делавшие эту жизнь - невыносимой.

ГЛАВА 7

То, что судьба (верю или нет в нее - не важно) всегда пыталась предоставить для меня дополнительные испытания - было также верно,-- как и то, что в преодолении этих трудностей - закаливался характер.

Но при этом - мне совсем не хотелось, что бы эти самые трудности встречались. И в иные моменты - просто хотелось жить, как живет большинство. Без ежедневных свершений "подвигов". Заключавшихся - в преодолении себя.

ГЛАВА 8

Рассказывая историю Алекса Райха, (то есть, самого себя),-- я поймал себя на мысли, что в ней невероятно мало - о родителях И, прежде всего, а маме.

Может создаться впечатление (ошибочное), что мама не принимала в моей жизни никакого участия. Это - не так. На самом деле, я испытывал ее любовь и заботу,-- казалось,-- двадцать четыре часа в сутки. На протяжении всей жизни - ее. Даже, когда я переехал жить в другой город - она звонила мне по несколько раз в день; и каждый вечер - я не ложился спать (даже если, иной раз, очень хотел), зная, что раздастся ее звонок, чтобы пожелать мне "Спокойной ночи!".

Я любил свою мать. Но, отчего-то - стесняюсь признаться в том.

Во всех своих "начинаниях" (независимо от характера их) - я все время ощущал невероятно мощную поддержку родителей. Веру - в меня. И оттого - достаточно ясно высвечивалось: и предательство мое. Потому как - родителей я предавал в первую очередь. В мнении окружающих - невероятно вычерчивая себя. Свою личность. Свою - значимость. Которой и вовсе не было бы - не будь родителей.

Насколько себя помню - я всегда пытался избежать давления над собой матери. Осознавая,-- что мне просто необходимо вырваться от тотального контроля.

Я стремился - к самостоятельности. Мама же,-- подсознательно противилась этому. Что являлось и причиной - наших скандалов (ибо предпочитали мы всегда высказать друг другу правду, нежели чем таить что-то в себе). И даже когда я, казалось, навсегда ускользнул от нее, уехав за тысячу километров - ее все равно не оставляла надежда, что когда-нибудь я одумаюсь и вернусь.

(И отчего-то мне кажется, что когда она навсегда распрощалась с идеей моего возвращения - у нее не стало и стимула жить дальше. Что, в итоге, ускорило ее смерть).

ГЛАВА 9

Быть может, что меня еще тревожило - это редкое общение с братом и сестрой.

После окончания института, Артем сменил несколько профессий, прежде чем остановиться на строительном бизнесе. Алена,

---

довольно рано выскочив замуж, (и просидев какое-то время дома, ухаживая за моим племянником - Алешей,-- заочно закончила институт (факультет искусствоведения); устроившись работать -- в сферу туризма.

Приехав как-то на родину, и довольно долго не увидев брата, - я отметил про себя,-- его невероятную схожесть с нашим дедом (по материнской линии); Павлом Павловичем Крупининым. Тот же огромный рост. Массивность фигуры. Невероятно мужественное лицо.

У них и характер был схожий: Артем был такой же упрямый и настойчивый в достижении целей, как дед Павел. Человек, без каких-либо возможностей компромисса. У которого,-- черное - всегда было черным. А белое - белым.

Схожий характер - был и у нашей матери.

Что до сестры, то, от мамы, ей, в какой-то мере, передалась жесткость и рассудительность. Чему виной - развод с мужем; когда Алена осознала - что тот совсем не отвечает требованиям - предъявляемым к нему.

А еще у Алены была красота. Та красота, что перешла и от матери (невероятно красивой женщины), и от отца (в молодости использовавший свои женственные черты лица - подрабатывая моделью в фотостудии). Помимо красоты - у Алены была красивая фигура (сестра - мастер спорта по фигурному катанию), и...ум. (Что невероятно, заметить, радовало меня, просто обожавших умных женщин).

ГЛАВА 10

"...Я не думаю, что ты так уж в чем-то ошибаешься. А что до твоего опасения писать сейчас хуже - чем раньше.... замечу, что я не впервые от тебя слышу подобное. И все же я хотел бы тебя попросить, - не оставлять научную деятельность. Твои труды, на мой взгляд, еще ждут настоящего признания.

И еще. Как мне кажется, высказывания некоторых (маститых) писателей о безразличии к читателям - показное. И тут ближе тебе (как специалисту) - сказать: чем они продиктованы. публике..."-- Алек оторвался от письма. Явно - оно не шло. Чего-то не хватало. Быть может, и не то, совсем, хотел он сказать Берковичу; с недавних пор перебравшемуся жить за границу; в Германию. И, собственно, туда, в Карлсдорф, сейчас он ему и писал.

Алекс подумал, что, по сути, он и сам с легкостью мог считаться эмигрантом. Почти по полгода (в некоем суммарном эквиваленте) проводя за границей. В основном, -- во Франции. Но были еще, и Штаты, и Англия, и та же самая Германия...

За границей у него появлялось какое-то необъяснимое вдохновение. Вдохновение, быть может, являвшееся следствием того внимания, которое Запад уделял к его персоне.

Он и сам понимал, что с недавних пор значительно продвинулся в своих исследованиях. А потому, вполне охотно делился знаниями; прочитывая лекционные курсы в институтах Европы.

Беркович был искренне рад вниманию Алекса.

А потому - охотно вступил в переписку. И раз-два в месяц, они отсылали друг другу письма; большей частью состоявшие из размышлений (каждого) о жизни.

"Алекс! В какие-то минуты я тоже начинаю подумывать: а правильно ли все, что я делаю? (Это к твоему письму, где ты пишешь о странном желании бросить все...). Ты хочешь уехать в деревню. Но ведь и во мне - течет крестьянская кровь.

Ну, пусть не совсем крестьянская; но ведь, насколько я помню по рассказам бабки, прадед был управляющим в имении какого-то барина; а дед, вроде как, и сам стал барином. А значит, к сельскому хозяйству я, как минимум, должен быть не чужд, а? Быть может, и мне все бросить, послать все к черту (как удивятся мои немецкие коллеги), - да уехать вместе с тобой в какую-нибудь заброшенную деревеньку?.. Хотя, что это я? У тебя, наверное, это был не иначе как порыв, а я уже развожу теории да строю версии?! Но, в общем, как бы то ни было, Алекс, знай, -- что на меня ты всегда можешь положиться. Ведь ты, должно быть, заметил и сам, мы с тобой похожи. Если не внешне - то по психическому укладу. Так что - куда ты, туда и я!.."

"Алекс! Мне несколько не хочется, чтобы случайное "затишье" в нашей переписке, ты как-то неверно истолковывал. Это не так. Вероятно, я слишком излишне увлекся последним романом. Или - повестью? (Писал ли я об этом?). И, ты знаешь, я ему действительно придаю необычайно большое значение. Особенно на фоне той усталости (от жизни?), которая преследует меня в последнее время.

Быть может я и преувеличиваю. Но, поверь, только самую малость. И мне действительно, как-то тяжело...".

"Роман Абрамович! Поверь, я нисколько не считаю, что ты хоть что-то способен преувеличивать. Тем более, твое восприятие жизни не может быть ошибочным. Это, конечно же, не так.

Что до твоей книги, то я заранее предрекаю ей успех. Притом,-- не только среди эмигрантов. Думаю, удастся напечатать и в России. Причем, с издателем,-- (уж прости мою поспешность; скажешь - отменю; дашь "добро" -- продолжу переговоры),-- я почти договорился (я дал ему прочитать один из твоих предыдущих романов; от нашел его - гениальным). Так что,-- жду от тебя рукопись.

Да, кстати, хочу тебя поздравить (почему я об этом должен узнавать через третьи руки?) с профессорским званием. Рад за тебя".

"Алекс! Спасибо за письмо. Пойми правильно, но только здесь я стал понимать, что переписка между нами,-- необходима мне, быть может, даже больше, чем тебе.

Но если опустить излишнюю сентиментальность, то я предложил бы тебе, дружище, вспомнить тех ребят из Штатов, с которыми я как-то вторгся к тебе. Помнишь? И знаешь, почему я хочу, чтобы ты их вспомнил? С одним из них, я недавно случайно столкнулся на кафедре лингвистики. У него, оказывается, диссертация по романо-германским языкам. Не вдаваясь в подробности, скажу, что его сможешь вскоре увидеть. В один из ближайших месяцев (быть может, письмо совпадет с его приездом) он будет в Санкт-Петербурге. Я дал ему твой телефон. Будет звонить.

Алекс, я с ним (как говорится, с оказией) передал для тебя ряд книг; думается, они тебе будут весьма кстати.

И еще. Твоя рукопись (такой вот у нас "забавный" обмен) планируется к печати. При должных обстоятельствах - у тебя выйдет книга на немецком языке.

К тому же, у меня в планах - и английское издательство. Но пока не буду забегать вперед...".

Признаться, в душе я был рад переписке. К тому же, у меня возникла мысль пожить какое-то время в Германии. Поэтому, наличие (там) близкого товарища - было, как минимум, весьма кстати.

Единственное что, с недавних пор я стал тяготиться подобной дружбой. Что-то меня начинало отталкивать от Берковича. Но это вполне можно отнести и к свойству моего характера. Когда проходит время - и недавние друзья - вызывают во мне желание: бежать, скрыться от них. И я разрываю всяческие отношения. (Причем, происходит все, как бы само собой).

ГЛАВА 11

"Никогда не знаешь - где найдешь, где потеряешь. С высокой долей вероятности можно предположить, что та часть сублимирующего в нашу жизнь естества (вероятно, всего того, что и зовется психикой, или, лучше сказать, психического содержания, некоего результата, накопившегося за долгие годы желания, так и не нашедшего до того реального воплощения во что бы то ни было) наконец-то нашла (в моем варианте, равно как и в случае моих ближайших друзей, коллег) более-менее реальное воплощение. Что это, как самая, что ни есть незаменимая из частей некогда единого разума, теперь распадающегося на мельчайшие (и сами по себе ничего не стоящие, а только вместе играющие хоть какую-то, быть может, даже незначительную, роль) атомы и, вероятно, уже вследствие этого кто-то и сможет судить об их величии...", - Алекс Райх встал из-за стола, склонился над только что написанным, пробежал глазами, вздохнул, скомкал бумагу, вновь распрямил, перечеркнул все (несколько раз) красными чернилами, и, вновь скомкав, бросил в корзину.

-- Действительно, в последнее время шла откровенная чушь...Он хотел, было, еще раз перечитать написанное, но тут же, видимо, передумав, взял лежащую на столике пачку сигарет "Лаки страйк", и на ходу извлекая из кармана зажигалку,-- вышел на крыльцо.

Недавно сбылась его мечта. Он, наконец-то, купил загородный домик. Теперь с полным правом мог наслаждаться деревенским покоем и тишиной. До ближайшего островка цивилизации (райцентра),-- было сто километров. Так что, просто так,-- к Алексу никто приехать не мог. А из связи - в деревне был только один телефон. Спутниковый (у

самого Алекса). Или, как он теперь предпочитал, чтобы его называли - Алексея Леонидовича.

Но дозвониться до Алексея Леонидовича было невозможно. Потому как,-- желая оградиться от цивилизации,-- не только телефон он держал выключенным, но и - не смотрел телевизор, не читал газет, не слушал радио. Да и не с кем,-- не общался. Даже книг он с собой не взял (случай, невероятный, для тех кто знал Алекса Райха; начав читать с трех лет, с книгами доселе он не расставался). Вставал с рассветом. Засыпал с закатом. Питался исключительно деревенской пищей, которую раз-два в неделю ему привозил старик, отец местного председателя колхоза, почитавшего за честь, что у него находится такой именитый гость (писатель!); который, к тому же, и достаточно щедро (по деревенским меркам) платил за продукты.

Со временем, Алексей Леонидович, конечно же, прекращал свое "затворничество". Наверстывая "упущенное". Но это было после. А пока он предпочитал, чтобы ему "не мешали".

Кстати, что до домика, где он жил,-- то купил он его у родственников. И это был тот самый дом, что (когда-то) принадлежал его прадеду: генералу Генриху Францевичу Райху. Алексей Леонидович восстановил, - (где по памяти, где с помощью архивных материалов),

-- тот самый интерьер, который окружал генерала при жизни. Правда, мало кто действительно что-то помнил. Да и архивы - были не совсем надежны. Но Алекс решил ориентироваться на свою интуицию. И сделал все так, как ему казалось, было... (Ведь недаром ему говорили, что он необычайно похож на деда...).

Через какое-то время, у Алексея Леонидовича появилось желание, как-то использовать "уединение" в литературной деятельности.

Сейчас он как раз работал над одной из новых тем.

"... На самом деле, нам никогда не дано в полной мере предугадать, когда же прекратится наше земное существование. Но

почти с полной долей вероятности можно предположить, что каждый из нас этого ждет. Ну, или, по крайней мере, думает об этом...", -- Алексей Леонидович отодвинул рукопись. С недавних пор его стали мучить сильнейшие головные боли. Иной раз даже казалось, что как будто внутри головы лопались (и он слышал характерный треск, сравнимый с тем, как лопаются сухие ветки или трещат поленья в печи) сосуды. Что это было на самом деле - он не знал; к врачам предпочитал не ходить. Единственно, быть может, о чем догадывался, что когда-нибудь - все оборвется внезапно. Но об этом старался не думать. Подсознательно подгоняя, себя, в творчестве; и желая как можно больше - оставить после себя...

ГЛАВА 12

-- Та кадровая политика, которой придерживается ваше руководство, по всей видимости, не совсем отвечает общепринятым нормам, -- Ипполит Матвеевич Кузин, высокий, грузный человек с бросающимся в глаза вторым подбородком, но,-- (на удивление),-- "свежими", "играющими" глазами,-- необычайно легко отмерил несколько шагов от стола директора института до широко распахнутых - (лето было в самом разгаре) - окон, и обратно. - Вы не задумывались, почему подобного не может произойти у нас? А ведь наш институт не может похвастаться такой поддержкой государства. Быть может, дело в другом? - он изучающее посмотрел на (стоявшего напротив него) проректора одного из городских ВУЗов, своего, в недавнем прошлом, студента и аспиранта.

-- Вы знаете, Ипполит Матвеевич, -- вмешался молодой, сорокалетний директор одного из НИИ Санкт-Петербурга, недавно ставший членкором РАН, Алексей Леонидович Райх. - Я считаю, дело тут совсем в другом. А проблема, о которой нам тут поведал Роман Абрамович, по всей видимости, несколько выходит из плоскости возможностей. Другими словами,-- мы драматизируем ситуацию. Действительно,-- стоит наладить положительный климат в институте. Действительно,-- следует пригласить новых преподавателей. Но ведь, проблема этим не исчерпывается?... Тем более, насколько мне известно, финансирование ВУЗа нашего общего друга вполне предполагает оперирование несколько иными, чем сейчас, суммами. Ведь так? --

---

Алексей Леонидович последовательно посмотрел на присутствующих; и, заметив, на себе их взгляды, отчего-то смутился и опустил глаза.

-- Все на самом деле выглядит немножечко иначе, -- уклончиво заметил Роман Абрамович, (тем самым проректором, вызвавшим на себя критику - был именно он, недавно вернувшийся из-за границы, чтобы занять подобную должность в недавно открывшемся коммерческом вузе). - И, если честно, никаких особых сложностей у меня не возникло,-- внезапно пошел он на попятную (обратившись до того,-- с просьбой помочь ему справиться со сложившейся ситуацией, связанной с его приходом). Давайте считать, что это была - лишь, не совсем удачная попытка проконсультроваться по некоторым вопросам. Спасибо. Теперь я справлюсь сам.- Беркович позволил себе улыбнуться, обводя взглядом обескураженных собравшихся.

-- Опять ты юлишь?! - прокряхтел Кузин, явно за долгое отсутствие Берковича подзабывший того манеру общения. Ведь тот был такой всегда. А значит, как вроде бы. И нечему было удивляться. Тем более,-- расстраиваться.

-- Ладно, Роман,-- подытожил и Алексей Леонидович. - Будем считать, что наш диалог все же состоялся. Тем более, ты можешь всегда рассчитывать на нашу поддержку (он посмотрел на Кузина). А, кроме того, если честно, я бы тебе мог предложить должность и в своем институте. Должность,-- в соответствии с твоими знаниями. Которые, как знаешь, я ценю невероятно высоко.

-- Это звучит как предложение, -- улыбнулся Беркович, явно польщенный (он всегда любил лесть) оказанным ему доверием.

-- Я думаю, это предмет нашей ближайшей встречи, -- все же решил Алексей Леонидович на сегодня закончить. У него отчего-то появился нехороший осадок от встречи. Явно, Беркович изменился. И, - не в лучшую сторону...

-- Ну, ребята, я думаю теперь вы справитесь и без меня,-- подтвердил его предположения Кузин, решивший, вероятно, вообще больше никогда не встречаться с Берковичем. В своем возрасте - он уже мог себе позволить не тратить время на "пустых" людей; к которым,-- как он признался после,-- и зачислен, им, Беркович.

-- Рано вы себя списываете, -- пошутил Алексей Леонидович, показывая, что все понимает, и прощаясь - с академиком.

-- Что ж, ребятки,-- отчего-то растрогавшись, произнес кузин на прощание,-- всегда буду рад помочь. Обращайтесь.

(Через несколько дней, Ипполит Матвеевич кузин умрет. Инфаркт).

ГЛАВА 13

Моя жизнь все же приняла более-менее "соответствующий" ритм.

Тем более, что я, по всей видимости, принадлежал к той категории людей, которые - независимо от пройденных этапов жизни - и готовы, и способны, на новое "обновление". И совсем не против - начать все сначала.

Так что, знавшие меня лет двадцать назад - не узнали бы, встретясь я им сейчас. А, (даже близко общавшиеся) со мной сейчас - лет через пять,-- пройдут мимо, не узнав.

Быть может потому,-- что я рушил мосты. И уходя - не возвращался.

Причем, это было настолько присуще мне,-- что я даже не считал, подобное, своей ошибкой. Тем более,-- что, быть может, во всем этом было и нечто большее, чем просто стремление покинуть прошлое. Быть может, это была единственная возможность - достигнуть будущего...

Насколько,-- это было правильно?.. Считая, сейчас, что "да",-- вполне возможно,-- что уже завтра: наступит разочарование. А за ним - и сожаление, и раскаяние...

Но то будет завтра... А пока мы живем - сейчас... Тем более, что все в этом мире, чаще всего, происходит совсем - и не считаясь с нашим желанием. Чтобы потом,-- (словно одумавшись),-- вновь возвратится в привычный круг. Поддерживая убежденность - в необратимости (происходящих процессов). А то и... в необратимости - бытия...

27 июня 2004 года
Зелинский Сергей Алексеевич

© С.А.Зелинский. Необратимость бытия.